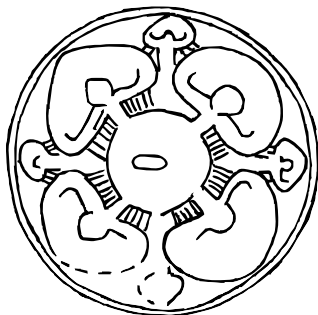


Харківська обласна державна адміністрація
Управління культури і туризму
Обласний комунальний заклад
«Харківський науково-методичний центр охорони культурної спадщини»

САЛТОВО-МАЯЦЬКА АРХЕОЛОГІЧНА КУЛЬТУРА: 110 років від початку вивчення на Харківщині



*Збірник наукових праць, присвячених
проблемам та перспективам салтовознавства,
за матеріалами Міжнародної наукової конференції
«П'ятнадцяті Слобожанські читання»*

ВИДАВЕЦЬ САВЧУК О. О.
ХАРКІВ • 2011

УДК 904(477.54./62)„653”
ББК 63.444(4УКР5)
С16

- С16 Салтово-маяцька археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині :** збірник наукових праць, присвячених проблемам та перспективам салтовознавства, за матеріалами Міжнародної наукової конференції «П'ятнадцяті Слобожанські читання» / упоряд. Г. Є. Свистун. — Х. : Видавець Савчук О. О. ; ОКЗ «Харківський науково-методичний центр охорони культурної спадщини», 2011. — 148 с. ; 50 іл.
ISBN 978-966-2562-12-5

У пропонованому збірнику публікуються матеріали, які були підготовані до Міжнародної наукової конференції «П'ятнадцяті Слобожанські читання» і присвячені 110-річному ювілею початку вивчення салтово-маяцької археологічної культури на Харківщині. У декількох роботах наведено аналіз пройденого салтовознавством шляху, освітлені назрілі проблеми сьогодення наукової галузі і визначені найважливіші завдання на майбутнє. Низку публікацій присвячено новим археологічним відкриттям в Україні, Росії і Болгарії в галузі салтовознавства та наведений аналіз отриманих матеріалів, які дозволяють на якісно новому рівні розглянути окремі наукові проблеми. Також порушені питання збереження культурної спадщини.

Видання призначене для археологів, істориків, музейних працівників, краєзнавців, студентів і всіх не байдужих до минувшини Харківщини зокрема і Південно-Східної Європи в цілому.

УДК 904(477.54./62)„653”
ББК 63.444(4УКР5)

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ

- *д.і.н. О.О. Тортіка*
- *к.і.н. В.В. Колода*
- *к.і.н. В.С. Аксьонов*

На першій сторінці обкладинки: речі з жіночого поховання-жертви в одній із зернових ям Мохначанського городища (*розкопки та фото В.В. Колоди, 2010 р.*).

На четвертій сторінці обкладинки: срібна ложечка з Мохначанського городища (*розкопки В.В. Колоди, 2010 р.*) та тамга на стінці ранньосередньовічної амфори в салтово-маяцькому житлі з Чутувського городища (*розкопки Г.Є. Свистуна, 2007 р.*).

ШАНОВНИЙ ЧИТАЧУ!

Період вивчення салтово-маяцької археологічної культури налічує більше 110 років. Почкою відліку досліджень вважається 1900 р., коли учителем В.А. Бабенком був відкритий катакомбний могильник біля с. Верхній Салтів Харківської губернії, від назви якого культура і отримала першу частину своєї назви. Паралельно, майже в той самий час, почалося дослідження аналогічних старожитностей біля х. Дівногор'є на території Воронізької губернії, де були розпочаті розкопки Маяцького городища, від котрого походить друга частина назви археологічної культури.

За весь цей час досліджень, що тривав протягом 110 років з більшим чи меншим розмахом, був накопичений значний археологічний матеріал, виявлено та введено в науковий обіг велику кількість пам'яток та об'єктів салтово-маяцької культури.

На сьогодні салтовознавча тематика в наукових пошуках як вітчизняних, так і зарубіжних дослідників є досить популярним напрямком роботи. Її актуальність визначається дедалі більшим інтересом до ранньосередньовічної історії Південно-Східної Європи, оскільки, незважаючи на досить значний накопичений історичний і археологічний матеріал, багато проблем залишаються досі не вирішеними і викликають численні дискусії серед вітчизняних і зарубіжних археологів і істориків.

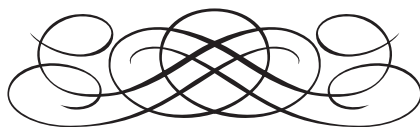
Не стоїть осторонь і наш Науково-методичний центр охорони культурної спадщини. Його співробітники – Т.Є. Свистун і О.О. Лаптев – проводять активну науково-дослідну і охоронну діяльність щодо салтово-маяцьких пам'яток Харківщини. Результати їх роботи регулярно вводяться в науковий обіг.

Пам'ятки салтово-маяцької культури можуть вважатися однією з «візитних карток» нашого краю. Поповнення наших знань про минуле, зокрема одну з найбільш репрезентативних археологічних культур Слобожанщини, сприяє більш правильній оцінці історичного розвитку, вихованню поваги до рідної мившини, а звідси – більш правильного планування власного майбуття.

В силу географічного розташування ареалу салтово-маяцької культури її пам'ятки знаходяться на територіях, що нині входять до складу України та Росії. Ця обставина спонукає до більш тісних наукових та культурних зв'язків спеціалістів та всієї культурної спільноти, перш за все, двох сусідніх країн, а також дослідників, перш за все, Болгарії, де ранньосередньовічні пам'ятки мають багато спільних рис безпосередньо з пам'ятками салтово-маяцької культури заради більш плідної праці у вивченні та популяризації старожитностей даного кола.

Сподіваюся, що це видання стане корисним для подальшого розвитку салтовознавства і стане своєрідним внеском в справу збереження нашої археологічної спадщини. Фахівцям, що присвятили себе вивченню салтово-маяцьких старожитностей, щиро бажаю нових відкриттів і творчого натхнення в їх благородній справі.

*О.Д. Коваленко,
директор Харківського науково-методичного
центру охорони культурної спадщини*



ДОРОГІ ДРУЗИ!

Збірка наукових статей, що виходить для ознайомлення широким загалом фахівців та всіх, хто не байдужий до всесвітньої культурної спадщини, присвячена 110-літтю від початку вивчення на Харківщині салтово-маяцької археологічної культури. Це не випадково, бо саме Харківщина стала основним ядром, де були сконцентровані найбільш значущі роботи щодо дослідження вказаної культури, яка стала своєрідною візитною карткою нашого краю, сформувалися школи, що вже налічують не одне покоління дослідників.

Відрядно, що у збірці представлені роботи не лише українських учених, але і зарубіжних дослідників в області салтово- та хозарознавства. Дуже важливим є налагодження серйозного науково-дискусійного зв'язку для складання об'єктивної картини відносно загального ступеня розвитку салтовознавства, об'єднання зусиль та використання здобутків спеціалістів різних країн – насамперед України, Росії та Болгарії.

Серйозність будь-якого видання в першу чергу визначається його змістом, в цьому плані презентована збірка виглядає більш ніж переконливою, оскільки передусім це колективна праця, праця професіоналів, фахівців високого класу у своїй тематиці.

Статті, що знайшли своє місце на сторінках цього видання, досить цікаві і з різних позицій розкривають нам проблеми салтовознавства, знайомлять з новими археологічними знахідками та підводять деякі підсумки 110-літньої праці з вивчення салтово-маяцьких старожитностей. Адже сьогодні від археологів чекають не лише нових розкопок і описів знахідок, а підведення деяких підсумків та визначення шляхів наукового пошуку на майбутнє. Сьогодні як ніколи актуальні, на мій погляд, питання щодо охорони пам'яток археології, збереження законсервованої в них безцінної інформації щодо минушини нашого краю. Стосовно цього у нас склалося досить добре взаєморозуміння з багатьма археологами, яким не байдужа справа охорони культурної спадщини. Саме з їх професійною допомогою співробітники Науково-методичного центру прово-

дять цю важливу і тяжку роботу, зберігаючи пам'ятки для майбутніх поколінь, надаючи тим самим змогу спеціалістам провести їх вивчення як на даний час, так і в майбутньому.

Ми дякуємо членам редколегії за участь в рецензуванні запропонованих статей, за старання бути об'єктивними у своїх оцінках і за велике бажання перетворити збірку на якісне наукове видання.

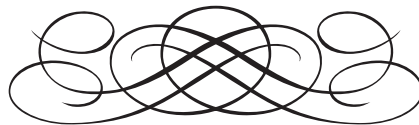
Велика подяка поважним авторам збірки, які надали результати своїх наукових пошуків до цього видання.

Сподіваємося, що фахівці-салтовознавці братимуть активну участь своїми статтями в наступних збірках, що наша плідна співпраця буде продовжена і послужить на користь спільного великого завдання – збереження та вивчення археологічної спадщини.

Г.М. Кулик,

завідувач відділом пам'яток археології

ОКЗ «ХНМЦОКС»



НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ПОСТПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ АЛАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОДОНЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВЕРХНЕ-САЛТОВСКОГО IV КАТАКОМБНОГО МОГИЛЬНИКА)

Основным типом погребального сооружения аланского населения салтовской культуры Подонья, как свидетельствует более чем столетняя история исследования раннесредневековых могильников региона, является катакомба [1, с. 466–468; 2, с. 278–280; 3, с. 72–91; 4, с. 6–14]. Катакомбы аланского населения Подонья расположены на склонах балок или яров и, как правило, ориентированы по их склонам, в соответствии с древним рельефом местности. Классическая салтовская катакомба состоит из узкого и длинного входного коридора – дромоса, и погребальной камеры, вырытой в торцевой стенке дромоса, расположенной выше по склону. В начальной части дромоса в большинстве случаев фиксируется несколько ступенек, количество которых зависит от длины, а, следовательно, и глубины входного коридора¹⁾. Работы последних лет на Верхне-Салтовском IV катакомбном могильнике, проводимые совместной экспедицией Харьковского исторического музея и историческим факультетом Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, позволили сделать ряд интересных наблюдений.

Так, в целом ряде погребальных сооружений могильника были зафиксированы в ближнем к погребальной камере конце дромоса четко фиксировавшиеся пятна хода повторного проникновения в захоронения [5, с. 98–99]. В ближнем к погребальной камере конце дромоса четко фиксировалось пятно хода повторного проникновения в погребальную камеру. Расположенная ниже по склону часть пятна имела в плане

форму вытянутого прямоугольника и представляла собой не потревоженную последующим перекопом начальную часть дромоса. Заполнение этой части дромоса во всех случаях было достаточно однородным и состояло из чистого суглинка, вследствие чего оно лишь незначительно отличалось по цвету от материка. Какие-либо вещевые находки для этой части дромоса не характерны. При вскрытии этой не потревоженной части заполнение легко отслаивалось от ровных, тщательно исполненных боковых стенок дромоса, которые с глубины 1,3–1,5 м от современной поверхности почвы достаточно хорошо фиксировались по белесоватому налету – результату жизнедеятельности каких-то микроорганизмов, живущих в глине. Длина не потревоженной части дромоса в исследованных нами захоронениях составляла от 1/2 до 2/3 общей его длины.

Ход повторного проникновения в погребальную камеру располагался выше по склону, возле погребальной камеры. На уровне обнаружения он имел в плане эллипсоидную, каплевидную или грушевидную форму, а ширина его несколько превышала наибольшую ширину не потревоженного дромоса. Заполнение хода повторного проникновения отличалось от материка и заполнения начальной части дромоса своим более темным цветом, составом, плотностью. Оно состоит из слоев перемешанного грунта (с преобладанием чернозема), имевших общий наклон в направлении камеры. В заполнении на разных глубинах встречаются древесные угольки, фрагменты салтовской кухонной и столовой керамики. Иногда в засыпке хода повторного проникновения находились целые скелеты или части домашних животных (коза-овца) (№ 14, 18 РМ), отдельные вещи (сосуды,

1) Общая тенденция проявляется в том, что чем длинней дромос, тем он глубже. Количество ступенек в начальной части дромоса колеблется от двух до четырнадцати. В последнем случае глубина дромоса может достигать 4 – 5 м от уровня современной поверхности почвы.

ножи, детали поясной гарнитуры, отдельные личные украшения). По плотности заполнения хода повторного проникновения более рыхлое, чем утрамбованное первоначальное заполнение дромоса, за исключением тех случаев, когда оно состоит из затечного грунта. В последнем случае оно очень плотное и вязкое. Стенки хода повторного проникновения неровные, наклонные и лишь у входа в погребальную камеру совпадают с первоначальными стенками дромоса. Границей между вторичным и первоначальным заполнением дромоса часто служил слой достаточно плотного, натоптанного грунта, иногда с вкраплениями древесных угольков, концентрация которых возрастает по мере приближения ко входу в камеру. В идеальном случае дно хода повторного проникновения дополнительно фиксируется по лежащему на нем каменному или деревянному закладу [5, рис. 1, 1; 2, 3; 5, 3; 8, 1].

Иногда на дне дромоса, у входа в погребальную камеру, лежали железные черешковые ножи [5, с. 99; 6, с. 216]. Во всех отмеченных случаях они, возможно, выполняли роль своеобразных оберегов, ибо были направлены острием в сторону погребальной камеры и должны были служить дополнительным препятствием на пути мертвеца к выходу. Применение острых железных предметов в качестве своеобразных оберегов отмечено исследователями и на других катакомбных могильниках региона [7, с. 192].

Сами камеры, как и вход, были до высоты входа забутованы грунтом, соответствующим своей слоистостью и составом заполнению хода повторного проникновения. При этом в слоях мешаного грунта встречались древесные угольки, фрагменты салтовской столовой керамики, тогда как в слоях суглинка какие-либо находки отсутствовали [5, с. 99].

В исследованных катакомбных захоронениях Верхне-Салтовского IV могильника (ВСМ-IV) и Рубежанского катакомбного некрополя (РМ) были отмечены разнообразные способы обезвреживания погребенного человека: отделение черепа (№ 17 РМ, № 30 ВСМ-IV) [5, рис. 2, 4; 9, 2]; разрушение грудной клетки, рук с отбрасыванием черепа (№ 14–16 РМ, № 28, 31, 37, 39, 44–46 ВСМ-IV) [5, рис. 1, 3; 2, 2; 3, 1, 4; 4, 4; 5, 2; 8, 2; 9, 4];

полное разрушение скелета с разбрасыванием костей по полу камеры (№ 18 РМ; № 33, 40–42, 48, 51 ВСМ-IV) [5, рис. 4, 2; 5, 4; 6, 2, 4; 7, 2, 3]. Как и в захоронениях Маяцкого могильника [4, с. 46], были отмечены случаи изъятия из погребальной камеры при проведении обряда обезвреживания погребенного части костей скелета (кости грудной клетки, позвонки, кости таза [5, рис. 2, 1; 4, 24; 6, 2, 4; 7, 3; 8, 4].

Работы 2011 года на могильнике показали, что не все подобные случаи следует однозначно связывать с проведением обряда обезвреживания погребенных (ООП) людей. Лишь в единичных случаях речь, вероятно, может идти о преднамеренном осквернении/ограблении захоронений.

Очень интересным с этой точки зрения является исследованная в 2011 году катакомба № 109. Как и в отмеченных выше случаях, пятно дромоса на уровне обнаружения имело в плане «булавовидную» форму, из-за наличия в восточной части дромоса хода повторного проникновения в погребальную камеру (Рис. 1). Пятно дромоса было ориентировано по склону Нетечинского яра, вдоль линии восток – запад с незначительным отклонением к северу (азимут 86°). Общая длина пятна дромоса по уровню зачистки составляла 5,75 м. Ход повторного проникновения имел в плане каплевидную форму с наибольшим расширением ближе к восточному краю дромоса. Длина хода повторного проникновения составляла 2,12 м, максимальная ширина – 1,35. Длина начальной, не потревоженной позднейшими перекопами западной части дромоса равнялась 3,63 м, при ширине 0,38–0,52 м. Заполнение начальной части дромоса по цвету почти не отличалось от окружающего материка, так как оно состояло из материковой глины светло-рыжего цвета с незначительными примесями в виде отдельных мелких меловых вкраплений. Заполнение же хода повторного проникновения, наоборот, достаточно хорошо выделялось на фоне окружающего материка своим светло-серым, а местами и темно-серым заполнением. В поперечном разрезе заполнение хода повторного проникновения представляло слоистую структуру, образованную чередующимися между собой пластами чистой материковой глины светло/тёмно-рыжего

цвета, пластами материковой глины перемешанной в одних случаях с большим, в других – с меньшим количеством чернозема²⁾. В слоях заполнения, содержавших примесь чернозема, встречались отдельные мелкие древесные угольки. Все слои заполнения хода повторного проникновения в погребальную камеру в поперечном сечении имели видимый прогиб в сторону дна дромоса, а в продольном разрезе – наклон в сторону восточной торцевой стенки дромоса. При этом по толщине слоев заполнения хода повторного проникновения в камеру было видно, что он засыпался с южной стороны дромоса (справа по ходу дромоса). Особенностью заполнения хода повторного проникновения в данном случае было то, что на глубине -3,6–4,0 м от уровня современной поверхности почвы у восточной торцевой стенки дромоса был зафиксирован пласт светло-зеленой комковатой глины толщиной 0,3–0,35 м. Данный пласт грунта перекрывал расстояние между отброшенным от входа в камеру на дно входа повторного проникновения каменным закладом³⁾ и восточной торцевой стенкой дромоса. Камень заклада опирался на остаток заполнения хода повторного проникновения в камеру, представляющего собой буро-рыжую материковую глину с незначительной примесью чернозема. Такой же по составу слой грунта (толщиной 0,05–0,12 м) лежал на дне дромоса между каменным закладом и восточной торцевой стенкой, непосредственно под слоем светло-зеленой глины. На слое буро-рыжей материковой глины с незначительной примесью чернозема, у северной боковой стенки дромоса на расстоянии 0,35 м от торцевой стенки была найдена стоявшая устьем вверх салтовская кружка (-4,05 м от уровня современной поверхности почвы). Вероятно, она была извлечена из погребальной камеры в ходе проведения каких-то постпогребальных действий, и оказалась засыпанной светло-зеленой глиной. Таким образом, дно дро-

моса перед входом в погребальную камеру фиксировалось на глубине -4,1 м от уровня современной поверхности почвы. Ширина дромоса в этом месте составляла по дну 0,56 м.

В восточной торцевой стенки дромоса четко читались два входа-лаза в погребальную камеру: верхний (№ 2) и нижний (№ 1) (Рис. 1: 10). Нижний (№ 1) был забутован светло-зеленой комковатой глиной. Он имел арковидную в плане форму, его дно совпадало с дном дромоса. Его размеры: высота 0,34 м, ширина 0,44 м. От северной боковой стенки дромоса он отстоял на расстоянии в 7 см, от южной боковой – на расстоянии 3 см. Верхнюю часть входа № 1 прорезал вход № 2. Его дно располагалось на высоте +0,32 м от дна дромоса. Заполнение этого входа в камеру, в отличие от заполнения входа № 1, состояло из темно-коричневой материковой глины с незначительной примесью чернозема. Вход № 2 так же имел арковидную в плане форму, но отличался от входа № 1 своими размерами. Его высота составляла 1,03 м, а ширина 0,42 м. Данный вход находился на расстоянии в 7 см от северной и южной боковых стенок дромоса. Глубина обоих входов-лазов погребальную камеру составляла 0,45–0,47 м. Интересно, что заполнение нижних слоев хода повторного проникновения в погребальную камеру совпадало со специфическим заполнением входов-лазов № 1 и № 2.

Оба входа вели в погребальную камеру, которая была продольной и имела в плане форму подпрямоугольника с закругленными углами (Рис. 2: 1). Длина камеры составляла 2,28 м, ширина колебалась от 1,6 до 1,72 м. На момент исследования высота камеры в высшей своей точке составляло 1,7 м.

В камере было совершено коллективное захоронение. В ней находились останки трех человек (мужчины, женщины и подростка). Анатомический порядок костяков был нарушен (Рис. 2: 1), большинство костей скелетов (ребра, позвонки, тазовые кости, лопатки) отсутствовали. Некоторые крупные трубчатые кости (берцовые кости мужского костяка) имели следы преднамеренного слома, совершенного в древности. Часть костных останков располагалась в нижних слоях заполнения погребальной камеры на высоте от +0,03 до +0,23 м от пола камеры. Так, в сло-

2) Из-за разной примеси чернозема цвет одних слоев был светло-серый, других – темно-серый, и даже черный.

3) Каменный заклад представлял собой массивную плиту песчаника подпрямоугольной в плане формы размером 0,56х0,35–0,42х0,15–0,16 м (Рис. 2: 9). Каменный заклад стоял под углом около 70° по отношению к дну дромоса.

ях заполнения камеры были найдены остатки мясной жертвенной пищи в виде костей крупного рогатого скота (+0,13 м), мелкого рогатого скота (+0,23 м), бедренных (+0,23 м) и берцовых (+0,12 м) костей ног людей. При этом большинство найденных человеческих костей было обращено внутренней стороной вверх. На полу камеры лежали, сохранив свою анатомическую целостность, кости ног ниже колен только двух погребенных людей. Череп женщины и подростка лежали на середине длины у левой боковой стенки камеры, тогда как череп мужчины с отделенной от него нижней челюстью покоился недалеко от правого ближнего угла камеры. Размещение костей, сохранивших свой анатомический порядок, указывает, что умершие были уложены в вытянутом положении на спине ногами ко входу в погребальную камеру. При этом центральное место в камере было отведено под костяк мужчины, о чем свидетельствуют следы присутствия топорика-чекана у западной торцевой стенки камеры и украшений ремешков обуви на стопах ног погребенного. Вдоль южной (правой) боковой стенки камеры располагался костяк женщины, а вдоль северной (левой) боковой стенки лежал костяк подростка. У входа в камеру был найден фрагмент придонной части салтовского столового сосуда (на дне клеймо в виде пентаграммы в круге). Расположение и уровень залегания данного фрагмента сосуда указывает, что, вероятно, данный сосуд был разбит во время проведения обряда обезвреживания погребенных людей. Для катакомб Верхне-Салтовского IV могильника с наличием в восточной части дромоса хода повторного проникновения в погребальную камеру и нарушенным анатомическим порядком костяков характерно отсутствие в погребальных камерах керамических сосудов, которые, если судить по фрагментам керамики из заполнения, изымались из захоронений и преднамеренно разбивались [5, с. 113].

Погребальный инвентарь представлен личными вещами – бусами, браслетом, перстнями, штампованными бронзовыми пуговицами, полусферическими бронзовыми нашивками, бронзовыми спиралевидными пронизьями, деталями поясной гарнитуры, черешковыми ножами. Детали поясной гарнитуры, представленные литыми брон-

зовыми бляшками (Рис. 2, 2), литой бляшкой с подвесным колечком (Рис. 2, 3), двумя штампованными бляшками (Рис. 2, 4, 5), литым наконечником пояса (Рис. 2, 6) типологически и стилистически характерны для II хронологического этапа салтовской культуры [8, табл. 4], датируемом концом VIII (с 790 г.) – началом IX вв. [8, с. 132]. Эти временем, по-видимому, и следует датировать данный погребальный комплекс.

Рассматриваемая катакомба № 109 относится пока к одному из наиболее ранних погребальных комплексов Верхне-Салтовского IV могильника. Большинство катакомбных захоронений данного участка некрополя относится к началу – третьей четверти IX века. Косвенным подтверждением ранней датировки катакомбы № 109 в контексте хронологии данного участка некрополя является факт продольного расположения погребальной камеры по отношению к дромосу. Большинство погребальных камер на некрополях региона датируемых второй половиной VIII – началом IX вв. также относятся к продольным [9, с. 127; 10, с. 62, 63, 65].

Все выше сказанное позволяет констатировать, что впервые с момента начала исследования Верхне-Салтовского катакомбного могильника удалось констатировать неопровержимый факт неоднократного преднамеренного в погребальную камеру. При этом показательно присутствие двух разновременных входов-лазов в погребальную камеру, в сочетании с наличием в дромосе хода повторного проникновения, с отброшенным от входа каменным закладом, с анатомическим нарушением целостности людских костяков и изъятием из погребальной камеры отдельных людских костей и вещевого инвентаря. Рассматриваемый погребальный комплекс, по-видимому, следует рассматривать как свидетельство того, что преднамеренное проникновение в погребальные камеры в древности могло быть совершено, и совершалось, с разными целями (обезвреживание, осквернение, ограбление). В данном случае, по-видимому, первоначально в камеру проникли для совершения обряда обезвреживания погребенных людей, а спустя какое-то время – еще раз, но уже, возможно, с совершенно другой целью. Так, первоначально через вход-лаз № 1 в погребальную камеру были помещены

умерших людей, после чего он был закрыт каменным закладом. Спустя какое-то непродолжительное время через этот же вход было осуществлено преднамеренное проникновение в камеру с целью проведения каких-то постпогребальных обрядов (ООП). В результате этих действий каменный заклад был отброшен от входа в камеру, проникшие в камеру люди нарушили анатомический порядок костяков умерших, разбили один из сосудов с жертвенной пищей, а второй сосуд (кружку) извлекли из камеры и поставили перед закладом. После совершения этих действий, каменный заклад не был возвращен на свое первоначальное место, но вход повторного проникновения был ими засыпан. Об этом свидетельствует слой чистой светло-зеленой глины без инородных включений перекрывавший дно хода повторного проникновения и закрывший и отброшенный заклад, и вход в погребальную камеру. Линза светло-зеленой глины в середине камеры перекрывала большую часть ее пола и сохранивший анатомический порядок кости ног погребенных людей. Вход-лаз № 2 в камеру появился в результате еще одного преднамеренного проникновения в погребальную камеру. Люди, совершавшие новое проникновение в камеру, шли уже по засыпанному входу повторного проникновения. Докопав до слоя светло-зеленой глины, они, возможно, приняли его за дно дромоса. По-видимому, не заметив забутованного такой же светло-зеленой комковатой глиной вход-лаз № 1, они прорубили свой вход погребальную камеру (№ 2). Высота данного входа (1,03 м) свидетельствует, что на момент прорубания входа № 2 погребальная камера была свободна от грунта почти на всю свою высоту. Нахождение костей в слое светло-зеленоватой глины и на ее поверхности указывает, что проникшие в камеру люди перекапывали находившийся там грунт и извлекали из него отдельные кости и, возможно, вещи. Однако цель этого проникновения установить пока не представляется возможным.

Тот факт, что в погребальные камеры проникали неоднократно в древности, подтверждают материалы и еще одной раскопанной в 2011 году катакомбы № 111.

Катакомба № 111 была зафиксирована по образовавшемуся провалу над по-

гребальной камерой. Поэтому работы на данной катакомбе носили спасательный характер, а сама погребальная камера раскапывалась сверху. Из-за того, что дромос катакомбы из-за нехватки времени не исследовался, картина неоднократного проникновения в погребальную камеру в данном случае восстанавливается только по характеру расположения костяков в захоронении. Погребальная камера катакомбы № 111 поперечная, т.е. ее длинная ось перпендикулярна длинной оси дромоса (Рис. 3). Камера в плане имеет форму подпрямоугольника с сильно скругленными углами. Длина камеры 2,1 м, ширина 1,97 м. Пол камеры фиксируется на глубине -3,5 м от уровня современной поверхности почвы. Исследования камеры показали, что в ней было произведено коллективное захоронение (две женщины и мужчина). При этом костяки умерших людей располагались на двух уровнях (Рис. 3, 1, 2), и были разделены пластом чистой материковой глины, толщина которого у передней торцевой стенки камеры составляла 0,2 м, а у дальней торцевой – 0,12 м. На глубине -2,9–3,2 м от уровня современной поверхности почвы были зафиксированы костяки мужчины и женщины, анатомический порядок которых был преднамеренно нарушен в древности (Рис. 3: 1).

Костяк женщины располагался вдоль правой боковой стенки камеры. Грудная клетка женщины была преднамеренно разрушена, тогда как кости обеих рук, позвоночника и таза сохранили свой анатомический порядок. Берцовые кости и кости ступней обеих ног женщины, сохранявшие анатомический порядок были сдвинуты в правый ближней угол камеры. Поверх них покоился череп женщины с преднамеренно отчлененной нижней челюстью. Ближе ко входу в камеру лежали бедренные кости обеих ног женщины. В районе грудной клетки женщины располагался инвентарь представленный бусами и тремя пряжками-пуговицами из ракушки. На запястьях обеих рук были зафиксированы по два бронзовых браслета, на безымянном пальце левой руки – бронзовый перстень со стеклянной вставкой. У локтя правой руки женщины лежал набор предметов, состоящий из двух бронзовых подвесок-амулетов, бронзовых спиралевидных пронизей, ворворки в виде

усеченной пирамиды и подвески-печати. Костяк мужчины был разрушен полностью. Его кости образовывали две кучки, череп с нижней челюстью оказался отброшенным в правый ближний угол погребальной камеры. Интересно тот факт, что череп мужчины почти соприкасался с венчиком столового кувшина, связанного с захоронением женщины, совершенным на полу камеры. Среди костей мужчины были найдены: железный нож, бронзовый перстень со стеклянной вставкой, бронзовая серьга с подвижной подвеской. Кости предплечья и кисти правой руки погребенного мужчины, сохранявшие анатомический порядок, были найдены в правом дальнем углу погребальной камеры, несколько ниже остальных костей – на +0,12–0,14 м выше пола камеры.

На полу камеры был зафиксирован костяк женщины, лежавший в полном анатомическом порядке (Рис. 3, 2). Умершая была уложена в вытянутом положении на спине головой влево от входа в погребальную камеру, вдоль длинной оси камеры на расстоянии 0,5 м от дальней торцевой стенки. Череп покоился на затылочных костях, глазницами вверх. Руки были вытянуты вдоль тела, ноги прямее. При погребенной женщине был обнаружен инвентарь, представленный личными украшениями: у черепа – серьги с подвижной подвеской; в районе шеи – ожерелье из бус; на костях предплечья обеих рук – по одному бронзовому браслету; на безымянном пальце правой руки – бронзовый перстень; у левой безымянной тазовой кости – четыре литых бубенчика; у правой безымянной тазовой кости – зеркало, нож в ножнах, два литых бубенчика, подвеска-амулет в виде птички; на берцовых костях обеих ног – штампованные украшения обувных ремешков в виде наконечников и бляшек. У локтя левой руки женщины лежала лопатка животного (мелкий рогатый скот?). В 0,3 м к западу от черепа лежали остатки мясной пищи в виде кости крупного рогатого скота, а в 0,65 м к западу от черепа стоял столовый салтовский кувшин. В 0,15 м к югу от остатков мясной пищи была расчищена, вероятно, сумочка подтреугольной формы, в которой находились бронзовые спиралевидные пронизи, бусы и две пуговицы-зеркальца.

Последовательность совершения захоронений в катакомбе № 111 можно представить следующим образом. Первоначально в камере было совершено захоронение женщины, уложенной вдоль ее длинной оси. Вероятно, спустя некоторое время в камере произошло обрушение свода, и пласт чистой материковой глины перекрыл останки погребенной женщины. Уже после этого камера была вскрыта и на слой обрушившейся глины со свода были уложены тела мужчины и женщины. Вероятно, оба умерших человека были уложены поперек длинной оси погребальной камеры, т.е. ногами ко входу. Спустя еще какое-то непродолжительное время в камеру опять проникли люди, которые и провели действия по обезвреживанию погребенных, в результате костяк мужчины был разрушен полностью, а у женщины разрушению подверглись грудная клетка и ноги, был отброшен в сторону череп, от которого была отделена нижняя челюсть. После завершения всех ритуальных действий вход в камеру был окончательно забутован глиной.

Таким образом, люди, проводившие в камере катакомбы № 11 подзахоронение мужчины и женщины, знали, что в ней уже ранее было совершено захоронение женщины, но она, по-видимому, не внушала им страха. Поэтому ее останки были оставлены не тронутыми. Уложенных же поверх обвалившегося свода мужчина и женщина, наоборот, внушали страх своим живым родственникам, что и обусловило преднамеренное разрушение их костяков спустя какое-то время после совершения захоронения. О том, что в данном случае речь не может идти об ограблении, свидетельствует тот богатый инвентарь, который был найден при погребенных в камере людях.

В заключении хочется подчеркнуть, что данная работа имеет своей главной целью ознакомить читателя с интересным материалом, позволяющим затронуть вопросы внутренней хронологии не только Верхне-Салтовского могильника, но и всей салтовской культуры в целом. Надеемся, что данный материал поможет в решении целого ряда проблем хазароведения, в том числе и проблеме существования и распространения у салтовского населения обряда обезвреживания погребенных.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Покровский А.М. Верхне-Салтовский могильник// Труды XII АС. – М., 1905. – Т. 1.
2. Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. – Харьков, 1962.
3. Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура// МИА. – 1967. – № 146.
4. Флеров В.С. Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник)// Материалы и проблемные исследования по древней и средневековой археологии Восточной Европы. – Волгоград, 1993. – Вып. 1.
5. Аксенов В.С. Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры// РА. – 2002. – № 3.
6. Колода В.В. Исследования раннесредневековых катакомбных погребений близ с. Верхний Салтов в 1996 г.// Хазарский альманах. – Киев–Харьков, 2004. – Т. 3.
7. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – М., 1989.
8. Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии)// Vita antiqua. – К., 1999. – № 2.
9. Аксенов В.С. Старосалтовский катакомбный могильник// Vita antiqua. – К., 1999. – № 2.
10. Аксенов В.С. Рубежанский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры на Северском Донце// Донская археология. – Ростов-на-Дону, 2001. – № 1–2.



СЕЛИЩЕ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ ПЯТНИЦКОЕ-1 (ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ)

Селище Пятницкое-1 расположено в 1 км к югу от одноимённого села в Печенежском районе Харьковской области. Оно занимает широкую пойму левого берега р. Большая Бабка (правый приток Северского Донца). Его площадь значительна: вдоль реки оно тянется широкой (≈ 1 км) полосой на протяжении ≈ 2 км. Природной особенностью данного селища является то, что гнезда поселений здесь располагались на высоких песчаных дюнах, которые, видимо, не затапливались во время весеннего половодья. В то время как низменности являются удобным местом для занятий сельским хозяйством. На сегодняшний день территория памятника частично задернована, частично находится под распашкой.

Памятник был открыт С.А. Плетневой во время разведок в 1957 г. Исследователь на основании подъемного материала объявила о существовании на левом берегу р. Большая Бабка 2 селищ салтово-маяцкой культуры (СМК) расстояние между которыми было 500-600 м. Тогда же было предположено наличие здесь культурного слоя бронзового века [1, с. 7-8].

После открытия селище долгое время не исследовалось пока в 1977 г. во время проведения мелиоративных осушительных работ в пойме р. Большая Бабка рабочими случайно были обнаружены металлические вещи из богатого кремационного погребения. Оно состояло из согнутой сабли, наконечника копья, конских удил, стремени, 4 соединенных железных колец, 2 железных пряжек от конской сбруи, 6 крупных бронзовых бляшек с отверстиями, бронзового поясного набора, бронзового бубенчика, тесла-мотыжки, складного серпа и железной очажной цепи [2, с. 19-20; 3]. Место их обнаружения и прилегающие к нему дюны были осмотрены Б.А. Шрамко (Рис. 1). Рядом с указанным захоронением были обнаружены остатки еще 3 трупосожжений без инвентаря [2, с. 19]. Кроме захоронений совершенных по обря-

ду кремации в могильнике были найдены несколько захоронений по обряду трупоположения. Покойники лежали в прямоугольных ямах в вытянутом положении и были ориентированы на запад. Вещей в этих захоронениях найдено не было [3, с. 48]¹⁾.

В 40 метрах к северу от могильника было обнаружено поселение с салтовским культурным слоем мощностью 40-45 см. При зачистке профилей разрушенной бульдозером дюны, на которой располагалось селище, удалось выявить остатки большого земляночного жилища квадратной формы и 2 хозяйственные ямы к западу от него. Во время работы землеройной техники, в пределах котлована постройки, было найдено 2 жерновых камня, керамика СМК, а так же разрушена печь-каменка, состоявшая из кусков песчаника [2, с. 19-21].

В следующем 1978 году небольшие по объёму раскопочные работы на памятнике близ места первоначального обнаружения находок проводил В.К. Михеев. Им был заложен небольшой (30 м²) раскоп №1²⁾ (Рис. 1), в котором был обнаружен средневековый культурный слой, а так же отдельные вещи принадлежащие срубной культуре. Во время работ была исследована часть разрушенной бульдозером хозяйственной ямы СМК. Неподалеку, в скреперных разрезах дюны были обнаружены разрушенные захоронения по обряду трупоположения в ямах. Они были ориентированы по линии северо-запад – юго-восток. Такие же погребения, находились и на двух других дюнах. Кроме разрушенных человеческих костяков, здесь были найдены остатки захоронения коня [4, с. 6-7]. В результате этих работ В.К. Михеевым был сделан вывод о том, что это двубрядный могильник СМК (кремации и

1) На сегодняшний день на месте обнаружения захоронений находится карьер для добычи песка.

2) Общая нумерация всем раскопам была дана в 2008 г.

трупоположения) с примыкающим к нему стойбищем полукочевников [4, с. 7].

Спустя 10 лет раскопки памятника продолжил А.В. Крыганов. В 1988 г. он заложил раскоп № 2 на уцелевшей части дюны, где первоначально было обнаружено поселение и профиль постройки (Рис. 1). На площади 85 м² были найдены 2 жилища с печами-каменками в северном углу и 1 хозяйственная яма. Возле северо-восточной стены жилища 2 обнаружено захоронение по обряду трупоположения, совершенное в неглубокой яме (на уровне материка) и ориентированное на запад [5, с. 120, рис. 1, 2]. Покойник был уложен в яму лицом вниз, кости лобно-лицевой части были сильно разрушены. Из вещей в погребении была обнаружена только костяная проколка [6, с. 4-5].

Кроме артефактов СМК в раскопе была обнаружена керамика пеньковской археологической культуры, причем частично в заполнении салтовских жилищ, что может свидетельствовать о временном сосуществовании этих двух культур [6, с. 4-5]. Следует отметить, что пеньковское поселение было открыто на правом берегу реки – непосредственно напротив раскопа № 2 [7, с. 16].

На территории вокруг раскопа были заложены разведочные шурфы, в каждой из которых зафиксирован мощный (до 0,8 м) ненарушенный салтовский культурный слой. В заполнении раскопа и шурфов, был найден линзы металлургический шлак, что указывает на наличие тут жеолезодобывающего ремесла. Отметим и случайную находку серебряного арабского дирхема относящегося к 162 г. хиджры (778-779 гг.) [5, с. 123, рис. 3, 6]. Кроме того, здесь были обнаружены единичные фрагменты глиняной посуды катакомбной, срубной и черняховской культур. Материалы этих исследований 1988 г. были опубликованы автором раскопок [5].

На основании полученных данных А.В. Крыганов опроверг бытовавшее ранее мнение о памятнике как о могильнике с прилегающим к нему кочевьем. Он предположил, что это огромное многослойное селище с единичными захоронениями, которые могли появиться на поздних этапах его существования [6, с. 6-7].

В 1990 г. исследователь продолжил работы на памятнике и заложил раскоп № 3 в 1 км к северу от места работ 1988 г. (Рис. 1). Тут

были проведены значительные (≈350 м²) исследования на одной из высоких обширных дюн частично разрушенной карьером для добычи песка. В раскопе был обнаружен насыщенный (до 80 см) культурный слой салтовского времени и изучено 1 жилище, 1 постройка и 18 хозяйственных ям. В двух из них были обнаружены захоронения собаки и лошади. Под костяками животных, дно ямы было обожжено и прослежена прослойка углей [8, с. 14-15], что может свидетельствовать о культовом назначении данных погребений.

В раскопе и в заполнении комплексов был найден богатый материальный комплекс: различные типы посуды СМК, изделия из металла, камни, кости животных. Среди керамики следует выделить практически полные развалы столового лощеного кувшина и баклажки. Кроме салтовских материалов в раскопе были обнаружены 2 единичных сосуда срубной культуры. В отличие от раскопа №2 материалы пеньковской культуры здесь найдены не были [8, с. 10-16].

Во время работ 1990 года впервые были определены и нанесены на план приблизительные границы салтовского селища [8, табл. XV].

После 1990 г. памятник долгое время не исследовался. Лишь в 2005 г. работы на поселении продолжил В.К. Михеев. К северу от раскопа № 3 им было заложено 5 раскопов (№ 4-8) – 3 на левом берегу р. Большая Бабка и 2 на правом (Рис. 1). В трёх из них (№ 4-6) был выявлен средневековый слой. Наибольшую информацию дал раскоп № 6. В нем было обнаружено 14 хозяйственных комплексов из 22. В 2 ямах этого раскопа были найдены черепа собак, а в 1 захоронение коня с остатками тризны – все комплексы относятся к салтово-маяцкой культуре. В раскопах и на прилегающих к нему территориях были найдены различные керамические и металлические изделия СМК, впервые за годы исследования на памятнике впервые были обнаружены материалы, относящиеся к раннему железному веку³⁾.

В 2 траншеях (раскопы № 7-8), заложенных на правом берегу реки, археологический материал отсутствовал [9, с. 5-13].

3) Материалы РЖВ были обнаружены в раскопах № 4 и 5.

В 2007 г. совместными усилиями сотрудников археологической лаборатории Харьковского национального педагогического университета им. Г.С. Сковороды, Художественно-мемориального музея И.Е. Репина, Харьковского гуманитарно-педагогического института, Научно-методического центра охраны культурного наследия при Харьковской областной государственной администрации, были проведены масштабные разведки по р. Большая Бабка [7, с. 13-22]. Разведочные работы были продолжены и в 2008 г. [10, с. 10-16]. Они позволили открыть ряд разновременных памятников по обоим берегам реки, а также в непосредственной близости от с. Пятницкое. Последнее обстоятельство позволило присвоить известному ранее селищу первый порядковый номер и уточнить его границы (Рис. 1).

Современный этап в изучении памятника начался в 2008 году, когда археологические исследования здесь начала Средневековая экспедиция Харьковского национального педагогического университета под руководством В.В. Колоды [11, с. 8-33], а с 2009 года и по сегодняшний день – Слобожанская раннесредневековая археологическая экспедиция под руководством автора [12; 13].

С помощью GPS-навигатора была осуществлена привязка всех раскопов на местности с нанесением их на карту, а так же проведена теодолитная съемка южной части селища. Для облегчения дальнейшего исследования памятника всем, когда-либо заложеным раскопам была дана единая нумерация.

Нами были продолжены работы, в раскопе № 3, начатом А.В. Крыгановым в 1990 г. (Рис. 1). Он был расширен в юго-восточном направлении. Здесь удалось вскрыть 431 м. кв.⁴⁾. В исследованных квадратах были выявлены остатки 2 углубленных и 1 наземного жилища с печами-каменками в северном углу, 1 хозяйственная постройка, 1 открытый очаг и 24 ямы различного назначения. В одной из глубоких колоколовидных ям было расчищено необычное захоронение человека. В заполнении ямы было обнаружено 3 черепа. Сам костяк без головы, располагался на дне в неестественной позе с

раскинутыми руками и согнутыми в коленях ногами. При этом никаких сопровождающих вещей обнаружено не было. Предположительно это могли быть остатки ритуальной казни. Кроме комплексов в культурном слое раскопа был обнаружен богатый вещевой материал. Стоит отметить обнаружение еще одного практически полного развала баклажки. Практически все найденные находки принадлежали салтовской культуре, и лишь единичные артефакты относились к пеньковской и срубной культурам. Особенностью раскопа № 3 стало обнаружение большого количества лепной посуды характерной для степных памятников СМК [11, с. 12-22; 12, с. 8-23; 13, с. 7-23], что может свидетельствовать о том, что на территории селища проживал значительный конгломерат бывшего кочевого населения.

В 200 м к северу от раскопа № 2, нами был заложен новый раскоп № 9. Он располагался на большой дюне, которая практически вплотную примыкает к левому берегу р. Большая Бабка, на правом берегу безымянного ручья, что, вытекая из балки, впадает слева в указанную реку (Рис. 1). На сегодняшний день территория песчаной дюны задернована. Раскоп был заложен в её самом высоком месте, практически по центру, с небольшим смещением к юго-востоку. Непосредственными работами здесь руководил к.и.н. В.В. Колода. Общая исследованная площадь за 2 года исследований (2008-2009 гг.) составила 230 м².

Стратиграфия раскопа представляется следующей. Раннесредневековый культурный слой начинался сразу от дневной поверхности. Он залегал до глубины 60-65 см в южной части раскопа и до 80-85 см в северной. Непосредственно под раннесредневековым слоем залегал иной культурный горизонт, бронзового века. Его мощность также была различной на различных участках – от 25 до 50 см. Небольшой слой предматериковой супеси (10-15 см), подстилающий культурные слои, переходил в песчаный и песчано-суглинистый материк.

Основной категорией находок в пределах раскопа были фрагменты керамики. Практически вся найденная салтовская керамика была гончарной, лепная составляла лишь ≈0,5 % от общего числа средневековых керамических артефактов. Эти показатели, су-

4) На сегодняшний день общая площадь раскопа, вместе с раскопом 1990 года составила 781 м².

щественно отличаются от данных северной части селища (раскоп-3), где часть лепной керамики СМК значительно большая (13 %). Гончарная посуда представлена различными категориями изделий: тара – 15,4 %, кухонная – 74,7 % и столовая – 7,3 %. Тарная керамика, в свою очередь, представлена в раскопе фрагментами амфор и обломками грубо вылепленных пифосов в приблизительно соотношении 4:1 в пользу амфор.

В средневековом слое так же выявлено некоторое количество обломков от лепных слабопрофилированных или биконических сосудов пеньковской культуры (VI – VII вв.), которые составляют 2,1 % от всей средневековой посуды.

Кроме керамики, в культурном слое раскопа № 9⁵⁾ выявлено ряд иных артефактов. По всей площади встречалось немалое количество костей домашних животных (свинья, крупный и мелкий рогатый скот, лошадь) и кусков рваного камня. Так же, здесь обнаружены куски обмазки, керамический шлак и древесный уголь. Особо следует отметить куски чернометаллургического шлака и обломки стенок железоплавильного горна, которые фиксировались в южной части раскопа. Это даёт основание предполагать наличие на селище чернометаллургического производства, что соотносится с данными, полученными А.В. Крыгановым в раскопе № 2 [5, с. 121].

Среди особых находок раскопа можно выделить несколько групп изделий из различного материала (Рис. 3). Среди железных артефактов следует выделить орудия труда и предметы быта. К первой группе относятся ножи различной степени сохранности (Рис. 3, 1-4), иглы и шилья (Рис. 3, 7-9), шорный (скорняжный) нож (Рис. 3, 5), фрагмент кончика лезвия от серпа или изогнутого ножа (Рис. 3, 10) и рыболовный крючок (Рис. 3, 15). К бытовым изделиям относятся гвозди (Рис. 3, 11-12), скобка (Рис. 3, 13), обломок витого стержня, вероятно от вилки или крюка для вытягивания мяса из котла (Рис. 3, 6), а так же ременная пряжка (Рис. 3, 16) и фрагменты таковых. К предметам вооружения относится трёхлопастный черешковый наконечник стрелы (Рис. 3, 14).

Так же выявленные несколько бронзовых изделия: две бляшки от поясной ременной гарнитуры (Рис. 3, 20-21).

Кроме металлических артефактов, найдены два глиняных пряслища (Рис. 3, 18, 19) и фрагмент дна сосуда с барельефным клеймом в виде квадрата с диагональным крестом (Рис. 3, 19), фрагменты костей животных со следами резания, распиливания или обработки огнём. Из каменных изделий отметим кусок жернова, целый кварцитовый тёрочник, обломки точильных плит и камней, иногда со следами распиливания [11, с. 23-27; 12, с. 24-31]. Находки орудий обработки урожая свидетельствуют о занятии жителями поселения земледельческим трудом, что подтверждается проведенным анализом палеоботанического спектра сделанного по отпечаткам зерновых в керамике [14]. Однако небольшое количество сосудов для хранения зерна может указывать на его второстепенную роль в хозяйстве.

В ходе работ был исследован ряд жилищно-хозяйственных комплексов относящихся к салтово-маяцкой культуре (Рис. 2). Среди них наибольший интерес вызвало жилище 1.

Пятно котлована постройки было зафиксировано на глубине 50 см от современной поверхности. Комплекс имел практически квадратную в плане форму с размерами 400×430 см (17, 2 м²). Своими стенами постройка была ориентирована по сторонам света, её углы были немного закруглены (Рис. 4). Пол помещения прослежен на глубине 100-110 см, он имел небольшой уклон к югу и юго-западу. Южная стена примерно в 1 м от юго-восточного угла отходит на 25-30 см к югу, образуя небольшую нишу. В юго-западном углу прослежена ещё одна полукруглая в плане выступающая за пределы основного котлована ниша шириной 175 см. В ней на уровне -90 см располагалась неширокая (до 25 см) материковая ступенька. Здесь, вероятно, располагался вход в помещение. Вдоль южной стенки прослежены 2 столбовые ямки (Рис. 4). Их размеры – 25×30 см, дно вогнутое, углубленное на 20 см ниже уровня пола. Эти ямки, могли быть использованы в качестве дополнительной опоры, предположительно, односкатной крыши. Что касается устройства стен постройки, то тут была использована какая

5) В данной работе приводится описание находок и комплексов, относящихся к эпохе раннего средневековья

то бесстолбовая конструкция (срубная или фахверковая), так как столбовых опор, от которых остались ямки, было явно не достаточно для возведения каркаса стен.

В центре пола, обнаружена большая очажная яма. Верхняя часть ямы представляла собою неправильный круг 200×200 см. Её дно обнаружено в южной части на уровне -190 см. В северной части на уровне -170 см прослежена полуовальная в плане материковая полочка-ступенька с размерами в плане 70×45 см. В западной части ямы на уровне -145 см выявлена ещё одна материковая полочка-останец серповидной в плане формы (170×20-35 см). На ней был найден сильно разрушенный открытый очаг, обмазанный глиной (Рис. 4). Его остатки были найдены в заполнении ямы в виде кусков печины со следами заглаживания пальцами с одной (наиболее прокалённой) стороны. Толщина этих кусков составляла 3-4 см. Здесь же немало кусков рваного камня-песчаника со следами воздействия огня, а так же костей животных – сильно поколотых до состояния щепок [11, с. 28-29].

Следует отметить что, такое устройство отопительного сооружения в виде очага опущенного на полочку в предпечной яме, является единственным на селище. В других жилых постройках Пятницкого-I были обнаружены печи-каменки. На других памятниках лесостепной зоны СМК такие очаги так же встречаются достаточно редко. Наиболее типологически близким является очаг, исследованный на городище Мохнач. Он, как и в данном случае, был устроен в нише, ниже уровня пола, примыкающей к округлой предпечной яме с полочками и ступеньками. Различия наблюдаются в том, что в очаге с городища Мохнач не использовалась глиняная подмазка и камень, а сама яма располагалась не в центре, а возле юго-западной стены сооружения [15, с. 52-53, рис. 83-84].

Заполнение жилища артефактами салтовской культуры было весьма значительным – здесь было обнаружено более 900 различных артефактов. Большинство из них располагались на уровне 40-60 см [11, с. 30], что может свидетельствовать о том, что после прекращения эксплуатации постройки ее котлован использовался для сброса мусора. Среди особых находок следует отметить

орудия труда: несколько игл (Рис. 5, 2, 3), фрагмент ножа (Рис. 5, 4), крюк для вынимания мяса из котла из квадратного в сечении перевитого прута (Рис. 5, 1), фрагмент пряслица из стенки амфоры (Рис. 5, 9) и обломок кварцитового жернова (Рис. 5, 14). Здесь был также найден небольшой слиток цветного металла серого цвета, кусок кричного железа, несколько кусков чернометаллургического шлака и обломков стенок колб-тиглей от железоделательных горнов, неполные развалы гончарных сосудов, в том числе и гофрированных амфор. В комплексе обнаружено несколько непонятных по назначению железных обломков предметов (Рис. 5, 5), обломок бронзового зеркала (Рис. 5, 8) и железный язычок от пряжки ремня (Рис. 5, 7). Среди интересных керамических артефактов необходимо отметить и фрагменты доньев кухонных горшков с клеймами (Рис. 5, 10, 11) и фрагмент амфорной стенки с тремя отверстиями для связывания (Рис. 5, 6). Среди значительного костного материала в этом комплексе выявлены крупные рёбра со следами среза или следами разделки туши [11, с. 28-31].

Как и в раскопе в данном комплексе выявлено незначительное количество лепной керамики при подавляющем численном превосходстве гончарной кухонной посуды. Некоторое количество фрагментов от толстостенных пифосов, сделанных из грубого шамотного теста указывают на хранение некоторого количества зернового запаса местными жителями.

Так же, в пределах раскопа были полностью или частично исследованы 5 небольших хозяйственных ям (Рис. 2; 6), а в его северо-восточной части обнаружен печной (очажный) выброс с фрагментами салтовских кухонных и столовых сосудов (Рис. 2). Видимо, он образовался в результате ремонта отопительного устройства одного из жилых или хозяйственных помещений расположенных поблизости [11, с. 31-33; 12, с. 31-37].

Материалы, полученные из средневекового слоя раскопа № 9, позволяют пополнить наши знания о хозяйстве быте и домостроительных традициях носителей салтово-маяцкой культуры. Анализ обнаруженных артефактов дает основания предполагать что, основным занятием жителей селища было скотоводство, в меньшей степе-

ни земледелие. Так же фиксируются следы чернометаллургического производства. Время существования поселения определяется общими рамками существования салтово-маяцкой культуры – VIII-X вв.

Следует сказать, что кроме раннесредневековых комплексов здесь было обнаружено 1 ингумационное захоронение и 5 хозяйственных ям бронзового века (Рис. 2), а так же единичные артефакты, принадлежащие к культурам ямочно-гребенчатой керамики (неолит), бондарихинской (бронза) и скифской [12, с. 40].

Кроме работ в раскопах, на правом высоком берегу р. Большая Бабка ≈ в 1 км на юго-запад от раскопа № 3, нами был заложен шурф на месте грабительской ямы. В нём были обнаружены остатки единичной кремации. Вместе с кальцинированными костями здесь был найден полный развал кувшина и фрагменты от кубышки [13, с. 24-27; 16, с. 122-123]. Следует отметить, что большой кремационный могильник, который видимо так же, относится к селищу, был недавно открыт немного южнее этого погребения [17, с. 84-90].

Таким образом, огромное селище Пятницкое-I с прилегающим к нему могильником является неординарным памятником раннего средневековья, которое с 70-х годов

XX столетия привлекает внимание археологов. Однако, несмотря на постоянный к нему интерес (в том числе и со стороны «черных археологов») до недавнего времени систематического его изучения не проводилось. Более чем за 30 лет в разных частях поселения было заложено 9 раскопов в которых вскрыто около 1300 м², что составляет лишь малую часть от всей его площади. В общей сложности на селище было исследовано 84 раннесредневековых комплекса различного назначения, среди которых 8 жилищ, 2 хозяйственные постройки 72 ямы и 2 захоронения человека. Полученные данные говорят о высоком развитии скотоводства и, подчиненного его нуждам, земледелия, а так же о существовании на поселении железорудобывающего ремесла.

Кроме средневекового материала в раскопах и на прилегающих дюнах были обнаружены находки следующих археологических культур: ямочно-гребенчатой керамики (неолит), катакомбной (начало–середина II тыс. до н. э.) срубной (XIV–XII в. до н.э.) и бондарихинской (XI–VII вв. до н. э.), скифской (V–начало IV вв. до н.э), черняховской (IV–начало V вв.), пеньковской (VI–нач. VIII вв.) и нового времени.

Ключевые слова: селище Пятницкое-I, раскоп, жилище, очаг, археологический комплекс.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Плетнева С.А. Отчет к открытому листу № 8 Сев.-Донецкого отряда Южно-Русской экспедиции за 1957г.// НА ИА НАН Украины – № 1957/17.
2. Шрамко Б.А. Отчет о разведках и раскопках 1977 года// НА ИА НАН Украины. – № 1977/95.
3. Шрамко Б.А. Погребение VIII-X вв. у с. Пятницкое в Харьковской области// Древнерусское государство и славяне. – Минск, 1983. – С. 48 – 50.
4. Михеев В.К. Отчёт об археологических исследованиях Средневековой археологической экспедиции Харьковского университета в 1978 году// НА ИА НАН Украины. – № 1978/72.
5. Крыганов А.В. Памятник салтово-маяцкой культуры у. с. Пятницкое на Харьковщине// Вестник Харьковского университета. – Х., 1992. – № 362. – Серия «история». – С. 119-123. – Вып. 25.
6. Крыганов А.В. Отчёт о полевых исследованиях Разведочного отряда Средневековой археологической экспедиции Харьковского университета в 1988 г.// НА ИА НАН Украины. – № 1988/162.
7. Колода В.В., Свистун Г.Е., Квитковский В.И., Лаптев А.А. Отчёт о совместных археологических разведках в Харьковской области в 2007 г. (в бассейне рек Тетлега и Большая Бабка – правые притоки Северского Донца)// НА НИАЛ ХНПУ им. Г.С. Сковороды.
8. Крыганов А.В. Отчёт об археологических раскопках поселений и городища в Волчанском и Чугуевском районах Харьковской области в 1990 г.// НА ИА НАН Украины. – № 1990/190.
9. Михеев В.К. Отчёт о научно-исследовательской работе Международного Центра хазароведения за 2005 г.// НА ИА НАН Украины – № 2005/266.

10. Квитковский В.И. Отчет о работе разведочного отряда Средневековой археологической экспедиции Харьковского Национального педагогического университета в 2008 г.// НА НИАЛ ХНПУ им. Г.С. Сковороды.
11. Колода В.В. Квитковский В.И. Отчёт о работе Средневековой экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2008 году (селище Пятницкое-I и городище Мохнач в Харьковской области)// НА НИАЛ ХНПУ им. Г.С. Сковороды.
12. Квитковский В.И. Колода В.В. Отчет об археологических исследованиях Слобожанской раннесредневековой экспедиции на селище Пятницкое-I в 2009 году// НА НИАЛ ХНПУ им. Г.С. Сковороды.
13. Квитковский В.И. Отчёт о работе Слобожанской раннесредневековой экспедиции на селище Пятницкое-I в 2010 году// НА НИАЛ ХНПУ им. Г.С. Сковороды.
14. Квітковський В.І., Пашкевич Г.О., Горбаненко С.А. Матеріали з землеробства жителів поселення П'ятницьке-I// Археологія. – готується к печати.
15. Колода В.В., Квитковский В.И. Отчёт о работе Средневековой экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2007 году// НА НИАЛ ХНПУ им. Г.С. Сковороды.
16. Лаптев А. Салтовская кремация у с. Пятницкое Харьковской обл.// Середньовічні старожитності Центрально-східної Європи: Матеріали X студентської наукової конференції – Чернівці, 2011. – С. 122-123.
17. Свистун Г.Е Отчёт о проведении охранных археологических исследований на Чугуевском городище и Кочетокском могильнике в 2009 году// НА ИА НАН Украины.



САЛТОВСКАЯ КУЛЬТУРА НА ХАРЬКОВЩИНЕ: ОЧЕРЕДНОЙ ЮБИЛЕЙ (ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Вот уже много десятилетий салтовская археологическая культура, созданная многоэтничным населением Хазарского каганата, является одним из ярких историко-культурных феноменов, отражающим сложное и богатое на события историческое прошлое народов юга Восточной Европы конца I тысячелетия н.э. Для Харьковской области салтовские древности середины VIII-середины X вв. н.э. давно уже стали археологическим брендом – своеобразной «визитной карточкой» харьковской археологии. Этому способствовал ряд обстоятельств: от «открытия», осмысления и выделения её в самостоятельную археологическую культуру на начальном этапе изучения, и до масштабных полевых разведочных и стационарных исследований на современном этапе развития украинской археологии.

В связи с этим, в год очередного, 110-летнего, юбилея начала археологического изучения салтовских древностей на Харьковщине, считаем уместным обратить внимание научной общественности на итоги полевых и кабинетных исследований салтовской культуры в Харьковской области. Если брать шире, то Харьковщина с прилегающими к ней районами соседних областей России и Украины на сегодняшний день является одной из наиболее изученных территорий распространения салтовских памятников. Этот регион занимает значительные (~40 тыс. км²) лесостепные территории Хазарии – раннефеодального государства (каганата), раскинувшегося от Северного Кавказа на юге и до Среднего Дона и лесостепной зоны Северского Донца – на севере, от Нижней Волги – на востоке и до низовий Днепра и Крыма – на западе.

Не претендуя на исчерпывающую историю изучения салтовских древностей, которым посвящены как специальные работы [например: 1; 2], так и отдельные разделы в монографиях и наиболее значимых ста-

тьях [например: 3, с. 85-90; 4, с. 3-12; 5, с. 62-64; 6, с. 5-24], считаем возможным осветить в общих чертах ход изучения памятников салтовской (салтово-маяцкой) археологической культуры на Харьковщине, подвести некоторые итоги и наметить возможные перспективы их исследования в будущем. В настоящий момент нам представляется возможным выделить три этапа изучения салтовских памятников рассматриваемого региона.

Начальный этап (1900/1901 – начало 1950-х гг.)

Несмотря на то, что Маяцкое городище и первая катакомба, расположенные в с. Дивногорье Лискинского района Воронежской области стали известны археологам уже в 1890 г. [7, с. 3-4], начало изучения салтовской культуры, как отдельного круга раннесредневековых древностей Восточной Европы, следует всё же связать с выявлением и первыми раскопками катакомбного могильника в с. Верхний Салтов Волчанского района на Харьковщине. Открытие этого эпонимного¹⁾ памятника было связано с подготовкой XII Всероссийского археологического съезда, который планировался и был успешно проведён в августе 1902 г. в Харькове. Обнаружение катакомбных погребений в окрестностях

1) В научной литературе наряду с названием «салтовская культура» широко используется и термин «салтово-маяцкая культура», что связано с обнаружением двух первых памятников, попавших в поле зрения учёных на рубеже XIX–XX ст. Однако, считаем возможным заметить, что эти памятники отражают один и тот же лесостепной вариант салтовских древностей. А вот практически синхронные верхнесалтовским (1901 г.) и проведённые также на территории Харьковской губернии раскопки могильника у хутора Зливки [8], отражавшие иной значительный по территории и обрядности степной массив салтовской культуры, как-то не нашли отражения в названии этого круга древностей. Не претендуя на изменения традиционной терминологии, заметим, что название культуры – «салтово-зливкинская» – было бы более объёмным и точным...

с. Верхний Салтов связано с именем местного учителя Василия Алексеевича Бабенко, который, получив анкету Предварительного комитета по подготовке XII Археологического съезда с просьбой сообщать сведения об исторических и археологических памятниках, обнаружил и исследовал 10 первых раннесредневековых захоронений в обрывах Капиносского оврага на правом берегу Северского Донца [9].

Получив сведения об этих раскопках, к исследованию подключились и профессиональные учёные: историки и археологи из Харьковского университета, а также члены Предварительного комитета по подготовке харьковского Археологического съезда – Н.Е. Воронец, П.П. Ефименко, А.М. Покровский, А.С. Федоровский [10, с. 145, схема-вклейка]. Уже на XII Археологическом съезде были доложены первые итоги работ на верхнесалтовском могильнике, которые нашли своё отражение и в публикациях [11, с. 25, 26; 12]. Яркие выразительные находки, сделанные в захоронениях, надолго привлекли внимание научной общественности того времени к исследованию этого могильника. В разные годы в его изучении принимали участие (помимо выше упомянутых): П.С. Уварова, Н.Е. Макаренко, шведский археолог Т. Арне. Всего в дореволюционный период (до 1915 г. включительно) изучено 325 катакомбных захоронений, 255 из которых раскопано под руководством В.А. Бабенко [9, с. 117]. Результаты этих исследований докладывались на XIII, XIV и XV Археологических съездах. Однако материалы уходили в различные музеи (Москва, Санкт-Петербург, Стокгольм); публиковались они крайне мало и, зачастую, неудовлетворительно [13; 14; 15; 16; 17; 18]². Практически изначально стало ясно, что могильник не представляет единого погребального поля, а распадается, как минимум на 3 группы захоронений [20, с. 548].

Значительно меньше привлекали внимание учёных поселенческие памятники, хотя впервые вопрос о необходимости изучения «Салтановского» городища в с. Верхний Салтов был поставлен в 1899 г. на XI Археологическом съезде в Киеве [21, с. 199, 200]. Первые

исследования дворища городища провёл в 1905 г. Н.Е. Макаренко [16, с. 142-144], а в следующем году В.А. Бабенко составил первый план укрепления и провёл первые раскопки оборонительных линий [14, с. 438, 451; 22, с. 408; 23, с. 464-470]. В его поле зрения попало и салтовское городище близ г. Волчанска, которое он открыл в начале XX в., а в 1903 г. провёл там небольшие раскопки [24, с. 363-368]. В 1913 г. В.А. Бабенко ещё раз провел раскопки на городище в Верхнем Салтове, результаты которых доложил в следующем году на XV Археологическом съезде в Новгороде [25, с. 452-470]. С 1913 годом связано и обнаружение им ещё одного могильника у с. Печенеги [21, с. 204].

Необходимо отметить, что ещё в начале XX в. А.А. Спицын предпринял едва ли не первую попытку обобщения памятников и материалов, аналогичных верхнесалтовским, пытаясь рассматривать их в общем контексте древностей юга Восточной Европы [26]. Первая попытка подведения итогов исследования памятников салтовской культуры в начале XX в., преимущественно на материалах Верхнего Салтова, пытался осуществить в 1914 г. В.А. Бабенко, связав археологические памятники этого круга с этническими хазарами [25]³. Эту попытку нельзя назвать удачной с точки зрения уровня современной археологии, однако она была первой...

Исследования верхнесалтовского могильника были продолжены практически сразу после бурных событий революции и гражданской войны. В 1920-1927 гг. на первом могильнике, который расположен на северных склонах оврага «Замуловка», работали экспедиции Харьковского исторического, Одесского археологического и Волчанского культурно-исторического музеев. В это время было исследовано 60 катакомб [9, с. 117-118]. И в этих исследованиях активное участие принимал В.А. Бабенко. Судьба этих материалов ещё более плачевна, чем дореволюционных. Известна лишь одна публикация [27, с. 353] да одна рукописная работа [28] по этому периоду. Местонахождение материалов не известно (не исключено, что

2) Своеобразной сенсацией стала публикация дневника раскопок В.А. Бабенко за 1914-1915 гг., выявленного и подготовленного к изданию В.И. Кадеевым [19].

3) В задачу нашей работы не входит рассмотрение общей историографии и материалов ранней дискуссии об этнической принадлежности салтовской культуры. По этому поводу предлагаем обратиться к вышеупомянутым работам по историографии.

они напрочь утрачены). Во второй половине 1920-х гг. «первооткрыватель» салтовской культуры (как любил подписывать свои рукописи) В.А. Бабенко предпринял ещё одну попытку обобщения салтовских материалов Восточной Европы [29]. Однако его новая работа была, по своей сути, конспектом его выступления на XV археологическом съезде [23].

В эти же годы начинаются поисковые работы по выявлению новых археологических объектов директором Изюмского окружного музея, краеведом Н.В. Сибилёвым. Работая в составе археологических экспедиций профессоров А.С. Федоровского (1923 г.) и П.П. Ефименко (1924, 1925 гг.), а также вице-президента Украинского археологического комитета С.С. Гамченко (1929 г.), он смог осуществить масштабные археологические разведки по Северскому Донцу. Это позволило ему выявить не один десяток памятников салтовской культуры [30]. К сожалению, состояние дошедшей документации и информации в целом позволяет идентифицировать лишь единичные из них, а многие «открывались» заново. Отметим, что благодаря разведкам Н.В. Сибилёва в 1929 г. экспедиции С.С. Гамченко удалось частично исследовать ямный салтовский могильник с богатым захоронением у с. Залиман близ г. Балаклеи [31, с. 39].

Середина 30-х годов прошлого столетия пополнила число салтовских памятников кремационным могильником и селищем с остатками первого исследованного археологом салтовского железоплавильного горна близ с. Новая Покровка. Однако в то время они остались неопубликованными, и их салтовская принадлежность ещё не была решена однозначно, что случилось уже в послевоенное время, после проведения новых исследований на этих памятниках [32, с. 33-50; 33, с. 64-67].

В послевоенное время (1946-1948 гг.) исследования салтовских памятников на Харьковщине возобновились, и, прежде всего, на Верхнем Салтове. Экспедиция Харьковского университета во главе с профессором С.А. Семёновым-Зусером, в отличие от своих предшественников, была уже комплексной: исследовался как могильник, так и поселенческие памятники. Были продолжены исследования на всех трёх к тому времени

известных могильниках (из раскопанных 57 катакомб 49 располагались на первом, наиболее исследованном ещё в начале XX в.), изучен небольшой участок на городище, где выявлено 2 жилища, осуществлены небольшие раскопки на селище [34, с. 112-137; 35, с. 10-13; 36, с. 271-284]⁴⁾.

Конец 40-х-начало 50-х годов XX в. отмечен и археологическими разведками, позволившими выявить новые археологические памятники салтовской культуры на Харьковщине. В 1947 и 1948 гг. несколько салтовских памятников на Северском Донце и Осколе было выявлено И.И. Ляпушкиным, который в то время представлял Ленинградское отделение Института истории материальной культуры [3, с. 213, 214; 21, с. 201-203; 31, с. 82, 84].

Начало – первая половина 1950-х гг. – время активной поисковой деятельности Н.Т. Евстропова, а также И.П. Костюченко. Первый из них – отставной военный (артиллерист)⁵⁾, участник недавно закончившейся II мировой войны – сотрудничая с краеведческим музеем г. Волчанска, много лет посвятил археологическим разведкам окрестностей своего города и побережья р. Волчья. Среди многочисленных разновременных памятников, открытых им, было несколько салтовских селищ, которые составляли окрестности Волчанского городища [37, с. 204-207]. Второй исследователь, из упомянутых выше, был сотрудником республиканского Института археологии. Он провёл разведки в районе Волчанского городища, подвергнув небольшим раскопкам одно из селищ [38], а также предпринял маршрутные разведки по Донцу, в результате чего выявил два новых салтовских поселения близ с. Малиновка и с. Мартовая [39].

Следует упомянуть и первые работы на городище Мохнач, которое к тому времени ещё не считалось салтовским. В 1950 г. московский исследователь Б.А. Рыбаков осуществил разрез западного вала в его южной

4) Места работ этой экспедиции сейчас определить практически невозможно, т.к. графические материалы в отчётных документах (Киев, Харьков) в настоящий момент отсутствуют.

5) В начале 1990-х годов мне посчастливилось видеть и работать с его прекрасно вычерченными планами местности и памятников, которые сохранялись в Волчанском краеведческом музее (ныне уже практически не существующем).

части. Кроме того, своими разведками в его окрестностях положил начало выявлению селищ, входивших на разных этапах в его округу [40, с. 42].

Подводя итог истории изучения салтовских древностей Харьковщины на первом этапе, следует сделать ряд выводов:

- в начале XX в. именно Харьковщина стала местом выявления, открытия и исследования одного из наиболее важных памятников новой на тот момент салтовской культуры – Верхнесалтовского раннесредневекового археологического комплекса, который до сего дня привлекает внимание значительного числа археологов Восточной Европы;

- интерес к салтовской археологии, возникший после получения ярких комплексов верхнесалтовского катакомбного могильника имел определённые последствия для археологии, изучающей материальную культуру Хазарского каганата, как в положительном, так и в отрицательном плане. Положительным можно считать несколько моментов: во-первых, в восточноевропейской (в то время – общероссийской) археологии появилось ранее не существовавшее направление по исследованию новой, яркой культуры (салтовской археологической), которая, как выявилось довольно скоро, отражала уровень материального развития Хазарского каганата; во-вторых, это дало мощный толчок к развитию раннесредневековой археологии в Харьковском регионе, что впоследствии определит и создание здесь своего научного центра хазароведения (салтововедения). Отрицательным моментом следует считать то, что основное внимание специалистов было приковано к изучению верхнесалтовского катакомбного могильника, а исследование поселенческих памятников проводились sporadически;

- работа многочисленных экспедиций из различных научных и культурных центров и организаций привела к значительному рассредоточению полученных материалов, большинство из которых к настоящему времени следует признать утраченными для науки;

- документация экспедиций к настоящему моменту в большинстве случаев отсутствует, а та, что имеется в наличии, чаще всего неудовлетворительна;

- разведки с целью выявления новых, в том числе и салтовских памятников, до начала 1950-х гг. целенаправленно не проводились. Они выявлялись случайно и неудовлетворительно фиксировались;

- невысокий уровень изучения салтовских древностей, который сложился в советской археологии середины XX в., отражён в диссертации Н.Я. Мерперта (1949 г.), которая посвящена верхнесалтовскому комплексу [41]. Однако, его работа, как и большинство исследований этого периода, не была опубликована и сейчас её материалы остаются труднодоступными для украинских исследователей;

- в целом, приходится констатировать, что работы по изучению салтовских памятников велись без единого плана (программы), отсутствовал и центр (центры) аккумуляции полученных данных, что в настоящий момент не позволяет полноценно использовать сведения, добытые на рассмотренном выше этапе.

Второй этап

(середина 50-х – середина 80-х гг. XX в.)

Середина – вторая половина 50-х гг. XX в. – время массовых, практически тотальных разведок и пробных раскопок на территории Харьковской области, в результате которых было открыто несколько десятков новых памятников. В связи с этим необходимо упомянуть ряд исследователей, которые внесли наибольший вклад в выявление именно салтовских древностей на нашей территории. Это харьковчане: В.И. Кадеев, В.К. Михеев, Е.В. Пузаков и особенно Б.А. Шрамко⁶⁾; сотрудник Института археологии АН УССР, уроженец Змиевского района Харьковщины Д.Я. Телегин; россияне: П.Д. Либеров и С.А. Плетнёва.

Знаковым, по нашему мнению, стало начало работ на городище Мохнач и Коровы Хутора, а также исследование селища у с. Жовтневое. В 1953 г. раскопки первого из упомянутых городищ осуществил Б.А. Шрамко. Уже в следующем сезоне работы здесь продолжила С.А. Плетнёва. Кро-

6) Помимо обширных разведок, проводимых Б.А. Шрамко, осматривая послевоенное состояние комплекса в Верхнем Салтове, им было исследовано одно из захоронений на первом могильнике [42, с. 3, 4].

ме того, своими разведками она открыла ещё 8 селищ близ него [41, с. 42-44; 43, с. 18]. Начало стационарных полевых исследований на Коробовых Хуторах также связано с Б.А. Шрамко (1954 г.), который за год до этого открыл близ этого городища и салтовское селище. В 1955 г. это же городище обследовала и С.А. Плетнёва [43, с. 19]. Раскопки салтовского селища у с. Жовтневое на Осколе, проведённые в 1956 и 1957 гг. в связи со строительством Оскольского водохранилища экспедицией киевского Института археологии во главе с Д.Т. Березовцом, равно как и итоги исследований на салтовских могильниках у сёл Шейковка и Рубцы, дали также весьма интересные материалы для понимания развития салтовской культуры на Донце. Однако, эти исследования не получили своего продолжения. Научная деятельность Б.А. Шрамко была связана с поиском и планированием изучения памятников раннего железного века, а с этой точки зрения городища Мохнач и Коробовы Хутора, вероятно, показались ему малоперспективными, поэтому он их и не продолжал. Основным интерес С.А. Плетнёвой, в то время ещё молодой исследовательницы, был связан с работами на Дону (Саркел и его округа). Для Д.Т. Березовца работы на Осколе также не имели продолжения – его основные научные интересы были связаны в тот период с исследованием славянских памятников Днепровского Левобережья. Это проявилось в довольно позднем введении в научный оборот полученных им на Осколе материалов [44, с. 429-431; 45, с. 84-95].

Значительным толчком к исследованию салтовских памятников, и, прежде всего, в самом Верхнем Салтове и его окрестностях, стало сооружение Печенежского водохранилища на Северском Донце. В 1959-1961 гг. здесь работала Экспедиция Института археологии Украины во главе с Д.Т. Березовцом, в составе которой находились отряд Харьковского университета и сотрудники областного исторического музея. Традиционно исследовался могильник, однако, отметим, что впервые значительными площадями были проведены раскопки на городище и на селище. Раскопкам подвергся тогда ещё мало изученный 3-й могильник, на котором «под бульдозер» было раскрыто более 30 катакомбных захоронений. По устным све-

дениям В.К. Михеева, в то время лаборанта Археологического музея ХГУ и участника экспедиции, расчистка погребений поручалась, чаще всего, местным жителям, со слов которых проводилось и описание захоронений, а также фиксация местоположения артефактов. Значительными были и данные, полученные при раскопках дворища городища (цитадели), а также селища. До сего дня этот гигантский материал полностью не проанализирован. Лишь спустя десять лет были опубликованы первые материалы по селищу [46, с. 147-157], а ещё через десяток – вышли первые публикации по городищу и могильнику [47, с. 101-109; 48, с. 140-148].

На противоположном от Верхнего Салтова берегу этой же экспедицией был открыт и частично исследован Нетайловский комплекс (грунтовой ямный могильник⁷⁾ и селище). И здесь первых публикаций по могильнику пришлось ждать два десятка лет [49, с. 80-96], а материалы селища увидели свет спустя практически полвека [50, с. 52-58].⁸⁾

В рамках той же программы исследования затопляемых водохранилищем территорий провела свои раскопки салтовских поселений близ с. Революционное и В.И. Митрофанова [51, с. 1-17].

Поспешность исследований с использованием далеко не классической методики, прекращение работ по истечению срока хозяйственной темы, недостатки отчётной документации и значительное запаздывание публикаций материалов (в большинстве своём они публиковались даже не самими исследователями) – всё это свидетельствовало о том, что велением времени стало появление исследователя, который посвятил бы свою деятельность изучению салтовских памятников Харьковщины и всего бассейна Северского Донца в целом. Этого требовала и логика развития археологии – эпизодические, хотя и масштабные исследования салтовских древностей уже нельзя было считать достаточными с точки зрения потребностей науки.

Этим исследователем стал Владимир Кузьмич Михеев. Юбилейные и мемориаль-

7) И так же практически под бульдозер, что в определённой степени можно объяснить большими объёмами работ и сжатыми сроками их проведения.

8) И вновь приходится констатировать весьма неудовлетворительное состояние документации тех лет по Нетайловскому селищу.

ные статьи сполна содержат сведения о деятельности этого учёного [например: 52; 53, с. 185, 186; 54, с. 318-321], интересы которого выходили далеко за рамки Харьковщины. Здесь же мы хотим подчеркнуть его вклад в развитие салтововедения на нашей территории. Приобретя значительный опыт в разведках под руководством Д.Я. Телегина ещё в конце 1950-х гг. [55], исследователь продолжал поиски новых памятников практически последующие четверть века. Итоги поисков публиковались редко [56, с. 97-99], но в значительной мере отражены в справочной литературе [31] и практически всё сохранилось в архивах Киева и Харькова. Эти разведки помогли ему спланировать исследования практически на всю последующую научную жизнь. Его полевые раскопки охватывали большинство известных в настоящее время типов памятников салтовской культуры.⁹⁾ Среди них следует отметить, прежде всего, многолетние (1969, 1973-1982 гг.) исследования раннесредневекового комплекса в с. Сухая Гомольша (городище, селище, кремационный ямный могильник). В разные годы им исследовались: городище и селище Коробовы Хутора, Старосалтовское городище и катакомбный могильник, селища Пятницкое, Волчанск-2 и Нижний Бишкін, ямные ингумационные могильники в с. Нетайловке и близ с. Червоная Гусаровка, биритуальный могильник Червоная Горка. Его перу принадлежат десятки работ по салтовской и хазароведческой тематике и монография [57]. Итоги полевых и аналитических исследований вылились в две диссертации [58; 59], а также в постоянно действующую экспедицию, которая десятки лет планомерно исследовала салтовские памятники Харьковщины и соседних с ней областей.

Наряду с В.К. Михеевым к исследованиям (в большинстве своём - поиску) новых памятников (среди которых были и салтовские) в 1970-е годы подключаются и иные, более молодые исследователи. Следует отметить, что все они – харьковчане, воспитанники Харьковского университета: С.И. Берестнев, В.Г. Бородулин, Ю.В. Буйнов, С.И. Воловик, А.К. Дегтярь, А.Г. Дьяченко, Н.Г. Коленченко, В.Е. Радзиевская. В середине следую-

щего десятилетия поисковую деятельность начинают В.В. Колода и А.В. Крыганов. Всё это значительно расширило географию поиска и способствовало значительному увеличению числа памятников рассматриваемой культуры.

В начале 1980-х годов к салтовской тематике обращается и тогдашний заведующий археологическим отделом областного исторического музея – В.Г. Бородулин. В 1982, 1984 и 1985 гг. он проводит раскопки старосалтовского катакомбного могильника [60]. Примерно в это же время исследователь переезжает в Верхний Салтов, где практически в одиночку, своими силами, без поддержки научных работников, руководства областного исторического музея и властей, создаёт в помещении сельского клуба многокомнатный археологический музей, экспонатам которого могли бы позавидовать и ведущие музеи страны. Это был, по сути, первый музей салтовской культуры в Украине. То, что сейчас представляется как музей – жалкая тень прошлой роскоши, которая в свое время поразила меня – начинающего исследователя. Он сумел позитивно настроить местное население по отношению к музею и археологии (ведь современное село построено на древнем селище). Благодаря этому при В.Г. Бородулине музей расширялся и пополнялся новыми находками.

Подведём итог второго этапа развития салтовской археологии на Харьковщине:

- основная особенность этого этапа заключается в переходе от спорадических исследований отдельных памятников (и, прежде всего, могильников, дающих великолепные наборы артефактов) к ежегодным планомерным исследованиям с целью выявления изучения всех типов памятников салтовской культуры;

- толчком к этому послужили массовые разведки, инициированные Институтом археологии (Киев) и поддержанные местными молодыми научными кадрами;

- большое значение для того, что салтовская археология стала одним из важнейших направлений этой науки на территории Харьковской области, имели работы, связанные со строительством Краснооскольского и, в особенности, Печенежского водохранилища, проводимые экспедицией киевского Института археологии;

9) Здесь мы остановимся лишь на памятниках Харьковской обл.

– систематические и планомерные ежегодные исследования салтовских древностей начинаются в 60-е гг. прошлого века и связаны они с деятельностью В.К. Михеева. Эти исследования стали основой для многочисленных публикаций и диссертаций исследователя;

– предпринимается попытка создания специализированного музея салтовской археологической культуры на территории Верхнего Салтова.

Третий этап

(со второй половины 80-х гг. XX в.)

Данный этап развития салтовских исследований на Харьковщине также в значительной мере связан с именем В.К. Михеева. Его научная и преподавательская деятельность вылилась в создание харьковской школы хазароведения и болгаристики, процесс складывания которой приходится на конец прошлого столетия. Это воплотилось в ряде диссертаций, подготовленных под его руководством, и «вхождении» в полевую археологию новой группы исследователей. К этой школе можно отнести ныне активно действующих археологов – исследователей салтовских древностей – В.С. Аксёнова [61], В.В. Колоду [62], В.В. Скирду [63] и историков О.Б. Бубенка [64], А.А. Тортику [65]¹⁰, а также рано ушедших археологов: А.В. Крыганова [67] и Н.В. Чернигову [50, с. 52-58; 68, с. 35-42]. Кроме того, в конце XX в. В.К. Михеевым был организован Центр Хазароведения, который изначально располагался в ХНУ им. В.Н. Каразина, где В.К. Михеев заведовал кафедрой историографии, источниковедения и археологии, а затем (следом за его переходом на работу в Соломонов университет) этот центр логично переместился туда же. Следующим шагом в развитии изучения салтовской проблематики на территории Харькова стала организация им ежегодного «Хазарского альманаха», в редакционную коллегию которого входят ведущие археологи-медиевисты Украины (вышло уже 8 томов).

В середине 80-х-начале 90-х гг. XX в. В.Г. Бородулиным активно исследовался 3-й могильник в Верхнем Салтове и начато изучение 4-го могильника. Кроме того, в 1987 г.

были проведены спасательные работы на такомбном могильнике в соседнем с. Рубежное. Однако результаты этих исследований являются лишь достоянием научных архивов, ожидая своего анализа и публикации. Начиная с середины 1990-х гг. В.Г. Бородулин отходит от активных полевых исследований и, так и не получив поддержки в деятельности Верхнесалтовского музея, уезжает из Верхнего Салтова. И, как следствие, музей хиреет, пока в начале нынешнего века не превращается в некий склад краеведческо-этнографических экспонатов. Но это лишь одна из немногих безрадостных страниц харьковского салтововедения...

Новое (упомянутое выше) поколение харьковских исследователей салтовской культуры, войдя в науку, значительно расширили число изучаемых памятников, проводя на них комплексные многолетние раскопки (не забывая и о разведках). Наметились и определённая специализация в категориях исследуемых памятников у отдельных авторов¹¹. Так, например, В.С. Аксёнов основное внимание сосредоточил на изучении погребальных памятников. Основные объекты его исследования – Верхнесалтовский и Нетайловский могильники; им был доследован и могильник в Рубежном. Автор этой статьи основное внимание уделяет изучению поселенческих памятников: археологические комплексы в г. Волчанске, сёлах Верхний Салтов, Коробовы Хутора, Мохнач, ремесленные центры в окрестностях с. Верхний Бишкин и с. Мохнач. Н.В. Чернигова готовила диссертацию по Верхнему Салтову, с чем и была связана её научная деятельность. А.В. Крыганов вел многолетние раскопки на селище Пятницкое-I и на могильнике в с. Нетайловка.

В начале этого столетия в харьковское хазароведение пришли новые молодые исследователи: В.И. Квитковский, Г.Е. Свистун, А.А. Лаптев, которые своими поисковыми работами расширили число салтовских памятников. Двое первых исследователей работает над изучением поселенческой тематики: В.И. Квитковский плодотворно изучает домостроительство населения салтовской

10) Впоследствии им была защищена и докторская диссертация [66].

11) Не желая превращать статью в справочно-библиографическое издание, мы укажем здесь лишь основные памятники и направления исследований, упоминая лишь монографические работы харьковских авторов по салтовской проблематике.

лесостепи, а Г.Е. Свистун успешно работает над тематикой фортификации салтовских городищ. А.А. Лаптева привлекает тематика, связанная с изучением раннесредневековых захоронений.

Таким образом, школа салтоведоведения, созданная В.К. Михеевым, даёт свои плоды. Одним из доказательств этому является то, что вместо одного центра салтовских исследований, существовавшего на предыдущем этапе развития хазароведения на Харьковщине, теперь их существует несколько: классический университет им. В.Н. Каразина (В.В. Скирда), педагогический университет им. Г.С. Сковороды (В.В. Колода), харьковский исторический музей (В.С. Аксёнов) и академия культуры (А.А. Тортика). Возросло количество конференций и представленных на них секций по хазароведческой тематике в самом Харькове. Ежегодно харьковские салтоведы принимают участие с докладами в многочисленных конференциях в Украине и за рубежом. В начале этого столетия число «салтовских» экспедиций в отдельные годы достигало семи. За последние 15 лет вышло более 200 публикаций по хазароведению и на основе материалов раскопок салтовских памятников Харьковской области. В их числе и несколько монографий [69; 70; 71; 72; 73].

В целом, следует констатировать, что в настоящий момент «салтовская» археология занимает лидирующие позиции среди всех иных направлений исследований, и Харьков сейчас является важным, а по некоторым вопросам – ведущим центром хазароведения в Восточной Европе. Однако, не всё так безоблачно. Не смотря на постоянно выявляемые новые памятники салтовской культуры, которые происходят вследствие продолжающихся археологических разведок (основная роль в этом деле в настоящий момент принадлежит филиалу Института Археологии – Слобожанской археологической службе), сохранение их для последующих исследований остаётся более чем актуальным. К сожалению, распаёвка земельных участков, хищническая хозяйственная и строительная

деятельность ведёт к их уничтожению при полном попустительстве государственных охранных органов.

Эта задача глобальная, касающаяся всех памятников археологии. Для салтовской археологии Харьковской области (а мне представляется, что и для остальных регионов) весьма полезным для развития было бы приступить к решению нескольких, на наш взгляд, важных задач:

- создание свода салтовских археологических памятников, даже примерный подсчёт которых составляет 250-300 пунктов. Справочник 1970-х годов не отражает действительности, содержит множество повторов, несогласованностей, неточностей. Он нуждается в исправлении и, естественно, в дополнении;

- необходимо монографическое издание материалов исследований отдельных памятников (локальных сводов), особенно тех, раскопки на которых прекращены или продолжаются уже не один десяток лет. К ним мы относим Верхнесалтовский и Волчанский комплексы, а также материалы Коробовых Хуторов и Мохнача;

- полезным считаем издание монографий по отдельным проблемам и сферам деятельности салтовского населения как региона, так и в целом;

- давно назрела необходимость музеефикации одного из салтовских памятников (создание на его основе скансена) с включением его в туристическую инфраструктуру области и государства¹²⁾.

Подводя общий итог рассмотрению истории изучения салтовской археологической культуры на территории Харьковской области, необходимо сказать главное: именно салтовская культура и её исследование во многом способствовали становлению Харькова, как ведущего археологического центра в России, Советском Союзе и в современной Украине. Это направление археологии и хазароведения прошло динамичный, многоэтапный путь своего развития и по праву занимает ведущее место в украинской и европейской археологической науке.

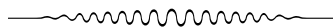
12) Верхний Салтов давно уже не отвечает этим требованиям, т.к. для науки он практически уничтожен современной застройкой.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Плетнёва С.А. Хазарские проблемы в археологии// СА. – 1990. – № 2.
2. Комар О.В. Хозарський каганат і ранньосередньовічна номадістика: завершення епохи// Археологія і давня історія країни. Проблеми давньоруської та середньовічної археології. – К., 2010. – Вип. 1.
3. Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. – МИА. – 1958. – № 62.
4. Плетнёва С.А. От кочевий к городам. – МИА. – 1967. – № 142.
5. Плетнёва С.А. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1982.
6. Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. – Харьков, 1985.
7. Винников А.З., Плетнёва С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. – Воронеж, 1998.
8. Городцов В.А. Материалы археологических исследований на берегах Донца Изюмского уезда Харьковской губернии. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 г.// Труды XII АС. – М., 1905. – Т. 1.
9. Чернігова Н.В. Бабенко В.О. та дослідження археологічного комплексу в с. Верхній Салтів// Археологія. – 2000. – № 4.
10. Кадеев В.И. Украинский археолог, краевед и этнограф В.А. Бабенко (к 120-летию со дня рождения)// Древности 1996. – Харьков, 1997.
11. Багалея Д.И. Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губернии// Труды XII АС. – М., 1905. – Т. 1.
12. Покровский А.М. Верхне-Салтовский могильник// Труды XII АС. – М., 1905. – Т. 1.
13. Бабенко В.А. Раскопки катакомбного могильника в Верхнем Салтове, Волчанского уезда, Харьковской губ.// Труды Харьковской комиссии по устройству XIII Археологического съезда в г. Екатеринославе. – Харьков, 1905.
14. Бабенко В.А. Древне-Салтовские придонецкие окраины южной России// Труды XIII АС. – М., 1907. – Т. I.
15. Бабенко В.А. Раскопки катакомбного могильника в Верхнем Салтове Волчанского уезда Харьковской губернии. Дневник раскопок. – Харьков, 1905 – отдельный оттиск из Сборника ХИФО. – Т. XVI.
16. Макаренко Н.Е. Отчёт об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905 г // ИАК. – 1906. – Вып. 19.
17. Федоровский А.С. Верхнесалтовский камерный могильник VIII–X вв.// Вестник ХИФО. – 1913. – Вып. 3.
18. Федоровский А.С. Верхнесалтовский камерный могильник VIII–X вв.// Вестник ХИФО. – 1914. – Вып. 5.
19. Дневник раскопок, произведённых почётным членом Императорского Московского Археологического института В.А.Бабенко в сл. Верхний Салтов Волчанского уезда Харьковской губ. в 1914 и 15 году// Древности 1996. – Харьков, 1997.
20. Бабенко В.А. Раскопки катакомбного могильника в Верхнем Салтове, Волчанского уезда, Харьковской губ.// Труды Харьковской комиссии по устройству XIII Археологического съезда в г. Екатеринославе. – Харьков, 1905.
21. Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа// МИА. – 1961. – № 104.
22. Бабенко В.А. Что дали нового последние раскопки на Верхнем Салтове?// Труды XIII АС. – М., 1907. – Т. I.
23. Бабенко В.А. Памятники хазарской культуры на юге России// Труды XV АС. – М., 1914. – Т. I.
24. Бабенко В.А. Волчанское городище// Сборник ХИФО. – 1905. – Т. 16.
25. Бабенко В.А. Памятники хазарской культуры на Верхнем Салтове// Труды XV АС. – М., 1914. – Т. 1.
26. Спицин А.А. Историко-археологические изыскания. Исконные обитатели Дона и Донца// ЖМНП. – 1909. – № 1.
27. Тесленко Т.І. Розкопки Верхньо-Салтівського могильника 1920 р.// Наук. зап. Наук.-досл. кафедри історії укр. культури. – Харків. 1927. – № 6.

28. Бабенко В.А. История памятников древней культуры местного края. Волчанск, 1940. – Рукопись// Архив Волчанского краеведческого музея.
29. Бабенко В.А. Розповсюдження стародавньої салтівської та схожих на неї культур в межах Східної Європи (Україна, Південь РСФСР та Північний Кавказ). – Харків, 1926.
30. Сибилёв Н.В. Древности Изюмщины. – Изюм, 1926. – Вып. 1; 1926. – Вып. 2; 1928. – Вып. 3; 1930. – Вып. 4.
31. Шрамко Б.А., Михеев В.К., Грубник-Буйнова Л.П. Справочник по археологии Украины. Харьковская область. – К., 1977.
32. Кухаренко Ю.В. Новопокровський могильник і поселення//Археологія. – 1952. – Т. 6.
33. Брайчевская А.Т. Железоплавильный горн в Новой Покровке// КСИА АН УССР. – 1956. – Вып. 6.
34. Семенов-Зусер С.А. Розкопки коло с. Верхнього Салтова 1946 р.// АП УРСР. – 1949. – Т. 1.
35. Семёнов-Зусер С.А. Отчёт о раскопках на территории Верхнего Салтова в 1948 году. – Харьков, 1949// Архив ИА НАНУ. – № 1948/6.
36. Семенов-Зусер С.А. Дослідження Салтівського могильника// АП УРСР. – 1952. – Т. 3.
37. Евстропов Н.Т. Городище и селища возле г. Волчанска// СА. – 1958. – № 4.
38. Костюченко И.П. Отчёт о разведочных раскопках в окрестностях г. Волчанска Харьковской обл. 1951 год. К., 1951// Архив ИА НАНУ. – № 1951/16.
39. Костюченко И.П. Разведка в северо-восточной части Харьковской области. К., 1951а// Архив ИА НАНУ. – № 1951/16-а.
40. Колода В.В., Колода Т.А. Старожитності с. Мохнач та його округи// АЛЛУ. – 2001. – Ч. 2.
41. Мерперт Н.Я. Верхнее Салтово (салтовская культура). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1949// НА РАН
42. Шрамко Б.А. Отчёт о работе скифо-славянской экспедиции Харьковского гос. университета в 1959 г. Харьков, 1960// Архив ИА НАНУ. – № 1959/29.
43. Колода В.В., Горбаненко С.А. Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. – К., 2010.
44. Березовец Д.Т. Салтівська культура// Археологія УРСР. – К., 1975. – Т. 3.
45. Пархоменко О.В. Поселение салтовской культуры у с. Жовтневое// Земли Южной Руси в XI-XIV вв. – К., 1985.
46. Сміленко А.Т. Дослідження посаду городища Верхній Салтів// Середні віки на Україні. – К., 1971.
47. Іченська (Пархоменко) О.В. Цитадель Салтівського городища// Археологія. – 1980. – № 34.
48. Иченская О.В. Особенности погребального обряда и датировка некоторых участков Салтовского могильника// Материалы по хронологии археологических памятников Украины. – К., 1982.
49. Иченская О.В. Об одном из вариантов погребального обряда салтовцев по материалам Нетайловского могильника// Древности Среднего Поднепровья. – К., 1981.
50. Чернигова Н.В. Материалы к характеристике Верхнесалтовского археологического комплекса VIII-X вв.// ВХДУ. – 1998. – № 413. – Серия «Історія». – Вип. 30.
51. Митрофанова В.И. Отчёт Кочетокской экспедиции 1960 г. (Раскопки в с. Новодоновке Старо-Салтовского района, Харьковской области). – Киев, 1961// Архив ИА НАНУ. – № 1960/5.
52. Володимир Кузьмич Міхеев – професор Харківського університету: Бібліографічний покажчик. – Харків, 1997.
53. Колода В.В. К юбилею В.К.Михеева// РА. – 2007. – № 4.
54. Аксьонов В.С., Скирда В.В., Тортіка О.О. Володимир Кузьмич Міхеев// Древности 2009. – Харьков, 2009.
55. Телегин Д.Я., Пузаков Е.В., Михеев В.К. Отчёт о разведке археологических памятников в зоне строительства Печенежского водохранилища на реке Северском Донце 1959 году. – К.–Харьков, 1959// Архив ИА НАНУ. – № 1959/3а.
56. Михеев В.К. Нові пам'ятки салтівської культури в басейні Сіверського Дінця// ВХУ. – 1974. – № 104. – Серия «Історія». – Вип. 8.
57. Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
58. Михеев В.К. Основные ремесленные производства алано-болгарского населения Подонья в VIII-X вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Харьков, 1968// ЦНБ ХНУ.

59. Экономика и социальные отношения у населения салтово-маяцкой культуры Подонья-Приазовья (середина VIII-середина X вв.). Дисс. ... докт. ист. наук. Харьков, 1985// Архив ИА НАНУ. – Ф. 12. – № 665.
60. Бородулин В.Г. Отчёт о раскопках Старо-Салтовского катакомбного могильника и кургана у пгт. Коротич в 1982 году. Харьков, 1982// Архив ИА НАНУ. – № 1982/151.
61. Аксьонов В.С. Поховання з конем другої половини VIII-IX ст. верхньої течії р. Сіверський Донець (за матеріалами салтівських ґрунтових могильників). Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – К., 2000.
62. Колода В.В. Черная металлургия Днепро-Донского междуречья во второй половине I тыс. н.э. – Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – К., 1996.
63. Скирда В.В. Археологічна наука у Харківському університеті (1905 – 1920 рр.). Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – К., 2000.
64. Бубенок О.Б. Ясы южнорусских степей. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1995.
65. Тортіка О.О. Історична географія та населення Великої Болгарії (630-660 рр. н.е.): Методика дослідження кочових суспільств середньовіччя. – Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Харків, 1999.
66. Тортіка О.О. Алано-болгарське населення Північно-Західної Хозарії в етносоціальному та геополітичному просторі півдня Східної Європи. Автореф. дис. ... докт. іст. наук. – Харків, 2007.
67. Крыганов А.В. Вооружение и конное снаряжение кочевников юга Восточной Европы. Дисс. ... канд. ист. наук. Харьков, 1987// Архив ИА НАНУ. – Ф. 12. – № 656.
68. Крыганов А.В., Чернигова Н.В. Новое исследование Неиайловского могильника салтовской культуры// ВХГУ. – 1993. – № 374.
69. Бубенок О.Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI-начало XIII вв.). – К., 1997.
70. Колода В.В. Черная металлургия Днепро-Донского междуречья во второй половине I тыс. н.э. – Харьков, 1999.
71. Аксёнов В.С. Михеев В.К. Население хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухомольшанский могильник VIII-X в.// Хазарский альманах. – 2006. – Т. 5.
72. Тортіка А.А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII-третья четверть X вв.). – Харьков, 2006.
73. Колода В.В., Горбаненко С.А. Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. – К., 2010.



ОБРЕДЪТ НА ТРУПОИЗГАРЯНЕТО В НЕКРОПОЛИТЕ НА САЛТОВО-МАЯЦКАТА КУЛТУРА И БИРИТУАЛНИТЕ НЕКРОПОЛИ НА ДОЛЕН ДУНАВ

Проучването на ранносредновековните паметници в България през последното десетилетие е свързано със значими открития. Освен че впечатляват със своята научна стойност, те позволяват да погледнем по нов, непознат досега начин върху различните аспекти от миналото на населението, живяло в предхристиянския период в границите на Първото българско царство (681 – 864/5). Особен интерес сред медиевистите предизвикват огласените резултати от изследванията на някои раннобългарски некрополи като Балчик (област Добрич), Караманите (област Варна), Дивдядово и Върбяне (област Шумен), които отново поставят на дневен ред някои широко дискутирани, но нерешени досега проблеми¹⁾. Един от най-съществените сред тях е проблемът за проявите на биритуализъм в езическите некрополи на Долен Дунав.

В част от малкото обобщаващи статии, посветени на темата, Д.Ил. Димитров споделя, че погребалният обред сякаш е нещо много просто и повтарящо се. Това привидно еднообразие обаче крие огромен брой детайли [1, с. 51], чиито анализ води авторите до различни, понякога противоречащи си изводи. В опитите да се даде отговор на въпроса кое е населението, оставило гробовете с кремация в биритуалните некрополи, се привеждат паралели ту от Среден Дунав на запад, ту от европейските степи на изток. В крайна сметка се стига до не съвсем ясни заключения, че обредът на трупоизгарянето е бил практикуван или от някоя група сла-

вянско население, или от тюркска, родствена с българите [1, с. 92], или биритуализмът е следствие на смесени бракове между българско и славянско население [2, с. 477].

Целта на настоящата статия е да проследи елементите на погребалния обред сред група некрополи с кремация, които попадат в културно-историческия контекст и граници на Салтово-Маяцката култура, и да посочи тяхната близост, и различие със синхронните им гробни находки от България (Обр. 1).

Географско разположение

С понятието Долен Дунав се обозначават земите между Железни Врата и Черно море, и Карпатите и Стара планина. Биритуалните некрополи заемат най-източния участък на така очертания ареал (Обр. 2). Според основните зони на концентрация западната граница на разпространение е маркирана от некропола Обършия Ноуа (окръг Олт), източната и югоизточната включва некрополите по западния черноморски бряг – Топола, Балчик и Варна (Добричка и Варненска област), северната и североизточната граница се очертава от единичните гробни находки при Латати-Цимпени, Ханещи (окръг Ботошани) и некропола Капул-Виилор – Истрия (окръг Констанца).

В ареала на Салтово-Маяцката култура (СМК) плоските некрополи и единични гробове с кремация са концентрирани основно в две зони – по северозападната и по югозападната ѝ периферии. Границите на Кубано-черноморската група кремации (в литературата се определя и като севернокавказка) достигат р. Кубан на север и северните склонове на Кавказкия хребет на юг [3, с. 195; 4, с. 359]. В същата географска зона попадат и некрополи, съществували в различно време, и разделени от кратък хронологически

1) Повече за историята на проучванията на биритуалните некрополи на Долен Дунав в: Fiedler W. Bulgars In the Lower Danube Region. A Survey of the Archaeological evidence and of the State of Current Research// The Other Europe in the Middle Ages (Ed. by Florin Curta), 2002; Коматарова-Балинова Е. Биритуалните некрополи на Нижнем Дунае и некрополи в ареала Салтово-Маяцкой культуры (попытка сопоставления по данным некоторых элементов погребального обряда)// Степи Европы в эпоху средневековья (в печати).

хиатус. По-ранните са биритуални и функционират в периода около III-VII в. В тях гробовете с инхумация преобладават. В Борисово, Пашково I, Сопино, Широкая Балка и Бжид 1 броят на проучените кремации е общо 19, с което те съставляват около 3 % от синхронните им гробове [5, с. 189]. По-късните некрополи, оставени най-общо от края на VII до средата на VIII в., включват некрополи като Казазово 2, Молдованка, Дюрсо и определената от В. В. Саханев група III от Борисовския некропол. В тази втора хронологическа група броят на гробовете с кремация нараства между 50 и 100 % [6, с. 129].

Зоната на разпространение на Донецката група некрополи с кремация се разпростира на границата на степната и лесостепната зона, по горните и средни течения на реките Северски Донец и Оскол с техните притоци, между съвременните градове Воронеж (Русия) и Харков (Украйна). Според някои автори появата на некрополите с трупоизгаряне е сред «най-отличителните черти» на Донецкия район и една от основните характеристики на лесостепния вариант на СМК [7, с. 153; 8, с. 28, 29]. Два от некрополите – при Маяки и Сухая Гомолша принадлежат към комплекси, включващи синхронни на тях градища.

Брой и съотношение на гробовете с кремация и инхумация в биритуалните некрополи на Долен Дунав

Броят и съотношението на гробовете с кремация и инхумация в некрополите на Долен Дунав се колебае. Изглежда, че по-голямата част от населението е изгаряло своите покойници [9, с. 255], но съществуват и определени локални особености. Прави впечатление, че паметниците, в които гробовете с кремация са преобладаващи или имат висок относителен дял, близък до 50 %, са концентрирани в черноморската зона. Това е и един от аргументите да се говори за т.нар. Добруджанско-Варненска или Одесска група некрополи [10, с. 211; 11, с. 150-152]. Във вътрешността – по-общо казано в района на Плиска, броят на гробовете с кремация чувствително намалява под 30 %, а в най-близко разположения до първата столица некропол – Нови Пазар, са известни само два такива гроба. Различните съотношения в

отделните зони засега трудно биха могли да се интерпретират. Според П. Георгиев населението, което е практикувало инхумацията се придвижва от района на Девня и Варна към столицата – Плиска [12, с. 28].

Клади

Кремирането на покойниците и в двете групи паметници е ставало встрани от некропола. На този етап клади от България и Румъния не са известни. Според У. Фидлер те най-вероятно са били издигнати над земната повърхност, за да се подпомогне притока на кислород, който би засилил горенето [13, р. 274]. Единствената открита клада в ареала на СМК е ситуирана в периферията на некропола при Сухая Гомолша (Змиевски (преди Готвалдски) район, Харковска област). Изглежда, че кремацията там е извършвана непосредствено върху земната повърхност, на площадка, обмазана с глина [14, с. 159].

Различната степен на обгаряне на телата показва, че те или са престоявали за кратко върху огъня, или кладата не е била с висока температура. Неравномерно обгорени костни останки са открити в Сухая Гомолша и Новопокровка (Харковска област), от българските земи – в колективния гроб № 132 от балчишкия некропол [14, с. 160; 15, с. 371; 16, с. 73; 17, с. 103; 18, обр. 1, 2]. В посочените паметници от Украйна, с висока степен на обгаряне са костите на черепа, но в Балчик подобна зависимост не може да се установи.

Според мнението на У. Фидлер съществува определена връзка между обряда и възрастта на покойниците, като на кремация са били подлагани предимно телата на възрастните индивиди [13, р. 278, 279, 305]. Некрополите от България, в които е направен обстоен антропологичен анализ, показват съществени разлики. В Топола съотношението между възрастни индивиди – деца е 60/16 %, но в близко разположения Балчик то е 52, 24/37,5 % [18, с. 203, табл. 1, 2, 3]. Подобни съотношения в биритуалния красногорски некропол не могат да бъдат съставени, поради отсъствието (от достъпните ми публикации) на антропологичен анализ на горелите останки.

Предполага се, че повечето гробове с кремация от долнодунавските некрополи са

єдиничні. Отделни, изолирани и трудно доказуеми изключения съществуват в Девня 1, Девня 3, Варна и Кюлевча. На този етап само от Топола и Балчик са познати колективни (двойни и тройни) гробове с кремация [19, с. 78]. В Балчик те са 21 и в тях са погребани възрастни и деца. Тези гробове не срещат аналог. Според обнародваните резултати в Красная Горка също е открит троен урнов гроб (№ 101), но той е единичен пример [20, с. 182-185].

Гробни съоръжения

Гробните съоръжения, в които са полагани горелите костни останки в некрополите на Долен Дунав са разнообразни (Обр. 3, 4, 5). Както и в СМК, биват ями, урни и камери. На Долен Дунав в разпределението на гробните съоръжения съществуват определени локални особености. Така ямните съоръжения имат най-висок относителен дял в т.нар. Новопазарска група, камерите – в Черноморската, а урните – в Севернодобруджанската. Сумирането на данните показва, че най-висока честота имат ямните съоръжения. Те са доминиращи и в некрополите с кремация от Кубано-Черноморската и Донецката група некрополи в ареала на Салтово-маяцката култура. Особено внимание заслужават т.нар. коритообразни ями от Капул Виилор, които се отличават със сравнително големи размери – 0,60-0,80x1,20-1,50 м. Техни относително близки паралели съществуват в Сухая Гомолша и Новопокровка [21, с. 356; 14, с. 162-164; 17, с. 99-108; 22, с. 173]. Но ако в последните два некропола формата на ямите се обяснява с това, че кремацията е извършена на място, в Капул Виилор костите са старателно очистени.

Поради плитката дълбочина на вкопаване в чернозема, границите на ямните гробове с кремация се установяват трудно, а да се определи с категоричност формата им – невъзможно. От тук сравняването по този признак с гробове от ареала на СМК би имало съвсем условен характер.

Разпространението на гробните камери (ед. ч. ящик) е ограничено предимно сред некрополите по черноморското крайбрежие, по-конкретно Девня 1 и 3, Варна, Балчик, Топола, Бдинци и Капул Виилор. От избро-

ените те имат най-висока честота в Девня 1. Тези гробни съоръжения имат кубична или паралелепипедна форма. Д.Ил. Димитров ги дели на същински – с дъно и покритие, и символични – с отсъствие на покривна плоча или стени [23, с. 9]. Авторът изказва становището, че с времето броят на непокритите камери се увеличава и счита, че това е белег за отмирането на един обичай, който първоначално е изисквал покриването на всички гробове [1, с. 84]. В търсенето на аналогии изследователят убедено се спира върху некропол на десния бряг на р. Тетерев в близост до гр. Житомир. От изследваните 11 гроба там обаче, само един – № 4, проявява известно сходство с черноморските камери [24, с. 69, 70].

От ареала на СМК каменни камери са известни от Кубано-Черноморската група некрополи с кремация. В Борисово (в района на гр. Геленджик) тези съоръжения представляват 77, 5 % от гробовете с трупоизгаряне. Подобно на считаните за по-късни от Д.Ил. Димитров, камерите от Борисово нямат дъна, и, освен в редки случаи (гробове №№ 95а и 96) – нямат и покрития. Според В. Саханев това се дължи или на нетрайния материал, от който са изработвани покритията, или на частична грабителска намеса [25, с. 142]. Част от тези съоръжения също са с кубична форма, както известните у нас, а други са с издължени размери. Борисовските камери са изградени единствено от каменни плочи. Близостта на Девня, Варна и Балчик до изоставени антични градове и крепости вероятно обяснява това, че значителна част от гробовете там са направени от преупотребени тухли, или са камнно-тухлени.

В некрополите на СМК урновите гробове имат висок относителен дял в Донецката група. В Сухая Гомолша те са представени с 43, 6 % [16, с. 74]. Планиграфските наблюдения показват, че подобно на Хитово 1 и 2, Фратеци, Истрия и Топола, урновите гробове не образуват самостоятелни участъци. Сходства съществуват и по отношение на съдовете-урни. Както у нас, така и в салтовските некрополи, те са предимно гърнета. В Сухая Гомолша и Маяки обаче гърнетата са предимно подправени на колело, докато сред керамичния инвентар на некрополите по Дунав, съдове, изработени в подобна тех-

нология, няма. От кубанската зона – в Казово 2, урновите гробове са изключение. Там човешките останки също са поставени в гърнета, но малкото и разпокъсано публикуван материал от некропола за съжаление не насочва към по-конкретни заключения [26, с. 158, рис. 46]. Незначителен процент имат урновите гробове в Борисово и Дюрсо. За хранилища на човешки останки в Борисово са ползвани и съдове от пречистена червена глина [25, с. 120; 27, с. 260].

Както беше споменато, поради плитката дълбочина на вкопаване в чернозема, границите на ямните гробове с кремация се установяват трудно. По същата причина за ориентацията на тези гробове се знае малко. Ако ориентацията се определя съобразно издължената ос на ямата, следва да се каже, че приблизително между 70 и 90 % от ямите в Бдинци, Кюлевча, Топола и Балчик имат ориентация север-юг с различни отклонения на запад и изток (достигащи до 40°) [2, с. 89-167; 19, с. 76]. Същата посока, доколкото може да се установи, имат и гробовете в Борисовския некропол [25, с. 142]. И тук се проследяват различни отклонения, като зависимост между тях, даденостите на терена и разположението на гробовете в некропола не може да се констатира. В Донецката група некрополи, и по-конкретно в Сухая Гомолша преобладава западната ориентация със сезонни отклонения, север-юг е доминираща единствено за гробовете от VI-та група [16, с. 160].

Неизменен елемент на обряда при гробовете с кремация на Долен Дунав са животинските останки. Те са негорели и по тази причина може да се мисли, че не са полагани на кладата заедно с човешкото тяло, а в по-късен етап от церемонията. В гробовете преобладават останки от домашни животни. Относителният им дял трудно може да се изчисли, тъй като не всички кости са определени. Но все пак във Варна 1 този показател достига близо 87 %, в Девня 3 – 65,5 %, а в Бдинци – 51,6 % [28, с. 165-170; 13, р. 287]. В много от гробовете са полагани по няколко животни. До урновия гроб № 195 от Топола например са положени останки от птица, говедо, прасе и овца. Зависимост между типа на гробното съоръжение и делът на животинските останки засега не може да се долови. Единствено във Варна 1 животинските кости са преобладаващи, в 69, 5 % от каменно-тухлените камери.

В еднообредните некрополи в ареала на Салтово-Маяцката култура и в биритуалния Красногорски (според достъпните ми данни), животинските останки са рядкост. В Кубано-Черноморската група подобни въобще не са открити. В Донецката група пък животински останки са известни единствено в урновите гробове, а техният относителен дял е едва 0,3 % [16, с. 79, 181, 182].

Етническа интерпретация

Етническата интерпретация на гробовете с кремация в границите на Първото българско царство и СМК е проблематична и всякакви заключения към настоящия момент ще са прибързани.

Некрополите с кремация от Кубано-Черноморската група трудно могат да се свържат с българско население. Те обаче попадат в «кубанските територии на българите», върху които по-късно разпростира властта си Хазарския хаганат [29, с. 117; 4, с. 359]. Гробовете с инхумация от Дюрсо и Молдованка, макар и единични, напълно подкрепят хипотезата, че в периода преди хазарското нашествие българското население съжителства с народи, които показват изключителна пъстрота в характеристиките на своя погребален обред.

В българската литература са изказани много становища за етническата принадлежност на гробовете с кремация в биритуалните некрополи. Както беше споменато предполага се, че обредът на трупоизгарянето е бил практикуван или от някоя група славянско население, или от тюркска, родствена с българите [1, с. 92], или биритуализмът е следствие на смесени бракове между българско и славянско население [2, с. 477]. Не липсват и автори, които насочват вниманието си към сходствата в практикуването на единия и на другия обред, като допускат, че част от гробовете с кремация също са оставени от българско население [19, с. 85; 13, с. 362]. В своята последна монография Р. Рашев основателно посочва, че в долнодунавската област доминира население, което изгаря своите покойници. Според него това са славяните и още една група, която е близка до тях [9, с. 255]. Не могат да се пренебрегнат становищата на М. Даскалов, който пише, че високият дял на гробовете с трупоизгаряне от района на

Одесос (и вобще от черноморската зона – б. а) говори за различен етнически облик на населението в този район [30, с. 150]. **Дали обаче това население е славянско?** Вече посочихме близките сходства в съоръженията на гробовете с кремация, а и на инхумация от черноморското крайбрежие. Тези каменни гробове, камери, или каменно-тухлени саркофази, намират относително близки паралели по Източното Черноморие и никъде другаде в останалата степна зона. Напълно приемливо е и още едно от заключенията на М. Даскалов: «Населението, заселило се в този район (на Варна – б.а), както показват особеностите на погребалния обред, а също и паралелите на накитите, има силно смесен характер» [10, с. 151]. Същият смесен характер има и населението, оставило (действително) еднообредните некрополи с кремация и инхумация в Кавказката зона. Тяхното плътно разположение е резултат на хилядолетно съжителство на народите, които са ги оставили. В периода III–VII в., именно в тази етнокултурна среда, възникват и биритуални некрополи. Независимо, че в тях относителният дял на гробовете с кремация е едва 3%, те показват, че биритуализмът не е изключение за народите на Кавказ [5, с. 189].

Присъствието на не многобройно славянско население, оставило друга част от гробовете с кремация от биритуалните некрополи на Долен Дунав, не може да бъде отречено [30, с. 41–43]. В ареала на Салтово-Маяцката

култура, определянето на славянски погребален обред, и особено предмети, е проблематично. Нови корекции към темата за контактите между салтовското и славянското население внася наскоро излязла публикация на М. Даскалов. Според него контактната зона най-вероятно е разположена по десните притоци на Северски Донец, в южната периферия на Волинцевската култура, където тя влиза «в пряк допир с народите на СМК, сред които и прабългарите» [31, с. 252]. По-чувствителна инвазия на летописните славянски племена, е отбелязана едва след средата на IX в., по северозападната периферия на СМК. Тя се установява предимно чрез появата на някои хибридни, не характерни за салтовския керамичен комплекс, форми, открити в славянски гробни комплекси в близост до съвременния Воронеж [32, с. 131]. Въпреки, че тези контакти на различно салтовско и славянско население са неоспорими, славяно-салтовски биритуален некропол все още не е открит. Все още не е изяснен и проблемът дали кремациите от Дмириевския некропол са синхронни с останалите гробове, дали те не са анахронизъм.

Настоящата статия трудно би могла да изчерпи всички детайли, свързани със сравнителния анализ между некрополите с кремация в границите на Първото българско царство и СМК. Тези редове единствено маркират проблеми, които ще са предмет на следващи работи.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Димитров Д.Ил. Погребалният обред при раннобългарските некрополи във Варненско// Известия на Археологическия институт, 1974. – С. 51–93.
2. Въжарова Ж. Славяни и прабългари (по данни от некрополите VI–XI в. на територията на България). – София, 1976.
3. Гавритухин И.О., Пьянков А.В.. Раннесредневековые древности побережья (IV–IX вв.)// Археология. Крым, Северовосточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII вв. – М., 2003. – С. 187–200.
4. Аксенов В.С. Новые поминальные комплексы воинов-всадников салтовского времени с территории Верхнего Подонечья// Степи Еврпоы в эпоху средневековья. Донецк, 2005. – С. 357–368. – Т. 4.
5. Пьянков А.В.. Новые материалы из могильника Бжид 1 и проблема появления ранних кремаций на Кубани и Черноморье// XX Юбилейные международные „Крупновские чтения“ по археологии Северного Кавказа. – Ставрополь, 1998. – С. 103–105.
6. Пьянков А.В.. К вопросу об абазинском происхождении кремационных погребений III–XIII веков из Кубано-черноморского региона// Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Материалы X международной научной конференции 29 мая–3 июня 2001. – Ростов- на-Дону. – С. 127–130.

7. Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна среднего Дона в VIII-X веках (аланский вариант салтово-маяцкой культуры)// Археологические открытия на новостройках. – М.: Наука, 1987. – Вып. 2.
8. Плетнёва С.А.. Очерки хазарской археологии. – Москва, 2000.
9. Рашев Р. Българската езическа култура VII-IX. – София, 2008.
10. Димитров Д.. Прабългарите по Северното и Западното Черноморие. – Варна, 1987.
11. Даскалов М. Към хронологията на ранносредновековните езически некрополи в Североизточна България и Добруджа. – Добруджа, 1997-1999 – С. 137-155. – Т. 14-16.
12. Георгиев П. Varna historica et protobulgarica// Проблеми на прабългарската история и култура. – София, 2007. – С. 7-36. – Т. 4-2.
13. Fiedler U. Studien zu Grabfelder des 6. Bis.9. Jahrhunderts an der unteren Donau: Band II, Teil 1-2. – Bonn, 1992.
14. Михеев В.К. Сухогомольшанский могильник// Советская археология, 1986. – С. 159-173. – № 3.
15. Аксёнов В.С. Погребальный обряд могильника Сухая Гомолша (к проблеме этнической принадлежности салтовских кремационных захоронений из бассейна Северского Донца)// Проблеми на прабългарската история и култура. – София, 2008. С. 371-402. – Т. 4.
16. Аксёнов В.С., Михеев В.К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухогомольшанский могильник VIII-X вв.// Хазарский альманх. – Харьков, 2006. – Т. 5.
17. Кухаренко Ю.В. О некоторых археологических находках на Харьковщине// Краткие сообщения института истории материальной культуры. – Москва, 1951. – С. 99-108. – Т. XLI.
18. Русева В. Предварителни резултати от антропологичното изследване на костния материал от ранносредновековния некропол при Балчик (материал от разкопките 2004-2008)// В. Григоров, М. Даскалов, Е. Коматарова-Балинова (ред.). EURIKA. In honorem Ludmilae Donchevae-Petkovae. – София, 2009. – С. 199-215.
19. Дончева-Петкова Л. Некрополът при Балчик. Нови данни за прабългарите// Археология, 2009. – С. 77-89. – Т. 1-2.
20. Аксёнов В.С. Салтовские кремационные комплексы с конскими начальниками из бассейна Северского Донца// Хазарский альманах, 2005. – С. 182-198. – Т. 4.
21. Зирра В. Двубрядовый могильник раннефеодальной эпохи в Капул Виилор-Истрия. – Дасия, 1963. – С. 355-412. – Т. VII.
22. Клисуранов К., Коматарова-Балинова Е. Сходства и различия в някои елементи на обряда на трупоизгарянето между некрополите на Салтово-Маяцката култура и биритуалните некрополи на Долен Дунав// EURIKA. In honorem Ludmilae Donchevae-Petkovae. – София, 2009. С. 171-183.
23. Димитров Д.Ил. По въпроса за гробните камери с трупоизгаряне в ранносредновековните некрополи в Североизточна България и Добруджа// Известия на народния музей. – Варна, 1976. – С. 8-18. – Т. 12 (27).
24. Димитров Д.Ил. Некоторые археологические доказательства о связи славян Украины и Нижнего Дуная// Добруджа. – Добрич-Силистра, 2000. – Т. 17-18.
25. Саханев В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911-12 годах// Известия Археологической комиссии, 1914. – Т. 56.
26. Пьянков А. Новый среднвековой могильник у аула Казазово// Древние памятники Кубани. – Краснодар, 1990. – С. 158-165.
27. Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V-IX веков// Археология. Крым, Северовосточное Причерноморие и Закавказье в эпоху Средневековья IV-XIII вв. – М., 2003. – С. 200-206.
28. Иванов Ст. Животински остатъци от ранносредновековни некрополи във Варненско// Известия на Народния музей. – Варна 1976. – С. 159-176. – Т. 12
29. Виноградов В., Нарожный Е., Соков П. Горькобалковский могильник № 2 VIII-X в. (публикация материалов)// Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. – Армавир, 2003. – С. 115-141.
30. Даскалов М. За някои особености на кремацията като погребален обред в Североизточна България и земите по левия бряг на р. Днепър// Българите в Северното Причерноморие. – Велико Търново, 1992. – С. 40-46. – Т. 1.
31. Даскалов М. Елементи на Волинцевската култура в ранносредновековната култура на Североизточна България// Studia Archaeologica, 2003. – С. 252-258.
32. Винников А.З. Контакты донских славян с алано-болгарским миром// Советская археология, 1990. – С. 125-135. – Т. 3.

ПОДКУРГАННОЕ ЯМНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА ОЛЬХОВКА I

Часто бывает, что даже при наличии правильной оценки при введении в научный оборот того или иного памятника, некоторые из них, к сожалению, не сразу получают известность. Одним из таких памятников является курган № 9 курганного могильника Ольховка-I, основные результаты комплексных археологических, антропологических, палеопатологических и палеопочвенных исследований которого были введены в научный оборот еще в 2005-2006 г. [1, с. 65; 2, с. 231, рис. 19, 21, 22; 3, с. 311, 320; 4, с. 339-340; 5, с. 405, 410].

Могильник Ольховка-I располагался на краю высокой надпойменной террасы правого берега р. Иловли в 4,5 км к ЮЗ от с. Гусевка Ольховского р-на Волгоградской области. Бессистемная группа из компактно расположенных 10 курганов, вытянутых по линии СЗ – ЮВ, была полностью исследована летом 2003 г.

Курган №9 располагался в юго-восточной части могильника (Рис. 1, 1). Его высота составляла 0,19 м, диаметр 16 м. Насыпь выделялась едва заметным всхолмлением и незначительной концентрацией камней на поверхности. Сложенная из серого гумусированного суглинка насыпь кургана была пропахана вплоть до материка, слой погребенной почвы мощностью 10-12 см сохранился лишь в центральной части.

После снятия насыпи в восточной части кургана был выявлен сплошной кольцевой ров диаметром 9,5 м. Ширина его местами доходила до 1,7 м, глубина от уровня материка – до 0,7 м. Ровик был полностью прокопан, в нем ничего не обнаружено. На древней поверхности, в пределах окруженной ровом площадки, была выявлена кольцевидная оградка из камней рваного песчаника, от которой сохранилась лишь северная дуга. Максимальная ширина кладки достигала 1,5 м. Южная половина оградки была полностью уничтожена грабительским перекопом, а также врезанной в насыпь кур-

гана печью, сооруженной из разобранных камней оградки предположительно в XIX в. Печь имела в плане прямоугольную форму, длинной осью ориентирована по линии С – Ю. В печи сохранились обломки тонкой железной пластины-заслонки, а среди углей и золы – тонкостенного медного сосуда. С южной стороны печи была вырыта яма со ступенькой, углубленная в материк, вероятно для сидения (Рис. 1, 2).

За пределами кольцевидного ровика на расстоянии 3,1 м к ЮЗ от центра кургана на уровне материка был обнаружен гончарный коричневоглиняный кувшин с плоским дном, цилиндрическим туловом, покатыми плечиками, узким высоким горлом с дуговидной, овальной в сечении ручкой. Место наибольшего расширения тулова приподнято до середины высоты сосуда. Поверхность носит следы вертикального лощения. В верхней части тулова кувшин орнаментирован горизонтальным рядом слабо прочерченных ромбов, заштрихованных внутри сетчатым орнаментом. В пространстве между ними, сверху и снизу помещены слабо заметные отпечатки, нанесенные концом трубочки. Сверху и снизу орнаментальная композиция ограничена неглубокими крутовыми параллельными желобками. Два таких же желобка прочерчены также и по основанию горла. Само горло слабо рифленое. В придонной части прочерчена круговая горизонтальная линия, ниже которой нанесены косые вертикальные насечки. Дно кувшина пробито в древности. На нем видны следы рельефного клейма в виде круга и вписанного в него креста, выполненного небольшими валиками. Высота кувшина 24 см, диаметр дна 16 см, диаметр тулова 19,8 см, диаметр горла 6,4 см, диаметр по венчику 7,4 см (Рис. 1, 3).

Погребение №1 было обнаружено в центре площадки, окруженной каменной оградкой и кольцевым ровиком. К В от 0 над могильной ямой в профиле насыпи, фиксировались

затечные слои грабительского раскопа. К ЮЗ от могилы прослеживался массив материкового выкида из нее, перекрывавший ровик. Последнее позволяет установить, что ровик был сооружен раньше могилы и предназначался для ограждения площадки, выбранной для производства погребальных действий. Могильная яма имела узкую прямоугольную форму, длинной осью ориентированную по линии ВСВ – ЗЮЗ. Верхняя часть стенок повреждена перекопом. Размеры ямы по верху: длина 2,4 м, ширина 1,34 м. Восточная и западная узкие стенки ямы в ее нижней части слегка расширялись. На глубине 2,65 м от древней поверхности вдоль длинных сторон ямы были оставлены ступеньки шириной 0,25 м (северная) и 0,1 м (южная). Длина ямы на уровне ступенек 2,64 м, ширина между ступеньками по дну 0,8 м. Высота ступенек от дна 0,2 м. Общая глубина ямы от 0 – 3,25 м, от уровня древней поверхности 3,0 м (Рис. 1, 5).

В заполнении могильной ямы попадались куски перегнившего дерева от перекрытия и разрозненные кости скелета мужчины монголоида 25-35 лет [1, с. 65, табл. 1]. Позу и ориентировку погребенного установить не удалось (Рис. 1, 5). В заполнении могилы в беспорядке преимущественно в восточной части встречались кости годовалого жеребенка (череп, крестец, десять позвонков, кости передних и задних конечностей вместе с копытами). Скорее всего, в могилу первоначально было помещено «чучело» жеребенка. Вперемежку с костями коня встречались фрагменты черепа, позвонки и кости конечностей годовалого ягненка [4, с. 339-340]. В заполнении могилы в центральной части ямы найден бесформенный фрагмент железного предмета (Рис. 1, 4).

Принадлежность ольховского комплекса к памятникам салтово-маяцкой культуры определяется кувшином, а также особенностями погребальной обрядности.

Лощение поверхности сосудов и специфическая орнаментация являются характерными признаками парадной столовой посуды салтово-маяцкой культуры [6, с. 114-115; 7, с. 73] и определяются свойственными древностям ее аланского этнического компонента [8, с. 103-109; 9, с. 100]. Кувшины с туловом, имеющим ребро немного выше середины высоты, подобные ольховскому, С.А. Плетнева выделила в 4-й тип столо-

вых кувшинов [10, с. 123]. Достаточно часто подобные сосуды встречаются в северско-донецкой лесостепи. Таковые, в частности, были обнаружены в инвентаре аланских катакомб № 23, 81, 110, 114, 151, 154, 170 Дмитриевского могильника [10, с. 124, 127, 129, 131, рис. 68, 71, 73, 75]. В степных районах Подонцовья, на Нижнем Дону и на Волге подобные сосуды редки. Один высокотехнологичный сосуд этого типа был обнаружен в инвентаре болгарского погребения салтово-маяцкой культуры, исследованного И.В. Синицыным в 1941 г. у пос. Усть-Курдюм близ г. Саратова [11, с. 108, рис. 1, 2], другой - в п. 2 кургана 2 могильника Подгорненский-V, исследованного С.А. Науменко в 1988 г. на Нижнем Дону [12, с. 137-141, рис. 504]. По материалам Подонцовья кувшины с соотношением общей высоты сосуда с высотой наибольшего диаметра тулова равным 1 : 0,5 выделены К.И. Красильниковым в вид Н, к которому, собственно говоря, исследователь отнес всего лишь один лепной неорнаментированный кувшин [9, с. 107, 137, рис. 8, 4].

После открытия на Нижнем Дону экспедицией Л.С. Клейна подкурганных захоронений салтово-маяцкой культуры [7, с. 71, 159, рис. 45, 16; 13, с. 132-134; 14, с. 288-289, рис. 3-4], существование в ее структуре погребений под индивидуальными насыпями давно уже признано вполне обычным явлением. Наличие в курганах кольцевых, прямоугольных, квадратно-кольцевых, квадратных, квадратных с дополнительными П-образными пристройками ровиков, чаще всего ограждавших не столько насыпи, сколько выбранные для проведения каких то поминально-погребальных обрядовых действий площадки – еще одна яркая, но также довольно широко распространенная особенность древностей хазарского времени. К сожалению, многолетний опыт их изучения показал, что сооружение курганных насыпей и практика ограждения подкурганных площадок не позволяют рассматривать «курганы с ровиками» в качестве древностей только одной этнографической группы населения Хазарского каганата [15, с. 62]. Использование в погребально-поминальной обрядовой практике камня в наиболее значительном количестве зафиксировано на территории Среднего Поволжья среди древностей т.н. новинковского типа [16; 17], однако камень, хотя и в

значительно меньших объемах применялся также и на Нижнем Дону и в Подонцовье. Сопровождение погребенных останками жертвенных чучел коня и барана – еще одна крайне важная характерная особенность, но и она была достаточно широко распространена в разнотипных степных захоронениях хазарского времени.

Уточнить место ольховского курганного погребения в структуре памятников салтово-маяцкой культуры позволяют конструктивные особенности могильной ямы. Именно по этому признаку И.И. Ляпушкин, в свое время, уверенно разделил салтовские верхнедонецкие (в узком этнокультурном смысле – лесостепные аланские) и зливкинские донецко-донские (степные болгарские) группы археологических памятников салтово-маяцкой культуры [18, с. 106-107]. Именно яма есть простейшая, но достаточно определившаяся форма реализации идеи сокрытия останков умершего путем их погребения, для своего воплощения требовавшая определенных умственных и физических усилий [19, с. 89]. Именно форма ямы, как правило, фиксируется даже при полном разрушении костных останков погребенных и сопровождавших их ритуальных животных. В разработанной И.И. Ляпушкиным системе, конструкция могильной ямы и антропологические характеристики самих погребенных выступили двумя основополагающими признаками, позволившими различать известные на то время погребальные древности носителей традиций салтово-маяцкой культуры. Они же продолжают оставаться ключевыми и в настоящее время.

В степях Подонцовья, Нижнего Дона, Волго-Донского междуречья, Среднего Поволжья, Ергеней и Сарпинской низменности, Кубани и Ставрополя в погребениях хазарского времени могильные конструкции, исключая крайне редкие катакомбы [20, с. 82-93], представлены, в основном, только двумя основными разновидностями – простыми ямами (варианты – ямами с двумя или несколькими ступеньками и торцевыми нишами в узких стенках) и ямами с подбоями в длинных боковых стенах (варианты – со ступенькой во входной яме или без нее) [21, с. 169-188].

Захоронения в подбоях представлены впускными или основными курганными

памятниками, типа собственно погребения из кургана № 11 могильника у Соколовской Балки [7, с. 71, 159, рис. 45, 16; 13, с. 132-134; 14, с. 288-289, рис. 3-4], либо грунтовыми, типа погребения у пос. Ильевки [22, с. 180-186], Багаевского или Верхнебузиновского могильников [23, с. 214-219; 24, с. 59-61].

Ольховское погребение – ямное, типологически оно может быть сопоставлено лишь с захоронениями зливкинского типа салтово-маяцкой культуры. Как известно, представление о простоте и однообразии зливкинского погребального обряда, в настоящее время интенсивно пересматривается. В ходе исследования погребений Зливкинского грунтового могильника, раскопанных в свое время В.А. Городцовым, М.Л. Швецов установил, что ямы целого ряда захоронений в реальной действительности не были однообразно простыми, как их представил В.А. Городцов. М.Л. Швецов обнаружил оставшиеся незафиксированными ступеньки, торцевые ниши, остатки костей жертвенных животных и даже невыбранный погребальный инвентарь. Продолжив исследование могильника, М.Л. Швецов открыл захоронения в круглых и колоковидных ямах, могилы со ступеньками вдоль длинных стен и нишами в коротких, выявил наличие взнузданных шкур коней и мелкого рогатого скота, обнаружил могилы с богатым заупокойным инвентарем [25, с. 53-55; 26, с. 109-123].

Количество открытых в последнее время в Подонцовье, Нижнем Дону и на Нижней Волге ямных грунтовых погребений и могильников зливкинского типа уже перестает поддаваться элементарному учету. Одним из наиболее крупных могильников, без сомнения, является Крымский [27]. Помимо грунтовых нередко случаи обнаружения ямных захоронений, впущенных в уже существующие курганные насыпи: Кировский-IV, 2/11 и 2/13 [28, с. 151-152, 260]; Кривая Лука-XXII, 4/4 [29, с. 92; 30, с. 171, рис. 4, 6]; Ливенцовский-VII, 78/2 [31, с. 140-142]. Но кроме того также хорошо известны и ямные погребения под индивидуальными насыпями: Аглицкий, 112/1 [32, с. 285, 302]; Вертячий, 1/2 [33, с. 23]; Кастырский-V, 10/1, 14/1, 16/1 (34, с. 128-133); Кировский-V, 9/1 [35, с. 137-153]; Криволиманский-IV, 5/1 [36, с. 99-105]; Куцый-XII, 8/1 [37, с. 182-192]; Новосадковский, 12/1 [35, с. 137-153];

Подгорненский-V, 2/2 [12, с. 137-141]; Романовский-I, 1/1 [38, с. 56-64]; Саловский-II, 2/1 и 2/2 [39, с. 17-21]; Терновский-II, 12/1 [40, с. 27-32]; Центральный-IV, 6/1 [41, с. 24-28]; Центральный-VI, 19/1 [38, с. 52-55]. Хотя большая часть из вышеперечисленных погребений сооружена на площадках, огражденных квадратными ровиками, некоторые из них, также, как и ольховский комплекс были окружены небольшими кольцевыми ровиками-оградками (Кастырский-V, 14/1, 16/1).

Насколько грунтовые и курганные ямные погребения зливкинского типа действительно этнокультурно однородны, какова их относительная и абсолютная хронология еще только предстоит выяснить. Однако

рассматривать ямные впускные и основные курганные погребения в качестве варианта подбойных погребений и отделять их от грунтовых [21, с. 185] вряд ли правомерно. Ямные подкурганные и грунтовые погребения имеют одинаковые специфические признаки, например, такие как заплечики и ниши в коротких стенках. Поэтому несомненно, что именно среди этих памятников находит себе место погребение из кургана № 9 могильника Ольховка I. Формированию окончательного представления по данному вопросу, возможно, будут способствовать результаты антропологических исследований. К сожалению, первую попытку такого рода [42] полностью удачной признать пока нельзя [14].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Балабанова М.А. Антропология населения Нижнего Поволжья (кон. V – 1-я пол. IX в.)// Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2005. – С. 55-72. – Т. 4.
2. Сергацков И.В., Скрипкин А.С., Коробкова Е.А., Яворская Л.В. Курганный могильник Ольховка I// Материалы по археологии Волго-Донских степей. – Волгоград, 2006. – С. 223-257. – Вып. 3.
3. Перерва Е.В. Предварительный палеопатологический анализ антропологических материалов, полученных в результате охранных археологических работ в ходе строительства магистрального газопровода Починки – Изобильное// Материалы по археологии Волго-Донских степей. – Волгоград, 2006. – С. 293-336. – Вып. 3.
4. Яворская Л.В. Остеологические материалы из раскопок могильников по трассе газопровода Починки – Изобильное// Материалы по археологии Волго-Донских степей. – Волгоград, 2006. – С. 337-341. – Вып. 3.
5. Борисов А.В., Демкин В.А., Ельцов М.В. Палеопочвенные исследования курганных могильников Ольховка I и Гусевка II// Материалы по археологии Волго-Донских степей. – Волгоград, 2006. – С. 399-421. – Вып. 3.
6. Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967. 198с.
7. Плетнева С.А. Салтово-Маяцкая культура// Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981. – С. 75-80, 213-222.
8. Флёров В.С. О хронологии салтово-маяцкой культуры// Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону, 1983. – С. 103-109.
9. Красильников К.И. Лощеная керамика из степного массива салтово-маяцкой культуры (типология, технология, орнаментика, клейма)// Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2009. – С. 99-152. – Т. 7.
10. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – М., 1989.
11. Максимов Е.К. Находка раннеболгарских погребений близ Саратова// Из истории ранних булгар. – Казань, 1983. – С. 108-110.
12. Науменко С.А. Отчет об исследованиях в зоне строительства Цимлянской оросительной системы в 1988 г.// Архив ИА РАН. – Р-1. – №№ 12885, 12886, 12887.
13. Клейн Л.С., Раев Б.А., Семенов А.И., Субботин А.В. Катакомба скифского времени и салтовский курган на Дону// АО. – 1971 г. – М., 1972. – С. 132-134.
14. Круглов Е.В. Заметки на полях некоторых статей по антропологии в свете проблем археологии хазарского времени// НАВ. – Волгоград, 2006. – С. 257-301. – Вып. 8.
15. Круглов Е.В. О «курганах с ровиками», погребениях типа «Соколовской балки» и некоторых иных древностях хазарского времени// Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э.

- Тезисы докладов IV-й Международной археологической конференции 17-21 ноября 2008 г. – Самара, 2008. – С. 62-67.
16. Матвеева Г.И. Могилиники ранних болгар на Самарской луке. – Самара, 1997.
 17. Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге. – Самара, 1998.
 18. Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона// МИА. – М.-Л., 1958. – С. 85-150. – Т. 62.
 19. Ольховский В.С. Погребальная обрядность (содержание и структура)// РА. – 1993. – С. 78-93. – № 1.
 20. Болтрик Ю.В., Комар А.В. Хазарский курган на правом берегу р. Молочной// Днепро-Донское междуречье в эпоху раннего средневековья. – Воронеж, 2005. – С. 82-93.
 21. Флёрова В.Е. Проблемы исследования ямных и курганных могилиников хазарского времени на Нижнем Дону// Хазарский альманах. – Харьков, 2002. – С. 169-188. – Т. 1.
 22. Круглов Е.В. Погребение хазарского времени у с. Ильевка// Хазарский альманах. – К.-Харьков-М., 2004. – С. 180-186. – Т. 2.
 23. Братченко С.Н., Швецов М.Л. Средневековый могилиник у станицы Багаевской// СА. – 1984. – С. 214-219. – № 3.
 24. Дьяченко А.Н., Кригер В.А. Отчет о раскопках курганов и грунтового могилиника в Клетском районе Волгоградской области в 1990 г.// Архив ВОКМ.
 25. Швецов М.Л., 1989. Средневековые бескурганные могилиники на территории Донбасса// Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. – Донецк. – С. 53-55.
 26. Швецов М.Л. Могилиник «Зливки»// Проблеми на прабългарската история и култура. – София, 1991. – С. 109-123. – Т. 1.
 27. Савченко Е.И. Крымский могилиник// Археологические открытия на новостройках. – М., 1986. – С. 70-101. – Вып. 1.
 28. Ильюков Л.С., Кляшторный С.Г. Руническое граффито из раннесредневекового кочевнического погребения в долине р. Сал// Ономастика и эпиграфика средневековой Восточной Европы и Византии. – М., 1993. – С. 151-163, 260-263.
 29. Федоров-Давыдов Г.А. Погребения хазарского времени из кургана "Кривая Лука" в Нижнем Поволжье// Проблемы хронологии степей Евразии. – Кемерово, 1984. – С. 80-94.
 30. Круглов Е.В. О подкурганных захоронениях калмыцко-астраханских степей хазарского времени// Вопросы археологии юга Восточной Европы. – Элиста, 1990. – С. 159-171.
 31. Ильюков Л.С. Отчет об исследовании курганного могилиника Ливенцовский-VII в 1994 г.// Архив ИА РАН. – Р-1. – № № 18374-18376.
 32. Потапов В.В. Раскопки курганов в зонах реконструкции и строительства магистральных газопроводов// Аксайские древности. – Ростов-на-Дону, 2002. – С. 271-305.
 33. Мамонтов В.И. Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР, Волгоградского отделения ВООПИК и археологического отряда ВГПИ в 1978 г.// Архив ВОКМ. – Д. № 37.
 34. Житников В.Г. Отчет о работе в зоне строительства Константиновской оросительной системы в 1986 г.// Архив ИА РАН. – Р-1. – № 11373, а.
 35. Власкин М.В., Ильюков Л.С. Раннесредневековые курганы с ровиками в междуречье Сала и Маныча// СА. – 1990. – С. 137-153. – № 1.
 36. Савченко Е.И. Отчет об исследовании археологических памятников в зоне строительства Мартыновской оросительной системы в 1981 г.// Архив ИА РАН. – Р-1. – № 8763, а, б.
 37. Яценко В.В. Подкурганное захоронение VIII-IX вв. у г. Пролетарска// Средневековые древности Дона. Материалы и исследования по археологии Дона. – М. – Иерусалим, 2007. – С. 182-192. – Т. 2.
 38. Копылов В.П. Отчет о работе Донского отряда Ростовской экспедиции в 1979 г.// Архив ИА РАН. – Р-1. – № 7831, а.
 39. Парусимов И.Н. Раскопки курганов в Зимовниковском районе// Труды Новочеркасской археологической экспедиции. – Новочеркасск, 1998. – С. 4-43. – Вып. 3.
 40. Науменко С.А. Отчет об исследовании археологических памятников в зоне строительства Донской оросительной системы в 1983 г.// Архив ИА РАН. – Р-1. – № 9876, а.
 41. Копылов В.П., Житников В.Г., Науменко С.А. Отчет о работе Донского отряда Донской экспедиции в 1976 г. Отчет Донской экспедиции за 1976 г. Т. 1// Архив ИА РАН. – Р-1. – № 7283, а.
 42. Батиева Е.Ф. Антропология населения Нижнего Подонья в хазарское время// Донская Археология. – 2002. – Ростов-на-Дону, 2005. – С. 71-101. – № 3-4.

ТРИЗНЫ В КУЛЬТУРНОМ СЛОЕ САЛТОВСКИХ КАТАКОМБНЫХ МОГИЛЬНИКОВ

Салтово-маяцкая культура (далее – СМК) сер. VIII-X вв. характеризуется наличием нескольких типов погребальной обрядности. Один из них – катакомбный – традиционно соотносится с аланским населением, чему не противоречат и данные антропологии. Однако катакомбные могильники неодинаковы: существуют различия в погребальном обряде, объясняющиеся исследователями различиями в верованиях [1, с. 88]. К одному из таких расхождений относят количество тризн, обнаруживаемых на глубине 0,3 – 0,6 м от современной поверхности в виде крупных фрагментов и развалов сосудов, иногда дополняемых костями животных. На некоторых памятниках количество тризн равняется приблизительно половине числа исследованных катакомб (Дмитриевский могильник), на других – пятой части (Маяцкий). Верхне-Салтовский комплекс катакомбных могильников характеризуется значительно меньшими показателями [2, с. 198].

На сегодняшний день в лесостепной зоне Восточной Европы (на территории, определяемой салтоведами как «лесостепной вариант СМК») известно 9 катакомбных могильников или групп могильников. В бассейне Северского Донца и его притоков это такие памятники, как Старо-Салтовский могильник, Верхне-Салтовские 4 могильника, Рубежанский и Дмитриевский некрополи (здесь и дальше перечисление идёт с юга на север, а не в порядке открытия или количества исследованных погребений). В бассейне Оскола – Подгоровский, Нижне-Лубянский и Ютановский, а также Афоньевский могильники. Наконец, у впадения Тихой Сосны в Дон расположен Маяцкий могильник (в трудах исследователей Маяцкий могильник и погребения, совершённые на Маяцком селище, характеризуются как разные памятники [3, с. 142]).

Исследование перечисленных памятников началось 110 лет назад – с момента открытия эпонимного Верхне-Салтовского могильника (далее – ВСМ) в 1900 г. Однако к нынешнему дню указанные некрополи исследованы неодинаково, а значительная часть материалов не опубликована.

В данной работе в первую очередь анализируются материалы Верхне-Салтовских III-го и IV-го могильников (далее – III-го и IV-го ВСМ), а также Дмитриевского и Маяцкого, лучше прочих освещённых в научной литературе. Культурный слой Старо-Салтовского могильника был уничтожен в советское время при земляных работах [4, с. 137], на Рубежанском раскопки также носили охранный характер и не проводились большими площадями [5, с. 162; 6].

На Дмитриевском могильнике в период с 1957 по 1973 гг. С.А. Плетнёвой было исследовано 175 погребальных комплексов (катакомбы составляли большинство; грунтовых ям насчитывалось только 9) и 78 тризн [7, с. 252, рис. 76–79]. В 2004 г. при охранных работах под руководством В.А. Сарапулкина были исследованы ещё 12 катакомб и 7 тризн.

На материалах памятника С.А. Плетнёва выделила три группы тризн в зависимости от их состава (керамика – кости – смешанные), причём сами остатки тризн, находимые археологами, исследовательницей трактовались как «сосуды с пищей и питьём и часть костей животных, съеденных во время поминок» [7, с. 253].

Классификацию тризн, разработанную С.А. Плетнёвой, применил для Маяцкого могильника В.С. Флёров. По его подсчётам, на этом памятнике тризн было в 5-6 раз меньше, чем катакомб: за 7 лет были исследованы 133 погребальных комплекса (120 катакомб и 13 грунтовых погребений), а также 24 тризны – к первому типу отнесены 22 из них, ко второму – только 2 [8,

с. 64]. Материалы этих раскопок освещены в ряде публикаций [3; 9], причем в последней по времени работе тризнам уделена целая глава монографии [8, с. 64–70, табл. 22, рис. 63–65]. Тщательные стратиграфические наблюдения позволили В.С. Флёрову определить место тризн в погребальном обряде: по мнению исследователя, тризны как поминальные трапезы совершались в самом конце погребально-поминального цикла – в основном, до повторного проникновения, производимого с целью ритуального разрушения скелетов, хотя выделяются и совершённые после него [3, с. 193; 8, с. 68, 69]. На материалах могильника В.С. Флеровым выделяется также обряд «кормления» духа умершего – в виде сожжения или положения в дромос при ритуальном разрушении скелетов какой-то пищи. От нее в дромосе (во вторичном заполнении) оставались отдельные кости, древесные угли и мелкие черепки [3, с. 189], причем исследователь особо отмечал, что такие находки «связаны либо с границей двух основных частей заполнения [дромоса], либо с её верхней частью» [3, с. 181]. Тризны около катакомб сопровождали преимущественно мужские погребения, а группы тризн, вынесенные вдаль от катакомб, увязываются исследователем с группами катакомб на родовых участках, что объясняет отсутствие комплексов около каждой катакомбы [8, с. 67, 68].

Наконец, стоит остановиться на тризнах Верхне-Салтовского комплекса. Несмотря на длительную историю исследования некрополей (в разные годы в окрестностях с. Верхний Салтов раскапывались 4 катакомбных могильника), первые тризны тут были выделены только в 1997 г. [10, с. 22]. При том, что общее число исследованных катакомб Верхне-Салтовского комплекса составляет несколько сотен, тризн тут выявлено всего 6: тризны «А», «Б» и «В» на окраине III-го ВСМ [10, с. 22, 23], кувшин в культурном слое у катакомбы 18 IV-го ВСМ [11, с. 214, рис. 3, 4], тризны 1 и 2 того же IV-го могильника [12, с. 250, рис. 2, 3; 13, с. 146, рис. 2, 2]. Верхне-Салтовские тризны, по классификации С.А. Плетнёвой, относятся к типам 1 и 3, т. е. представлены керамикой – и керамикой с костями домашних животных. Подавляющее большинство тризн (5 из 6 случаев) относятся к типу 1. Столовых сосудов больше,

чем кухонных: 3 – в тризне «А» (рис. 1, 1–3), 2 – в тризне «Б» (рис. 1, 8, 9), по одному в тризне 2 (рис. 2, 3) и у катакомбы 18 (рис. 2, 1). В то же время, к кухонным сосудам относятся только тризна «Б», где найдены крупные фрагменты 4 сосудов (рис. 1, 4–7) и тризна 1 – половина 1 горшка (рис. 2, 2). Кувшинчик (кружку), найденную у катакомбы 18 IV-го ВСМ, автор раскопок тризной не называл [11, с. 214, рис. 3, 4]. Тем не менее, по ряду формальных признаков этот сосуд может быть отнесён к рассматриваемой группе: он найден в культурном слое на глубине 0,6 м от современной поверхности, над пятном хода повторного проникновения.

Малое число тризн, на первый взгляд, выделяет Верхне-Салтовские могильники из ряда других однотипных памятников того времени. Однако, стоит помнить, что методика исследования верхне-салтовских катакомб и традиции фиксации материала, характерные для начала – середины XX в., не предполагали исследований сплошной площадью и нанесения на общий план всех фрагментов керамики и костей животных [1, с. 88]. Исследование преимущественно центральных участков некрополей также искажало пропорции количества катакомб и тризн, зачастую тяготевших к окраинам могильников. Эту ситуацию хорошо иллюстрируют работы 1997 г. на III-м ВСМ, когда в небольшом раскопе площадью 65 м² были обнаружены заготовка дромоса, а также ограничивавший могильник ровик и 3 тризны возле него (Рис. 3) [14, л. 16, 17, табл. XLIII]¹⁾. Заготовка дромоса и тризна 1 маркировали собой южную оконечность IV-го ВСМ. Не исключено, что планомерные работы в этом районе могли бы значительно увеличить число подобных комплексов. Однако особенности грунта и растительного покрова на этом участке не позволяют разбивать раскопы большими площадями.

Случаи выявления тризн непосредственно у дромосов катакомб на Верхне-Салтовских могильниках действительно единичны. Тем не менее, они показательны для решения некоторых вопросов, касающихся функционирования могильников.

1) Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность В.В. Колоде за разрешение использовать неопубликованные материалы

Так, тризна 2 (смешанного типа: лощёный горшок найден вместе с костями крупного рогатого скота [12, с. 250]) представляла собой разбитый сосуд, от которого на месте обнаружения сохранились $\frac{3}{4}$ фрагментов. Тризна сопровождала катакомбу 93 IV-го ВСМ и располагалась в 1,5 м к югу от начальной части дромоса (Рис. 4). Несмотря на то, что тризна была выявлена всего в 1 м от начальной части дромоса катакомбы 92, связана она была всё-таки с катакомбой 93. В начальной (не потревоженной перекопом) части дромоса катакомбы 92 был обнаружен один из фрагментов сосуда тризны. Попасть туда он мог только при строительстве катакомбы (парное погребение в камере катакомбы 92 было совершено одновременно или с незначительным временным промежутком: и мужчина, и женщина лежали на одном уровне пола). А это свидетельствует, что на момент строительства катакомбы 92

тризна 2 уже существовала: при таких значительных земляных работах, как выкапывание дромоса и камеры, сосуд тризны был непреднамеренно (?) разбит, и один из черепков попал в засыпку дромоса сразу после совершения погребения.

Реконструированный порядок показывает, что катакомбы в ряду устраивались поочерёдно, в направлении с севера на юг. Этому выводу не противоречат материалы другого погребального комплекса, расположенного рядом с тризной 2. В заполнении нетронутой части дромоса катакомбы 99 и хода повторного проникновения неоднократно встречались кости и фрагменты керамики, принадлежавшие четырём сосудам: сероглиняной столовой корчаге (5 фрагментов стенок, придонной части, венчика), кухонному горшку (4 фрагмента), двум разным чернолощенным столовым сосудам (по 1 фрагменту стенок).

	Глубина нахождения фрагментов сосудов в дромосе катакомбы 99 IV-го ВСМ	
	начальная часть дромоса	ход повторного проникновения
Столовый чернолощенный сосуд	1 фр-т стенки – 0,2 м*	
Столовый лощеный сероглиняный горшок (двуручная корчага?)	1 фр-т венчика – 1,0 м	
	3 фр-та стенок – 0,4 м, 1,3 м, 1,6 м	
	1 фр-т придонной части – 1,2 м	
Кухонный горшок	1 фр-т венчика – 1,45 м	1 фр-т стенки и 1 фр-т донца – 3,3 м
	1 фр-т донца – 1,2 м	
Столовый чернолощенный сосуд с орнаментом в виде редких вертикально пролощенных полос	1 фр-т стенки – 2,75 м	

Табл. 1. Распределение фрагментов керамики, найденных в дромосе катакомбы 99

* Глубины указаны от современной дневной поверхности

Ещё до фиксации пятна дромоса в кв. 34'/М' на глубине 0,2 м от современной поверхности был найден фрагмент стенки столового чернолощеного сосуда. Отмеченный фрагмент маркировал собой начальную (западную) часть дромоса, не тронутую ходом повторного проникновения в камеру. В этой же части дромоса на разных глубинах встречались обломки других раннесредневековых сосудов. На уровне 0,4 м от современной поверхности в квадрате 35'/М' найден фрагмент стенки сероглиня-

ного столового сосуда с вертикально пролощенными линиями по тулову (Рис. 5, 4). На глубине 1,2 м от современной поверхности в начальной части дромоса выявлен небольшой обломок донца кухонного салтовского горшка (Рис. 5, 9) и фрагмент придонной части сероглиняного столового сосуда, описанного выше (Рис. 5, 5). Небольшие обломки этого же сосуда встречались в начальной части дромоса неоднократно: на уровне 1,0 м от современной поверхности – фрагмент венчика: короткого, сред-

неотогнутого (Рис. 5, 1); на глибині 1,3 м от поверхні – фрагмент стінки с рідкими пролощеними лініями і многорядної волної, оставленої зубчатим штампом в місці найбільшого розширення (Рис. 5, 2). На глибині 1,6 м от сучасної денної поверхні був зустрічений ще один обломок стінки (Рис. 5, 3). Сосуди такого типу хорошо известны в древностях салтовской культуры как двуручные корчаги, иначе называемые столовыми двуручными горшками (до находки ручек правильнее трактовать фрагменты как обломки лощеного столового горшка, хотя находки таких горшков более редки, чем корчаги). На уровне 1,45 м от поверхности в начальной части дромоса был зафиксирован небольшой фрагмент венчика кухонного салтовского горшка (Рис. 5, 6). Венчик уплощенный, косо срезанный – по образовавшейся площадке заостренной палочкой нанесены косые насечки. При расчистке второй ступеньки (1,5 м от современной поверхности) найден крупный обломок кости крупного рогатого скота. Чуть выше него найден мелкий обломок кости животного со следами резки. Возле предпоследней (шестой) ступеньки – на глубине 2,75 м от современной дневной поверхности найден еще один обломок кости животного: ребра. В этом же районе зафиксирован фрагмент стінки чернолощеного столового сосуда с орнаментом в виде редких пролощенных полос (Рис. 5, 10).

В ходе повторного проникновения в камеру находок керамики и костей было значительно меньше, а те, что были, попали в ход из культурного слоя могильника. Так, около арочного входа, на глубине 3,3 м от современной поверхности (за 0,3 м до дна дромоса) найдены два фрагмента кухонного горшка: стінки и донца (Рис. 5, 7–8). Обломки принадлежали одному сосуду и были украшены линейным врезным орнаментом. Важно, что по составу теста и оформлению поверхности фрагменты идентичны обломку дна горшка, найденному на глубине 1,2 м от поверхности в нетронутой части дромоса. Венчик, выявленный на глубине 1,45 м от поверхности, тоже относится к этому сосуду. Таким образом, обломки керамики, выявленные в ходе повторного проникновения, попали в этот ход

или из культурного слоя могильника, или из переотложенного при повторном проникновении заполнения дромоса. В первичное заполнение фрагменты попадали из разрушенных более ранних тризн, что противоречит выводу В.С. Флёрова о культовом предназначении таких фрагментов. Показательно, что фрагменты кружки, найденные в заполнении хода повторного проникновения и рядом с дромосом катакомбы 112 Маяцкого могильника, трактовались В.С. Флёровым как свидетельства особого обряда (совершаемого одновременно с повторным проникновением) и дали возможность говорить об особой типохронологической группе тризн [8, с. 49, 69].

Расположение тризны к северу от дромоса катакомбы 99, на ещё не исследованной площади IV-го ВСМ, может подтвердить вывод о постепенном распространении катакомб с севера на юг, вдоль восточного края Нетечинского оврага. Стоит указать, что южнее описанных катакомб 93 и 92 ряд продолжает только катакомба 100, в качестве заклада в которой был использован жернов. Эта черта погребального обряда хорошо известна в этнографии осетин [15, с. 86] и соотносится с пресечением рода – жернов клался на могилу последнего представителя семьи или рода. В таком случае продолжение ряда катакомб было как будто бы уделом семьи, и чем севернее в ряду расположена катакомба, тем более ранней она должна быть.

Исходя из постулата, что тризны попадали в культурный слой вскоре после совершения погребений, не до конца ясно, каким образом при постепенном расширении могильника тризны группировались на его окраинах. Возможно, древняя площадь IV-го ВСМ представляла собой природное урочище, границы которого были определены задолго до того, как катакомбы подошли к этим границам. Только наличием каких-то загодя определённых, хорошо видимых, границ можно объяснить подобное расположение тризн: на окраинах могильников. На III-м ВСМ край маркировался специально выкопанным ровиком [14, л. 16–17, табл. XLIII; 10, с. 22–23], для IV-го ВСМ, возможно, использовался участок, покрытый лесом. Наличием леса (при условии запрета вырубki деревьев) и стремлением макси-

мально использовать площадь могильника можно объяснить факт наличия в одном ряду различно ориентированных дромосов – иногда даже у соседних катакомб. На окраине урочища могли совершаться иноэтнические (инокультурные) погребения и некоторые тризны, что и прослеживается на южной оконечности IV-го ВСМ. Хорошо видимая граница леса могла делать наличие ограждающего ровика необязательным, хотя не исключено, что на IV-м ВСМ он просто не найден. Подзолистость почвы также свидетельствует о существовании леса на этом участке, хотя на характер растительности во время совершения погребений она указывает только косвенно – лес мог занять площадку некрополя уже после исчезновения салтовского населения. «Священные рощи» и деревья известны по этнографической литературе и связаны с различными кавказскими народами, в том числе и с осетинами [16, с. 179, 182]. Стоит также отметить, что священный дуб упоминается в житии св. Кирилла в связи с его поездкой к хазарам – в эпизоде с возвращением из Хазарии, где св. Кирилл уговорил фульский народ срубить такой дуб [17, с. 85, 86]. Тем не менее, нет прямых свидетельств о совпадении территории рощ и могильников.

По-разному решали исследователи вопрос о предназначении тризн. Если С.А. Плетнёва, как уже указывалось, трактовала остатки тризн как следы поминальных трапез [7, с. 251, 252], то В.С. Флёров относился к проблеме гораздо осторожнее, отмечая, что разные типы тризн были оставлены разными обрядами [3, с. 195], а следы ритуала «кормления» в итоговом подсчете тризн исследователем не учитывались, что повлияло на нумерацию комплексов [3, с. 189, табл. 15].

Обращение к этнографической литературе даёт очень интересные результаты. Так, в обряде посвящения коня покойнику, проанализированном Б.А. Калоевым, присутствовал момент, когда сосуд с ритуальным питьём разбивался о подкову правой передней ноги посвящаемого коня. Исследователь особо указывает, что осколки бросались в склеп, и археологические находки фрагментов керамики на средневековых могильниках им связываются именно с таким обрядом

[15, с. 80, прим. 41]. Разумеется, помещение сосудов в ямки, выкопанные в культурном слое катакомбных некрополей СМК, имеет в большинстве случаев другую природу, хотя не исключено, что отмеченный обряд существовал и в раннем средневековье.

Для осетин было характерно широкое распространение поминальных обрядов. Их роль была в «снабжении» умерших пищей, что происходило двумя различными путями. Первый способ подразумевал проведение в доме семьи умершего богатейших трапез, иногда разорявших целые семейства: по наблюдениям 1880-х гг. осетины в течение года устраивали 12 больших и малых поминок, на что суммарно тратили более 2000 рублей [15, с. 92]. Особенно большие по масштабам поминки производились в годовщину смерти [18, с. 382]. Один из обрядов – лауызгæнæн – требовал изготовления специального чучела, одевавшегося в одежду умершего. Перед ним ставились еда и питьё, чтобы умерший «наелся». Во время поминок вся благодать от съеденного и выпитого шла мёртвым, а наутро (обряд производился ночью) покойник, олицетворяемый чучелом, уходил и «забирал» с собой специально приготовленные для него припасы [19, с. 132, 133]. Археологически такие действия никак не могут быть прослежены – обряд проводился не на могильнике, в отличие от второго пути «снабжения» мёртвых пищей. С покойником, по свидетельству очевидцев 1850-х – 70-х гг., клали, кроме личных вещей, еду и питьё, запасы которых могли пополняться и в дальнейшем: пища подавалась покойному через окошко в склепе или просто оставлялась на могиле [18, с. 380]. Именно такой обряд «кормления» и прослеживается на раннесредневековых катакомбных могильниках СМК. Безусловно, находки тризн являются отображением не поминальных трапез, но специальных подношений. И этот вывод отчасти решает проблему частой «некомплектности» сосудов, находимых в камерах катакомб и в тризнах. Очевидно, что повреждённые сосуды (кувшины с отбитыми носиками или ручками, дефектные – треснувшие – кружки, крупные фрагменты сосудов вместо самих сосудов) скорее символизировали приношения, чем являлись таковыми. Неясно, какие

соображения заставляли салтовское население использовать такие сосуды: принцип «pars pro toto» или вера в то, что сломанная вещь в «том» мире станет целой, – однако последствия такой веры отображены на всех катакомбных могильниках СМК. Наличие только части фрагментов сосудов и их некомплектность характерны и для Маяцкого могильника [3, с. 191–193], и для Дмитриевского [7, рис. 76–79], для III-го ВСМ [10, с. 23] и для IV-го [20, с. 28; 12, с. 250, 251, рис. 2, 1, 3; 13, с. 146, 147, рис. 2, 2].

К решению вопроса о причинах различного количества тризн на разных катакомбных могильниках вплотную подошла С.А. Плетнёва, отметившая, что в камерах дмитриевских катакомб отсутствует сопровождающая мясная пища (кости животных), хотя в салтовских погребениях она сопровождала почти каждую катакомбу. В то же время, в Салтове не было тризн, широко распространённых в Дмитриевке [1, с. 88]. Таким образом, можно выдвинуть гипотезу, что тризны и напутственная пища в камерах являлись взаимозаменяемыми элементами, отображающими один обряд: кормления мертвых.

Интересное наблюдение касается номенклатуры сосудов, использованных при совершении обрядов Дмитриевского могильника. Некоторые типы сосудов (лощёные горшки, корчаги, парадные пифосы и трёхручные кувшины-гидрии) встречались почти исключительно в тризнах [7, с. 136–138]. Отличие сосудов, попавших в тризны, от сосудов, сопровождавших погребённых в камерах, косвенно указывает на ещё один обряд, отличный от уже рассмотренных. Тризны третьего типа как на Дмитриевском могильнике, так и на IV-м ВСМ, иногда сопровождалась сосудами славянского облика: пастырского и волынцевского [21, с. 91, рис. 7, а; 7, с. 136; 12, с. 250, рис. 2, 3; 22, с. 114]. Сосуд славянского вида встречен и на Маяцком могильнике – и тоже в тризне [8, с. 66, рис. 64]. Также тризны этой группы

имеют другой состав мясной пищи: если в группе тризн без керамики кости крупного рогатого скота составляют только 23% случаев, то в третьей группе – 50% [7, с. 253–254, табл. 62–63].

Иные предпочтения в еде, а также отличия в посуде, содержащей эту еду, маркируют другую культурную традицию, представленную тризнами (по крайней мере, некоторыми) третьего типа. Связь со славянским населением, прослеживающаяся по материальной культуре (форма и орнаментация сосудов), подтверждается распространением в круге раннесредневековых славянских культур погребений, сопровождаемых мясной пищей. Таких погребений, в зависимости от культуры, насчитывалось от 7 до 30% [23, с. 19]. Возможно, за тризнами третьего типа стоит иной, неаланский, обряд, корни которого следует искать в воззрениях славян. Интересно, что – наряду со славянскими горшками – в третьем типе тризн Дмитриевского могильника встречались также столовые двуручные корчаги и парадные пифосы, традиционно относимые к салтовскому керамическому комплексу, однако близкие по форме к славянским сосудам. Очевидно, их появление в этой группе неслучайно, однако неясно, как следует трактовать этот факт.

Таким образом, тризны, более или менее распространённые на катакомбных памятниках, являются остатками обряда кормления мертвых и действительно отображают один из этапов аланского поминального обряда. Наличие, по крайней мере, в части комплексов славянских сосудов позволяет говорить о проникновении в аланские общины славянского населения, принесшего с собой свои обряды и проводившего их на катакомбных могильниках. Количеством такого населения, инфильтрованного в салтовскую среду, определялась распространённость тризн смешанного типа. На памятниках, где тризны получили малое распространение, их отсутствие объясняется тем, что аналогичную роль играла напутственная мясная пища, помещаемая в камеры.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Плетнёва С.А. От кочевий к городам// МИА. – М., 1967. – Вып. 142.
2. Лаптев А.А. Культурный слой катакомбных могильников// Каразінські читання (історичні науки): тези доповідей 63-ї міжнар. наук. конф. 23 квітня 2010 р. – Харків, 2010.
3. Флёров В.С. Маяцкий могильник// Маяцкое городище: труды сов.-болг.-венг. экспедиции. – М., 1984.
4. Аксёнов В.С. Старосалтовский могильник// Vita antiqua. – К., 1999. – Вып. 2.
5. Аксёнов В.С. Исследование салтовского могильника у с. Рубежное на Харьковщине// Древности. – Харьков, 1996.
6. Аксёнов В.С. Рубежанский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры на Северском Донце// Донская археология. – 2001. – № 1 – 2.
7. Плетнёва С.А. На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. – М., 1989.
8. Флёров В.С. Погребальные обряды на севере Хазарского каганата// Материалы и проблемные исследования по древней и средневековой археологии юга Восточной Европы. – Волгоград, 1993. – Вып. 1.
9. Флёров В.С. Маяцкий могильник (раскопки 1979 года)// Маяцкий археологический комплекс: материалы Сов. – болг. – венг. экспедиции. – М., 1990.
10. Колода В.В. Исследования 1997 г. в Верхнем Салтове// Археологічні відкриття в Україні 1997. – 1998 рр. – К., 1998.
11. Колода В.В. Новые исследования катакомбных погребений близ села Верхний Салтов// Хазарский альманах. – К. – Харьков, 2004. – Т. 3.
12. Аксёнов В.С., Лаптев А.А. К вопросу о славяно-салтовских контактах (на примере катакомбы № 93 могильника у с. Верхний Салтов)// Древности. – Харьков, 2009. – Вып. 8.
13. Лаптев А.А. Тризны Верхне-Салтовского комплекса// Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи: матеріали IX міжнар. студ. наук. археологічн. конф. (16 – 18 квітня 2010 р). – Чернівці, 2010.
14. Колода В.В. Отчёт об археологических исследованиях Верхнесалтовского селища Средневековой экспедицией Харьковского госпедуниверситета в 1997 г.// НА ИА НАНУ. – 1997/85.
15. Калоев Б.А. Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII – начале XX вв.// Кавказский этнографический сборник. – М., 1984. – Т. VIII.
16. Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М., 1981.
17. Сказания о начале славянской письменности. – М., 1981.
18. Магомедов А.Х. Культура и быт осетинского народа: историко-этнографическое исследование. – Орджоникидзе, 1968.
19. Чибиров Л.А. Народный земледельческий календарь осетин. – Цхинвали, 1976.
20. Аксёнов В.С. Нові поховання Верхньо-Салтівського могильника// Харьковский археологический сборник. – Харьков, 2007. – Вып. 2.
21. Плетнёва С.А. О связях алано-болгарских племён со славянами в VIII-IX вв.// Советская археология. – 1962. – № 2.
22. Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-хронологический аспект// Раннесредневековый мир: Археология славян и их соседей. – М., 1996. – Вып. 3.
23. Аксёнов В.С. Об этнической неоднородности кремаций VIII – первой половины X вв. Подонцовья (по материалам Сухогомольшанского могильника салтовской культуры)// Хазарский альманах. – К. – Харьков, 2004. – Т. 3.



РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА МАЛАЯ РЯЗАНЬ I В 2009–2010 ГГ. И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ НОВИНКОВСКОГО ТИПА НА САМАРСКОЙ ЛУКЕ

Могильник Малая Рязань I расположен на территории муниципального района Ставропольский Самарской области, на высоком правом берегу р. Волга в 1,2 км к востоку от с. Малая Рязань и в 3 км к запад-северо-западу от с. Брусяны, к югу от асфальтированной дороги с. Большая Рязань – с. Брусяны (Рис. 1). Памятник был открыт в 1990 г. А.В. Богачевым и С.Э. Зубовым [4, с.205]. Площадка могильника задернована, частично занята заброшенным яблоневым садом.

На момент обнаружения на основной площадке памятника было зафиксировано 9 курганных насыпей (Рис. 2). Позже, приблизительно в 400 м к северу от них были найдены еще две насыпи, получившие номера 10 и 11. В 1990 г. были раскопаны курганы №№ 1-5, в 1995-1996 г. – курганы №№ 6, 7, 10 [4, с. 205-209¹⁾]. Насыпи всех исследованных курганов были сложены из рваного известнякового камня, что составляет один из отличительных признаков погребальных памятников так называемого новинковского типа Самарской Луки. Кроме того, помимо курганов, при раскопках 1995-1996 гг. были выявлены находившиеся между насыпями № 6 и № 7 грунтовые погребения, также перекрытые каменными кладками.

При возобновлении исследований в 2009-2010 гг. объектом изучения был выбран участок в северной части могильника, «охватывающий» с запада, севера и востока раскоп 1995 г. с курганом № 6. Целью работ являлась проверка гипотезы о наличии грунтовых захоронений в межкурганном и околокурганном пространстве.

«Точкой отсчета» при определении места работ (раскоп кургана №6 визуально не фиксировался) стала насыпь кургана № 8 вы-

сотой 0,3 м. На ее задернованной поверхности имелись выходы известняковых камней.

На исследованном в сезонах 2009 и 2010 гг. пространстве общей площадью 266 кв. м. был выявлен ряд сооружений – каменных кладок над погребениями (рис. 3–1). Составлявшие их известняковые камни содержались в гумусном слое мощностью от 20 до 80 см. Основания нижних камней находились на верхнем уровне погребенной почвы (бурый гумусированный суглинок, прорезанный норами землероев). Материк представляет собой плотный суглинок желто-бурого цвета. Ниже его залегает песчаниковый плитняк.

Располагавшийся в западной половине раскопа панцирь кургана № 8 имел форму неправильного овала размерами 9×6,75 м, ориентированного длинной осью по линии северо-восток – юго-запад, и состоял из известняковых камней, уложенных по краям в один слой, в центре – в два-три слоя. Восточная часть панциря – более разреженная, в его центре был зафиксирован след грабительского проникновения в погребение № 5. Под камнями южного края панциря находилось погребение № 2.

Такой же плотный, в три слоя камней, но меньших размеров панцирь располагался в южной части раскопа, над погребениями № 7 и № 8. Камни над погребениями №№ 3, 9 и 10 были уложены в один слой.

Под небольшой каменной кладкой к северо-западу от погребений № 9 и № 10 человеческие останки не фиксировались. Не исключен меморативный характер данного сооружения, но, вероятнее, оно фиксировало несохранившееся погребение младенца. В пользу этого может свидетельствовать находка под камнями стеклянной бусины.

Камни в центральной части раскопа в отличие от упомянутых выше надмогильных каменных кладок располагались беспорядочно.

1) Исследование насыпи № 7 в публикации специально не выделено, она была раскопана как прирезка к раскопу насыпи № 6.

дочно, на разных глубинах от поверхности материка до дернового слоя. Образованная ими фигура соответствовала очертаниям раскопа 1995 г., что подтвердилось стратиграфическими наблюдениями и находками (пробка от пивной бутылки и консервная банка 1995 года выпуска, найденные на уровне материковой поверхности).

В раскопе было выявлено 10 комплексов, интерпретированных в поле как погребения. Их нумерация осуществлялась по мере обнаружения.

«Погребение № 1» (Рис. 3-2) представляло собой скопление разрозненных костей (главным образом, нижней части скелета) подростка (10-12 лет²⁾) на уровне погребенной почвы. Могильная яма не фиксировалась.

Вблизи данного «погребения» также на уровне погребенной почвы было обнаружено небольшое компактное **скопление костей** верхней части скелета ребенка (около 5 лет).

Погребение № 2 (Рис. 3-3). Захоронение ребенка до одного года (сохранился только раздавленный землей череп) на уровне погребенной почвы непосредственно под панцирем кургана № 8. Могильная яма не фиксировалась. Судя по положению черепа, погребенный предположительно был ориентирован головой на северо-запад. В непосредственной близости от черепа, к юго-востоку от него находились фрагменты (придонная часть) лепного плоскодонного сосуда. Фрагменты верхней части сосуда располагались в 70 см к запад-северо-западу от придонной.

Реконструированный сосуд представляет собой несколько асимметричный горшок с выделенной раструбообразной горловиной (Рис. 4-2). Сосуд изготовлен из ожелезненной незапесоченной глины с примесью крупного шамота и выжимки из навоза жвачных животных в соответствии с донно-емкостной программой. Полое тело сосуда изготовлено из коротких жгутов – лоскутов длиной примерно 5-6 см, наращивавших-

ся по спиралевидной траектории. Окончательная форма сосуда придавалась путем небольшого выбивания поверхности колушкой с гладкой рабочей частью. Обе поверхности сосуда обработаны путем заглаживания мягким материалом, скорее всего, кусочком ткани. Для приобретения прочности и влагонепроницаемости сосуд испытал кратковременное воздействие температур каления (650° и выше). На внутренней поверхности сосуда фиксируется слой копоти, на внешней – следы потертости при использовании³⁾.

Погребение № 3 (Рис. 3-4). Захоронение ребенка (3-4 года?) в гумусном слое. Могильная яма не фиксировалась. Сохранность скелета неудовлетворительная: кости ног были частично срезаны при прокапывании грунта, кости предплечий и кистей отсутствовали. Погребенный был захоронен вытянуто на спине головой на восток-северо-восток (А=70°).

Погребение № 4 (Рис. 3-7). Могильная яма была выявлена на уровне погребенной почвы в пределах очертаний раскопа 1996 г. Яма ориентирована продольной линией по оси «восток-запад». Форма ямы овальная, длинные стенки параллельны друг другу; размеры ямы 2,18×0,76 м. Глубина от уровня фиксации – 45 см. Стенки могильной ямы ровные, полого сужающиеся ко дну. Заполнение могильной ямы представляло собой гумусный слой.

Захоронение молодой женщины в возрасте 18-20 лет (расовый тип смешанный – европеоидно-монголоидный). Сохранность скелета неудовлетворительная: кости верхней части скелета и таза смещены и беспорядочно разбросаны на разной глубине в восточной и западной частях могилы. Судя по положению ног, погребенная была захоронена вытянуто на спине головой на восток (А≈90°).

В районе колен погребенной были зафиксированы несколько костей новорожденного младенца. По всей видимости, захоронение некогда входило в комплекс кургана №6.

Погребение № 5 – основное в кургане № 8. На уровне погребенной почвы была

2) Антропологические определения выполнены с.н.с. Научного центра археологических исследований Института истории Академии Наук Республики Татарстан И.Р. Газимзяновым и доцентом Поволжской государственной социально-гуманитарной академии к.и.н. А.А. Хохловым.

3) Технологический анализ керамики выполнен доцентом Самарской государственной академии культуры и искусств к.и.н. Н.П. Салугиной.

виявлена в виде аморфного пятна яма грабительского вкопа (Рис. 4-1а). Четко ее границы стали просматриваться на материке. Форма вкопа – неправильно-овальная; размеры 2,53×1,25 м. Глубина грабительской ямы от уровня фиксации составляла 29 см. Стенки ямы неровные, пологие.

Собственно могила, разрушенная грабительским вкопом, была значительно меньших размеров: 1,56×0,94 м, форма – прямоугольник с закругленными углами. Ориентирована продольной линией по оси «север-юг» (Рис. 4-1б). Глубина могильной ямы от уровня фиксации грабительского вкопа на уровне материка составляла 65 см. Могильная яма прорезала слой материкового суглинка и в придонной части была пробита в песчаниковом плитняке. Стенки могильной ямы ровные, отвесные, дно плоское. Заполнение и грабительского вкопа, и могильной ямы представляло собой гумусный слой, содержащий известняковые камни надмогильного панциря и песчаниковые плиты.

Захоронение мужчины 45-55 лет (европеоид с монголоидной примесью) было полностью разрушено. Череп погребенного был обнаружен на уровне фиксации грабительского вкопа в южной его части. Разрозненные кости человеческого скелета встречались в заполнении как грабительского вкопа, так и могильной ямы на разных глубинах, в т.ч. на дне. Положение костяка в могиле не может быть зафиксировано. Кроме того, на уровне фиксации грабительского вкопа находились и кости животного (лошади?) – фрагмент нижней челюсти и зубы.

«Погребение № 6». На уровне погребенной почвы была выявлена яма неправильно-овальной формы, ориентированная продольной линией по оси «восток-запад», размерами 2,6×1,85 м. Глубина ямы от уровня фиксации составляла 30 см. Заполнение ямы представляло собой гумусный слой, содержащий известняковые камни. В качестве погребения данное сооружение зафиксировано условно, т.к. никаких находок в нем не было обнаружено. Прокапывание материка на дне ямы не менее чем на 40 см не дало результатов. Не исключено, что это след позднего (грабительского?) перекопа на могильнике.

Погребение № 7 (Рис. 3-5). Захоронение ребенка (около 10 лет) на уровне погребен-

ной почвы. Могильная яма не фиксировалась. Сохранность скелета неудовлетворительная: отсутствовали ребра, позвонки, таз, кисти обеих рук, голень и ступня левой ноги; лицевая часть черепа была повреждена при прокапывании грунта. Погребенный был захоронен вытянуто на спине головой на северо-восток ($A=49^{\circ}$).

Инвентарь погребения составляли: кистень из рога, находившийся в районе несохранившихся костей правой кисти; железная пластина, располагавшаяся у правой плечевой кости погребенного; кроме того, у его левой ключицы находился зуб лошади.

Входивший в состав погребального инвентаря кистень изготовлен из рога оленя или лося, имеет яйцевидную форму с уплощенным основанием. Общая высота кистеня 45 мм; максимальный диаметр, приходящийся на высоту 15 мм от основания, составляет 51-55 мм. Диаметр отверстия у острого конца кистеня 6 мм, у основания – 7,5 мм (Рис. 4-6).

Железная пластина представляет собой фрагмент ножа, обломанного в древности как с лезвия, так и с черешка (Рис. 4-4).

Погребение № 8 (Рис. 3-6). Захоронение ребенка (7-8 лет) в слое погребенной почвы близко к уровню материка. Могильная яма не фиксировалась. Сохранность скелета неудовлетворительная: отсутствовали большая часть ребер, позвонков, костей таза, кисти и ступни; череп был поврежден при прокапывании грунта. Погребенный был захоронен вытянуто на спине головой на восток-северо-восток ($A=80^{\circ}$).

Инвентарь погребения составила костяная подвеска, находившаяся у нижней челюсти погребенного. По форме подвеска напоминает клык хищника, ее общая длина 47 мм, ширина от 9,3 до 6,5 мм, толщина 6,3-7 мм. У широкого конца подвески имеется отверстие диаметром 2 мм, оформленное с обеих сторон фасками (Рис. 4 – 5).

Погребение № 9 (Рис. 3-8). Захоронение ребенка 10-11 лет в гумусном слое. Могильная яма не фиксировалась. Сохранность скелета удовлетворительная: кости стоп были частично срезаны при прокапывании грунта, кисти рук отсутствовали. Погребенный был захоронен вытянуто на спине головой на восток-северо-восток ($A=84^{\circ}$), голова слегка развернута вправо. Инвентарь погребен-

ного составляла крупная стеклянная «глазчатая» бусина у нижней челюсти.

Бусина изготовлена из непрозрачного стекла двух основных цветов – черного и оранжевого. Черное стекло составляет основу изделия, оранжевые «жгуты» опоясывают обе стороны отверстия и три расположенных по линии наибольшего диаметра бусины «глазка». В «глазках» наблюдается сочетание стекла трех цветов – красного, оранжевого и голубого (Рис. 4-7).

Погребение № 10 (Рис. 3-9). Захоронение молодого человека (женщина?) 20-25 лет (европеоид с примесью монголоидности) на уровне материковой поверхности. Могильная яма не фиксировалась. Сохранность скелета удовлетворительная: кости стоп были частично срезаны при прокапывании грунта, кисти левой руки отсутствовали. Погребенный был захоронен вытянуто на спине головой на восток-северо-восток ($A=80^\circ$). Инвентарь составляли железный нож у левого бедра погребенного (Рис. 4-10) и железный предмет (штырек полуовального сечения, мог являться язычком пряжки) меж тазовых костей (Рис. 4-9).

Индивидуальные находки, не входящие в инвентарь выявленных погребений, подразделяются на три группы. К первой относятся фрагменты лепных керамических сосудов: стенка толщиной 8,5-10,5 мм и венчик толщиной 6-7 мм (Рис. 4-3), обнаруженные в южной части раскопа.

Вторая группа представлена упомянутой выше «глазчатой» бусиной неправильно-овальной формы (Рис. 4-8). Она изготовлена из слоистого непрозрачного стекла светло-зеленого цвета; по бокам, симметрично друг другу, расположены два «глазка». Центр каждого из них – из серебристого стекла, окружен тонким темно-серым ободком, отделяющим центр от периферии – белого однородного стекла.

Подавляющее большинство находок на исследованной раскопками 2009-2010 гг. площади (включая площадку раскопа кургана № 6) составляли фрагменты костей животных⁴). Находки этой категории свидетельствуют о неких ритуальных действиях, сопровождавших погребально-поминальные

обряды новинковского населения⁵). Преобладают среди них кости крупного рогатого скота (52,24% всего определимого остеологического материала) и лошади (34,33%). Количество костей мелкого рогатого скота сравнительно невелико (13,43%). В обрядовой практике использовались главным образом черепа и конечности животных, части туш (ребра, лопатки) представлены единичными находками.

Распределение остеологического материала на площади раскопа складывается в характерную картину (рис. 3-1). Абсолютное его большинство концентрируется среди камней панциря кургана № 8, с остальными комплексами связаны лишь немногие находки. К насыпи кургана относится подавляющее большинство находок костей лошади и мелкого рогатого скота. Фрагменты черепов животных сосредоточены, главным образом, в северной и западной части кургана, а кости конечностей – в южной и восточной.

Материал, полученный при исследованиях могильника Малая Рязань I в 2009-2010 гг., сравнительно невелик по объему, однако позволил сделать ряд интересных выводов.

Прежде всего, был окончательно установлен курганно-грунтовой характер данного памятника. Необходимость в этом возникла еще в 1995-1996 гг., когда С.Э. Зубовым были зафиксированы каменные кладки и погребения в пространстве между курганами №№ 6 и 7 [4, с. 36, с. 208-209]. Кроме того, в ходе визуального обследования прилегающей к занятой курганами территории были обнаружены многочисленные выходы на поверхность известняковых камней, очевидно, также фиксирующих надмогильные сооружения. Площадь памятника при этом увеличивается не менее чем вчетверо (Рис. 1, 2).

Повторное исследование раскопа кургана №6 также дало полезный результат – были выявлены относившиеся к нему погребение № 4 и фрагменты разрушенных детских скелетов, не зафиксированные при раскопках 1995 г.

Погребальные комплексы могильника Малая Рязань I планиграфически четко де-

4) Археозоологическая коллекция была проанализирована научным сотрудником археологической лаборатории ПГСГА Н.В.Росляковой.

5) Подобные факты, но на более узкой источниковой базе (кости лошади) уже отмечались специалистами [6, с. 33-34].

лятся на подкурганные (№ 2 и № 5) и грунтовые (№№ 1, 3, 4, 7, 8, 9, 10). Подтверждается это деление и типологическими различиями. В соответствии с типологией погребально-поминальной обрядности новинковского населения [20, с. 302-303] погребения №№ 3, 4, 7-10 относятся к типу А2 (погребения в конструктивно простых ямах с восточной и северо-восточной ориентировкой костяка), № 2 – к группе Б (погребения с северной и север-северо-западной ориентировкой). Исходя из ориентировки могильной ямы, к той же группе можно причислить и погребение № 5.

Сочетание на одном могильнике в непосредственной близости друг от друга погребений разных типов можно объяснить взаимодействием различных этнических компонентов в составе новинковского населения [14, с. 11-17; 21, с. 33, с. 36]. При этом социальное положение людей, погребённых в соответствии с обрядностью группы Б, по сравнению с А2 было, по всей видимости, более привилегированным [20, с. 304-305].

В исследованных захоронениях отчетливо фиксируются следы постпогребальных обрядов, рассчитанных на «обезвреживание» покойного. Такие действия, связанные с нарушением целостности скелета погребенного, отмечены на всех новинковских могильниках. Наиболее четко данный обряд зафиксирован в погребении № 4 – разрушена вся верхняя часть костяка. Вероятно, подобного рода повреждения были и на костяках из погребений №№ 3, 7, 8, 9 и 10 (впрочем, отсутствие кистей рук, ступней и ребер может быть объяснено и естественными причинами).

Напротив, зафиксированное раскопками состояние погребения № 5 следует признать результатом грабительского вторжения в могилу. Надмогильный панцирь не был восстановлен, как при обряде обезвреживания погребенных, кости человека беспорядочно разбросаны как в могиле, так и вокруг нее.

Представляет интерес могильная яма погребения № 5. При значительной глубине и сложности ее сооружения (для этого пришлось пробивать песчаниковые плиты) ее параметры явно не соответствуют размерам тела погребенного в ней взрослого человека. Не исключено, что яма была специально предназначена для захоронения предвари-

тельно разрушенного костяка. Косвенно это подтверждается и крайней фрагментарностью останков покойного.

Интересной представляется аналогия погребений №№ 7 и 8 погребениям №№ 9 и 10. Обе пары погребенных юного и молодого возраста погребены под общей каменной кладкой по единому обряду. При этом покойник, расположенный под ее северной частью, захоронен непосредственно под камнями (видимо, прямо на древней поверхности почвы), а лежащий южнее – на уровне материка. В состав инвентаря одного из пары погребенных (№ 7 и № 10) входил нож, второй погребенный (№ 8 и № 9) сопровождался носившимся на шее украшением (в первом случае – костяной подвеской, во втором – стеклянной бусиной).

Дата подкурганных захоронений (№ 5 и № 2) четко определяется находкой керамического сосуда в последнем из них. По классификации С.Э. Зубова он относится к группе «крынок» [4, с. 146]. Такая керамика встречается исключительно в погребениях группы Б на этапе III существования новинковских памятников, т.е. в третьей четверти VIII в. [21, рис. 1 – 67-71, с. 33, с. 36].

Грунтовые захоронения, относящиеся к типу А2, датирует обнаруженный в погребении № 7 роговой кистень. В новинковской среде это оружие ударно-раздробляющего действия – одно из самых малораспространенных. До сего времени было известно лишь два экземпляра (железный и бронзовый, причем первый из них – также из могильника Малая Рязань I) [4, с. 114-115]. Близкие по форме и материалу кистени встречаются в салтово-маяцких кочевнических погребениях лесостепного и степного Подончья⁶⁾. Появление данной категории оружия в Восточной Европе датируется не ранее середины VIII в. [16], а основной массив находок относится к IX-X вв. [18, с. 375; 19].

Грунтовые погребения Малой Рязани I синхронны подкурганным или относятся к несколько более позднему времени. Бескурганный способ захоронения у «новинковцев» на этапе III встречается единично,

6) Из донецкой лесостепи (Красногорский могильник) происходит и единственная аналогия железному кистеню из к. 10 Малой Рязани [4, таб. LXVI – 2; 19, рис. 1-13; 16, рис. 2-27].

но обычен для этапа IV (последняя четверть VIII в.). Предположительно, его распространение связано с процессом седентаризации кочевого населения [21, с. 33, с. 37]⁷⁾.

С последним обстоятельством, очевидно, согласуется преобладание костей крупного рогатого скота в археозоологической коллекции из Малой Рязани и использование его навоза в керамическом производстве. В самом деле, крупный рогатый скот плохо приспособлен к перекочевкам и в целом более, чем овцы, требователен к уходу, особенно в зимний период, когда нуждается в стойловом содержании и запасах кормов [2, с. 59; 12, с. 29; 23, с. 105, с. 108]. Увеличение доли КРС в стаде оседающих на землю кочевников этно-

графически зафиксировано у различных народов [1, с. 53; 3, с. 149; 9; 23, с. 158, с. 160, 161].

В синхронных и однокультурных⁸⁾ новинковским степных салтовских курганах наблюдается противоположная ситуация⁹⁾: кости КРС либо отсутствуют вовсе, либо представлены единичными экземплярами на фоне абсолютного численного доминирования костей лошадей и овец (могильники Валовый I, Новосадковский, Кировский V, Таловый II, Новониколаевка II, Саловский, Семенкинский III, Кривая Лука XXVII, Куцый XII) [5, с. 35, с. 72-74; 7, таб.2; 10, с. 154, 155; 11, с. 377; 17, с. 119, 120; 27, с. 312, 314; 30, с. 90; 32, с. 182]. Этим населением, по всей видимости, практиковалась кочевая форма скотоводческого хозяйства.

7) С этим же процессом В.С. Флёров связывает появление в новинковской среде обряда «обезвреживания» погребенных [31, с. 65, 66, 68]. Возражения А.В. Комара, отрицавшего даже минимальную оседлость «новинковцев» [15, с. 33, с. 37, 38], умозрительны и лишены оснований. Напротив, особую актуальность приобретает проблема поселенческих памятников раннехазарского времени в Среднем Поволжье (и на Самарской Луке, в частности), поднятая Ю.А. Семькиным [28, с. 67, 73, 74] и Г.И.М. атвеевой [13, с. 49; 24, с. 107, 111-114; 25, с. 78; 26, с. 294-298], и плодотворно разрабатываемая ныне [29, с. 119, 120; 8, с. 133, 134]. К слову, одно из таковых поселений – Малорязанское VII селище – располагается в непосредственной близости от могильника Малая Рязань I (Рис. 1).

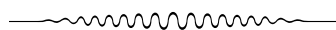
8) Отношение новинковских памятников к салтовско-маяцкой культурной общности рассматривалось в специальной публикации [22, с. 141].

9) Имеются в виду только находки костей животных в насыпях курганов и подкурганных ровиках, являющиеся, по всей видимости, как и в Малой Рязани, следами поминальных обрядов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Л., 1971.
2. Андрианов Б.В. Неоседлое население мира. – М., 1985.
3. Артыкбаев Ж.О. Казахское общество в XIX веке: традиции и инновации. – Караганда, 1993.
4. Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Zubov C.Э. Праболгары на Средней Волге. У истоков истории татар Волго-Камья. – Самара, 1998.
5. Беспалый Е.И., Беспалая Н.Е., Раев Б.А. Древнее население Нижнего Дона. Курганный могильник «Валовый I». – Ростов-на-Дону, 2007.
6. Богачев А.В., Zubov C.Э. Конь в погребальной практике праболгар Среднего Поволжья // Краеведческие записки. – Вып. XI. – Самара, 2003.
7. Власкин М.В., Ильюков Л.С. Раннесредневековые курганы с ровиками в междуречье Сала и Маныча // СА 1990. – №1.
8. Вязов Л.А., Нерушин И.А. Исследования поселения хазарского времени у с. Малая Рязань на Самарской Луке в 2007-2009 гг. / Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия. – Самара, 2010.
9. Гадло А.В. Этнография народов Средней Азии и Закавказья: традиционная культура: Учебное пособие. – СПб., 1998.
10. Глебов В.П., Иванов А.А. Кочевническое погребение хазарского времени из могильника Таловый II // Средневековые древности Дона. – М.-Иерусалим, 2007.

11. Евглевский А.В., Кудлай Ю.В. Культурный комплекс хазарского времени на р.Сухой Торез: опыт междисциплинарного исследования// Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. Сборник научных работ. – Донецк, 2001. – Том 2.
12. Еремеев Д.Е. Юрюки (турецкие кочевники и полукочевники). – М., 1969.
13. Ермаков С.Ф., Матвеева Г.И. Севрюкаевское селище// Вопросы древней истории Волго-Камья. – Казань, 2001.
14. Зубов С.Э. Заселение кочевниками-болгарами Среднего Поволжья в VII-VIII вв. (к вопросу об этно-культурной компоненте). Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Казань, 2006.
15. Комар А.В. К вопросу о дате и этнокультурной принадлежности шиловских курганов// Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. Сборник научных работ. – Донецк, 2001. – Том 2.
16. Комар А.В., Сухобоков О.В. Вооружение и военное дело Хазарского каганата// http://archaeology.kiev.ua/journal/020300/komar_sukhobokov.htm
17. Копылов В.П., Иванов А.А. Погребение знатного воина хазарского времени из могильника Саловский// Средневековые древности Дона. – М.-Иерусалим, 2007.
18. Красильников К.И. Бурджане (булг-р) степного Подонцовья в составе Хазарии // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. Сборник научных работ. – Донецк, 2009. – Том 7.
19. Крыганов А.В. Кистени салтово-маяцкой культуры Подонья // СА. – 1987. – №2.
20. Лифанов Н.А. Систематика погребально-поминальной обрядности новинковского населения// II Городцовские чтения. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию деятельности В.А.Городцова в ГИМ. – М., 2005.
21. Лифанов Н.А. К вопросам периодизации и хронологии памятников новинковского типа// Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. Сборник научных работ. – Донецк, 2005. – Том 4.
22. Лифанов Н.А. О культурной принадлежности населения Средневолжской лесостепи раннехазарского времени// Форум «Идель-Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Казань, 7-11 декабря 2009 г. Тезисы докладов. – Казань, 2009.
23. Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. – М., 1976.
24. Матвеева Г.И. Поселения VIII-IX вв. в Среднем Поволжье// Из археологии Поволжья и Приуралья. – Казань, 2003.
25. Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV-VII вв.: именниковская культура. – Самара, 2004.
26. Матвеева Г.И. К вопросу о седентаризации ранних болгар в Поволжье// II Городцовские чтения. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию деятельности В.А.Городцова в ГИМ. – М., 2005.
27. Прокофьев Р.В. Курган с квадратным ровиком редкой конструкции// Археологические записки ДАО. – Ростов-на-Дону, 2005. – Вып. 4.
28. Семькин Ю.А. К вопросу о поселениях ранних болгар в Среднем Поволжье// Культуры Евразийских степей II половины I тысячелетия н.э. – Самара, 1996.
29. Сташенков Д.А. О группах поселений хазарской эпохи в Самаро-Симбирском Поволжье// Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Вопросы межетнических контактов и межкультурного взаимодействия. – Самара, 2010.
30. Федоров-Давыдов Г.А. Погребения хазарского времени из урочища «Кривая Лука» в Нижнем Поволжье// Проблемы археологии степей Евразии. – Кемерово, 1984.
31. Флёров В.С. Розыскания по обряду обезвреживания погребенных в раннесредневековой Восточной Европе// Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2000. – Т. 1.
32. Яценко В.В. Подкурганное захоронение VIII-IX вв. у г.Пролетарска// Средневековые древности Дона. – М.-Иерусалим, 2007.



ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФОРМАЛИЗОВАННО-СТАТИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЖИЛЫХ ПОСТРОЕК МАЯЦКОГО КОМПЛЕКСА

Исследователи неоднократно обращались к вопросу типологии жилых построек лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры (СМК). Специальный анализ жилищ лесостепного варианта СМК стал возможен в результате работ Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции на Маяцком комплексе в 1975-1982 гг. Материалы изучения жилищ в 1975, 1977, 1978 гг. были проанализированы в специальной работе А.З. Винникова [1, с. 96-120]. Следуя за классификацией жилищ СМК, разработанной С.А. Плетневой [2], А.З. Винников выделил на Маяцком селище четыре группы жилых построек: I – юртообразные (2 постройки); II – слегка углубленные, почти наземные жилища (3 постройки); III – полуземлянки (8 построек); IV – промежуточного типа, между полуземляночным и наземным (одна постройка). Жилища II и III групп разделены на два типа: 1 – очаг расположен в центре постройки, 2 – очаг расположен в углу. Автором выбран один дифференцирующий признак и на первой, и на второй ступенях классификации. В качестве основного критерия автор выбрал степень углубленности, далее деление происходит по расположению очажного устройства, а другие признаки не учитываются.

Хотя количество жилых построек, опубликованных в рассматриваемой работе А.З. Винникова, было относительно не велико, тот факт, что котлованы построек Маяцкого селища вырублены в мелу, хорошо сохраняются столбовые ямки, дало возможность объективно судить о характере деревянных конструкций. Это позволило развить «этнографический подход», использованный С.А. Плетневой в изучении построек СМК. Для построек второй группы (полуземлянки) была характерна каркасно-столбовая конструкция. Для полуземляночных построек

(группа III, тип 1) характерна многостолбовая конструкция, прослежена облицовка стен плахами-досками. Кроме того, получены данные об интерьере жилищ (наличие лавок-лежанок, перегородок, столов), конструкции очагов, конструкции входа (выявлены коридорообразные входы). В постройке 5 группы IV была выявлена печь (вероятно, глинобитная, с применением камня).

Полученные материалы позволили вновь обратиться к вопросу о влиянии славянского домостроительства на жилые постройки СМК. А.З. Винников допускает появление полуземлянок у салтовцев под влиянием славян, но при этом отмечает, что носители СМК «...не восприняли всего, что им предложила многовековая славянская традиция в сооружении полуземляночных жилищ» [1, с. 119]. Сочетание оседлой (славянской) и кочевнической культур «особенно четко видно на жилищах Маяцкого селища» [1, с. 119]. К славянским чертам автор относит систему облицовки стен плахами, забутовку между материковой стеной и деревянным каркасом. Именно многостолбовая конструкция характерна для полуземлянок Маяцкого селища (в отличие от салтовских поселений в бассейне Северского Донца).

Г.Е. Афанасьев предложил новый подход к классификации построек лесостепного варианта СМК [3]. Показав уязвимость прежних построений из-за выделения критериев, которые не могут найти подтверждение на археологическом материале, например, неправомерность выделения такого типа как юрта без археологически зафиксированного решетчатого каркаса стен и войлочного покрытия, автор применяет «дедуктивную процедуру» [3, с. 39]. На основе качественных характеристик создается система моделей, обладающих определенным набором дифференцирующих признаков [3, с. 38-75].

Первый этап анализа – деление всех анализируемых построек по нескольким критериям; второй этап – определение основных признаков построек; третий этап – выделение типов построек на основе сочетания признаков.

Результаты работ Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции были полностью опубликованы А.З. Винниковым и С.А. Плетневой в 1998 г. [4]. В этой работе развивается модель типологии, предложенная С.А. Плетневой в 1989 г. [5]. Фактологическую базу составили 33 жилые постройки.

Выделены семь групп признаков (строительных приемов), объединяющих 28 признаков. I. Углубленность котлована в материк.: 1) 0,05-0,3 м; 2) 0,4-0,7 м; 3) 0,8-1,2 м.; II. Размеры котлована (площадь): 4) 5-9 м²; 5) 10-15 м²; 6) 16-24 м²; 7) 25-46 м²; III. Степень тщательности обработки стен и пола котлована: 8) ровные «отглаженные» поверхности; 9) небрежно выкопанные; IV. Остатки конструкций стен: 10) прямоугольные ямки для установки досок или плах (не менее 5-8 на каждой стороне); 11) ямки для досок или плах (не менее 3-4 на каждой стороне); 12) угловые круглые и прямоугольные на двух сторонах; 13) только угловые круглые; 14) нет ямок; V. Конструкция отопительных устройств: 15) открытый «тарелкообразный» очаг в центре пола; 16) открытый прямоугольный очаг в центре пола; 17) открытый, обложенный камнями очаг в центре пола; 18) открытый, обложенный камнями очаг в углу жилища; 19) печь в углу; VI. Внутреннее устройство (интерьер): 20) хозяйственные ямы; 21) ниши в стенах; 22) канавки в полу – вентиляция или поддувала; 23) лежанки из материка; 24) лежанки на деревянных столбах; VII. Входы: 25) пристройки со ступеньками; 26) пристройки с пологим спуском; 27) внутренние – лестничные; 28) без лестницы (наземные).

Корреляция признаков позволила выделить три группы жилищ. Первая группа жилых построек характеризовалась малой углубленностью, тем что основания построек выкопаны небрежно, размеры построек небольшие (6-15 кв. м), открытые очаги располагались в центральной части пола. Жилища этой группы, по мнению авторов книги, нельзя называть юртообразными. Ранее жилища 10 и 22 были отнесены к таковым

[1, с. 96-99]. Так называемые «юртообразные жилища» на Маяцком поселении представлены постройками 38 и 41.

Вторая группа жилищ представлена полуземлянками с небрежно вырытыми котлованами, с открытыми очагами в центре и углубленными входами-пристройками. Присутствуют детали интерьера (лежанки, ямы и др.). Стены и кровля опираются на столбовые конструкции. Между постройками первой и второй групп есть связи. А вот постройки третьей группы, как представляется исследователям, не связаны с первой и второй группами. Это типичные полуземлянки, больших размеров (половина жилищ имеет площадь более 20 кв.м). Стенки и пол ровные, тщательно обработаны. Каркасы стен сооружены из досок. Очаги (некоторые усложненной конструкции), как правило, располагались в центре постройки. В трех жилищах в углах были материковые печи на останцах. В жилищах есть ямы-погребя, вентиляционные канавки, лежанки, входы-пристройки.

Как полагают А.З. Винников и С.А. Плетнева, жилища третьей группы принадлежали привилегированной части населения. Прослеживается отчетливая связь жилищ этой группы с жилищами внутри крепости.

В своей работе авторы подчеркивают, что предлагаемая схема – это типология «не построек, а их остатков» [4, с. 158]. В связи с этим необходимо очень тщательно привлекать все сведения о строительных приемах и особенностях изучаемых сооружений.

Типологическая схема была разработана и для степного варианта СМК [6]. В своем исследовании Л.И. Красильникова предлагает следующий список признаков для построения типологии: постройки подразделяются по форме: округлые, квадратные, прямоугольные; по степени углубленности котлована: наземные (0,5-0,6м), неглубокие (0,7-1 м), землянки (1,7-2 м); по размерам: малые (до 15 м²), средние (до 30м²), большие (45-50 м²); по строительным приемам: постройки с опорно - столбовой конструкцией, каркасно-плетенчатыми стенами, дощато-плаховыми стенами, останцевыми стенами с обмазкой, с утрамбованным полом, с полом, обработанным огнем; по входу в жилище: коридорные, бескоридорные, короткие (0,5-1 м), длинные (1,5-2 м), с поло-

гим спуском, со ступенями; по отопительным устройствам: простые открытые очаги, очаги с камнем (камины), печи-каменки, глинобитные сырцовые, останцевые печи, печи-тандыры; по расположению отопительного устройства: в центре, в углу, у стены, в специальных нишах; по внутреннему интерьеру: хозяйственные ямы внутри и рядом с жилищем, жилища с погребями, жилища с нишами, с лежаками, с кладовыми, с смонтированными емкостями и пифосами.

По мнению Л.И. Красильниковой, для жилищ степного варианта характерно следующее. Ведущим типом построек степного варианта СМК была полуземлянка, составляющая около 75 % сооружений; площадь построек от 25 до 40 кв. м. Автор отмечает, что по мере развития оседлости наблюдается тенденция углубления построек и одновременно изменения их форм от округлых к квадратным. Также для жилищ степного варианта был характерен особый тип отопительного устройства в виде печи-тандыра.

На наш взгляд, есть необходимость создания единого списка признаков для выполнения нескольких исследовательских задач: сопоставления жилищ различных памятников в рамках лесостепного варианта СМК, сопоставления построек лесостепного варианта с постройками Степного Подонцовья и для сравнения с памятниками донских славян.

Предлагаемый список признаков выглядит следующим образом: 1. **форма**: 1.1. округлые, 1.2. квадратные, 1.3. прямоугольные, 1.4. неправильной формы; 2. **степень углубленности**: 2.1. до 0,35, 2.2. до 0,55, 2.3. до 0,75, 2.4. до 0,95, 2.5. до 1,15, 2.6. до 1,35; 3. **площадь жилища**: 3.1. до 11,6 м², 3.2. до 18,3 м², 3.3. до 25 м², 3.4. до 31,7 м², 3.5. до 38,4 м², 3.6. до 45,1 м²; 4. **конструктивные особенности**: 4.1. опорно-столбовая конструкция, 4.2. дощато-плаховая конструкция, 4.3. каркасно-плетенчатая, 4.4. не выявлена; 5. **обработанность пола**: 5.1. обработан, 5.2. не обработан; 6. **вход**: 6.1. коридорный короткий (до 1,5 м) с пологим спуском, 6.2. коридорный короткий (до 1,5 м) со ступеньками, 6.3. коридорный длинный (1,5-2 м) с пологим спуском, 6.4. коридорный длинный (1,5-2 м) со ступеньками, 6.5. коридор отсутствует; 7. **ориентировка входа**: 7.1. с севера, 7.1.1. с северо-востока, 7.1.2. с северо-запада,

7.2. с востока, 7.3. с юга, 7.3.1. с юго-востока, 7.3.2. с юго-запада, 7.4. с запада, 7.5. не определен; 8. **вид отопительного устройства**: 8.1. очаг, 8.2. печь-каменка, 8.3. глинобитная сырцовая печь, 8.4. останцовая печь, 8.5. печь-тандыр; 9. **местонахождение отопительного устройства**: 9.1. в центре, 9.2. в углу, 9.3. у стены, 9.4. в специальных нишах; 10. **внутренний интерьер**: 10.1. хозяйственные ямы, 10.2. погреб, 10.3. ниши, 10.4. лежаки, 10.5. кладовые, 10.6. тарные емкости, пифосы.

Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что при определении размерных групп, обычно исследователи исходят из практики полевых исследований. В данном случае, величина интервала в некоторых признаках (степень углубленности, площадь) была определена по стандартной статистической процедуре, предложенной И.С. Каменецким и А.А. Узяновым [7, с. 42-43].

Использовались данные о 35 жилых постройках Маяцкого комплекса. При относительной малочисленности выборки удалось проследить основные тенденции домостроительства на данном памятнике.

По такому признаку, как **форма жилищ**, постройки подразделяются на квадратные (5) – 14,3%; прямоугольные (26) – 74,3%; округлые (2) – 5,7%; неправильной формы (2) – 5,7% (Рис. 1).

При анализе **углубленности** было выделено 5 размерных групп. Первая группа – до 0,35 м включает восемь построек (22,9 %); вторая (от 0,36 до 0,55 м) – шесть построек (17,1%); третья (от 0,56 до 0,75 м) – девять построек (25,7 %); четвертая (от 0,76 до 0,95 м) – восемь построек (22,9%); пятая (от 0,96 до 1,15 м) – четыре постройки (11,4%). Несколько преобладающей является третья группа. Следует учитывать, что глубина построек давалась от материкового основания (Рис. 2).

По **площади** было выделено 6 размерных групп. Первая группа (до 11,6 м²) включает девять построек (25,7 %); вторая (от 11,7 м² до 18,3 м²) – 15 построек (42,8 %); третья (от 18,4 м² до 25 м²) – семь построек (20 %); четвертая (от 25,1 м² до 31,7 м²) – две постройки (5,7%). В пятой (с 31,8 м² до 38,4 м²) и шестой (от 38,5 м² до 45,1 м²) группах – по одной постройке, что составляет по 2,9% для каждой группы. Преобладающей (15 построек, 42,8 %) (Рис. 3).

Если говорить о **конструктивных особенностях**, то выделено четыре группы построек. Первая – с опорно-столбовой конструкцией – включает 11 построек (31,4%); вторая (с дощато-плаховой конструкций) – 18 построек (51,4 %); третья (с каркасно-плетенчатой конструкцией) – 2 постройки (5,7%); четвертая (конструкция не выявлена) – 4 постройки (11,5%). Таким образом, преобладают две техники: дощато-плаховая конструкция и опорно-столбовая (Рис. 4).

По признаку **обработанность пола** выделяются две группы. Первая, с обработанным полом, включает 20 построек (57,1 %); вторая, с необработанным полом – 15 построек (42,9 %) (Рис. 5).

По **конструкции входа** выделяется пять групп. Первая – коридор короткий пологий (четыре постройки, 11,5%); вторая – коридор короткий со ступеньками (одна постройка, 2,8%); третья – длинный пологий коридор (четыре постройки, 11,5%); четвертая – длинный коридор со ступеньками (две постройки, 5,7%); пятая – коридор отсутствует (вход мог быть лестничным) (24 постройки, 68,5 %) (Рис. 6).

Входы в постройках **ориентированы** следующим образом: на юг – в одной постройке (2,9%); на север – в пяти постройках (14,3%); на восток – в одной постройке (2,9%); на запад – в пяти постройках (14,3%); на северо-запад – в четырех постройках (11,4%); на юго-восток – в трех постройках (8,6%); на северо-восток – в трех постройках (8,6 %); на юго-запад – в двух постройках (5,7%). Не выявлена ориентировка входа в 11 постройках (31,4%) (Рис. 7).

Отопительных устройств на Маяцком комплексе выявлено 40. Абсолютно преобладают очаги (36) – 90 %, печь-каменка встречается в двух случаях (5%), глинобитная и останцовая печи единичны (по 2,5%) (Рис. 8).

В двух случаях печи сочетались с очагами (постройки 5 и 13), а в трех постройках выявлено по два очага (10, 15, 33). В подавляющем большинстве случаев (65 %) очаг располагался в центре постройки.

Несколько слов об интерьере жилищ. Хозяйственные ямы встречены в пяти постройках (14,3%); ниши прослежены в трех случаях (8,6%); лежанки обнаружены в шести постройках (17,1%); тарная емкость – в

одной (2,9%). В 22 (62,8%) постройках элементы интерьера не выявлены (Рис. 9).

Анализ взаимовстречаемости признаков был проведен на основе таблицы-матрицы (Рис. 10), коэффициент взаимосвязи признаков определялся по наиболее часто используемой формуле [8, с. 98].

Основным признаком жилого характера постройки является отопительное устройство. На Маяцком комплексе самым распространенным видом отопительного устройства является очаг. Поэтому в качестве примера приведем результаты анализа взаимовстречаемости признака 8.1 (отопительное устройство – очаг) с другими признаками. Самый высокий коэффициент взаимовстречаемости – 0,727 (24 случая сочетания признаков 9.1. (очаг в центре – 24 постройки) и 8.1. (очаг – 33 постройки). Взаимосвязь признака 8.1 отмечена с признаком 1.3. (прямоугольная форма жилища) – коэффициент 0,671; с признаком 6.5. (коридор отсутствует) – коэффициент 0,611; с признаком 10.7 (элементы интерьера отсутствуют) – коэффициент 0,607; с признаком 5.1. (обработанный пол) – коэффициент 0,546; с признаком 4.2. (дощато – плаховая конструкция) – коэффициент 0,545; с признаком 3.2. (площадь от 11,7 до 18,3 кв.м.) – коэффициент 0,395; с признаком 2.1. (углубленность до 0,35 м) – коэффициент 0,242.

Таким образом, на основе анализа таблицы-матрицы мы имеем возможность построить типичную модель жилой постройки Маяцкого комплекса. Это прямоугольная полуземлянка, углубленная до 0,95 м, площадью от 11,7 до 18,3 кв.м. Строительная конструкция опорно-столбовая или дощато-плаховая. Коридор отсутствует. В центре постройки находится очаг. Элементы интерьера не прослеживаются.

Примером этой модели являются постройки № 3 и № 30 Маяцкого селища (Рис. 11; 12). Котлован постройки № 3 углублен в материк на 0,15 м, ориентирован углами по странам света, в плане слегка трапецевидный, его размеры 3,1×4 м (Рис. 11). Стенки котлована покатые, осыпающиеся, пол тщательно выровненный и утопанный. Вдоль стен прослежены ямки от столбов различного сечения: пять столбиков у северо-восточной стороны и в южном углу – круглые, остальные прямоугольные,

а в западном углу «сдвоенные» — углом друг к другу. На каждой стороне было поставлено по пять столбов, расстояния между ними от 0,2 до 0,7 м. Вход находился в середине юго-восточной стороны, для дверного стояка там был поставлен массивный, круглого сечения столб, закрепленный в полу в мелком гнезде. В центральной части пола расположен тарелкообразный очаг диаметром 0,6 м, с сильно прокаленной поверхностью, заполненный золой и углями.

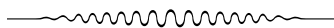
Котлован постройки № 30 имеет прямоугольную форму и ориентирован сторонами по странам света (Рис. 12). Его размеры 3-3,16×4,1 м (площадь около 13 кв. м). Глубина котлована в материковом мелу 0,54-0,9 м. Стенки котлована постройки обработаны довольно грубо, они, как и пол, не везде ровные. У стен расчищены столбовые ямки — остатки деревянной конструкции. Ямки неглубокие — 0,07-0,1 м и почти вплотную подходят к стенам котлована; все они имеют прямоугольную форму. В северо-

восточном и юго-восточном углах, там, где расчищены ямки от угловых столбов, в стенах котлована имеются небольшие выемки по форме столбов, поставленных вне котлована, в двух других углах таких выемок нет, но здесь нет и столбовых ям. Одна глубокая круглая столбовая яма расчищена в южной половине котлована, почти в его центре, ее диаметр 0,38 м, глубина 0,37 м, другая небольшая округлая столбовая ямка, глубиной 0,18 м, находилась в северо-западной части постройки. Вход, вероятно, был в северной части восточной стены постройки, здесь, в северо-восточном углу, расчищена одна дополнительная овальная ямка глубиной 0,09 м. Остатки открытого очага были выявлены в центральной части котлована, несколько ближе к его восточной стене.

В целом, предложенная модель соответствует характеристике первой и второй групп построек в типологии, предложенной С.А. Плетневой и А.З. Винниковым [4, с. 159].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Винников А.З. Жилые и хозяйственные постройки Маяцкого селища// Маяцкое городище. – М., 1984. – С. 96-120.
2. Плетнёва С.А. От кочевий к городам// МИА. – М., 1967. – Вып. 142.
3. Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв.: (Аланский вариант салтово-маяцкой культуры)// Археологические открытия на новостройках. – М., 1987. – Вып. 2.
4. Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата: Маяцкое поселение. – Воронеж, 1998.
5. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье: (Дмитриевский археологический комплекс). – М., 1989.
6. Красильникова Л.И. Конструктивные признаки жилых построек и их типология на поселениях Степного Среднедонья VIII-нач. X в.// Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2001. – С. 323–332. – Т. 2.
7. Каменецкий И.С., Узянов А.А. О правилах построения гистограмм// Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. – Свердловск, 1977.
8. Геннинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализовано-статистические методы в археологии. – Киев, 1990.



ТРАНСФОРМАЦІЯ ПОГЛЯДІВ НА СОЦІАЛЬНУ ТА СТРАТЕГІЧНУ РОЛЬ ЛІСОСТЕПОВИХ ГОРОДИЩ САЛТОВО-МАЯЦЬКОЇ КУЛЬТУРИ. ПРОБЛЕМИ ТА МОЖЛИВІ ШЛЯХИ ЇХ ВИРІШЕННЯ

Більше ста десяти років лісостепові городища салтово-маяцької культури (Рис. 1, 2) привертають до себе увагу дослідників. Зокрема, у полі зору археологів були і залишаються їх оборонні споруди, що виділяються своєю нетиповою для східноєвропейського лісостепу архітектурою. Остання має явне не місцеве походження. Першим звернув на це увагу В.А. Бабенко, який ще на початку XX століття розкопав перші катакомбні поховання в с. Верхній Салтів на Харківщині і провів огляд Верхньосалтівського городища. Він висловив думку, згідно якої фортифікація пам'ятки мала візантійське походження [1, с. 469, 470].

Характеризуючи салтово-маяцькі укріплення, дослідники часів Російської імперії оперували трьома пам'ятками – Верхньосалтівським, Маяцьким (Дівногорським) і Волчанським городищами [1, с. 469, 470; 2, с. 113]. В 1921 р. С.Н. Замятнін ввів до наукового обігу ще два городища – Верхньоольшанське і Алексеевське [3]. Та належність їх до салтово-маяцької культури не була остаточно доведена. Тому М.І. Артамонов не розглядав їх в одній із перших своїх праць, що була присвячена порівняльному аналізу городищ лісостепової зони [4]. Пізніше завдяки дослідженням І.І. Ляпушкіна до кола пам'яток салтово-маяцької культури увійшли такі городища як Дмитрівське (Добринське), Архангельське (Нежегольське), Мохначанське, Сухогомільшанське та Кабаново (Есхарівське) [5, с. 149, 150]. Вказаний автор не був першовідкривачем вищезазначених пам'яток, але належність їх до кола салтівських старожитностей була доведена саме ним. Слід зазначити, що культурну приналежність Сухогомільшанського та Кабанового городищ дослідник залишав ще під питанням.

Подальше збільшення кількості пам'яток зазначеного кола відбулося після досліджень

Б.А. Шрамко. Ним були відкриті городища Вербовське та Большое [6; 7].

С.А. Плетньова доповнила список салтівських лісостепових городищ ще на декілька одиниць. До них вона віднесла Ютанівське, Підлисенки, Костомарівське та Карабут. Одночасно нею було виключене з кола салтівських Алексеевське та поставлена під сумнів салтівська приналежність Верхньоольшанського городища [8, с. 191-195]. Пізніше дослідниця відмовилась від своїх поглядів стосовно Алексеевського та Верхньоольшанського городищ і знов їх зарахувала до кола салтівських старожитностей [9, с. 38, 40].

І.І. Ляпушкіну належить перша спроба типологічного відбору салтівських городищ, який долучив до нього не тільки пам'ятки, розташовані в верхів'ях Сіверського Дінця та Дону, але й ті, які локалізувалися в нижній течії останнього, тобто дослідник не вбачав корінної відмінності між степовими та лісостеповими фортифікаціями. Він лише відмітив кількісну перевагу мурованих фортифікацій для верхів'їв течій річок Сіверського Дінця та Дону. В цілому салтівські городища І.І. Ляпушкін поділяє на два типи: перший – зі стінами з каменю або саману; другий – з земляними валами. Відносно пам'яток першого типу відмічаються їх характерні риси: розташування на мисах високих корінних берегів річок, круті схили яких є добрим природним захистом. По периметру таких городищ проходили міцні стіни, а зі сторони поля до стін з зовнішнього боку примикав рів. В плані вони переважно мали форму трапеції, що було, за припущенням І.І. Ляпушкіна, обумовлено конфігурацією мису. Розміри таких укріплень в середньому складали 150×150 м. На думку автора типологічного відбору, така одноманітність характеру укріплень є результатом встановленого будівельного прийому, що склався в

процесі багатого досвіду. На підтвердження своїх спостережень І.І. Ляпушкін приводить приклади Мохначанського та Дмитрівського городищ, які наочно показують висунуті ним типологічні ознаки. Обидві зазначені пам'ятки були побудовані на залишках скіфських городищ. До того ж, якщо старі лінії оборони не влаштували за своєю конфігурацією, салтівці будували поряд свої оборонні споруди. В цьому він вбачав аналогії з укріпленнями ранніх слов'ян VIII-X стст. Як правило, салтівські городища першого типу мали неукріплене селище, що в декілька разів перевищувало за площею укріплену ділянку. Таке поселення прилягало до оборонних споруд або було від нього на невеликій відстані, зважаючи на відсутність зручного майданчика у безпосередній близькості. На деяких з таких селищ І.І. Ляпушкін відмічає наявність зольників.

Другий тип городищ, за І.І. Ляпушкіним, суттєво відрізняється від першого зовні: як за місцеположенням і розмірами, так і за характером оборонних споруд. Укріплення цього типу розміщені на широких плато надзаплавних терас, що примикали безпосередньо до русел річок. Залишки їх оборонних споруд являють собою невеликі земляні вали та рови. Лінії оборони розміщені лише з напільного боку. Хоча їх загальна довжина значно перевищувала периметр замкнених захисних споруд городищ першого типу. Загальна захищена площа городищ другого типу сягала 15-20 га. Поряд з їх укріпленнями розташовувались відкриті поселення, розміри яких також перевищували площу городища. В той же час І.І. Ляпушкін відмічає, що кількість таких пам'яток невелика і автору типології було відомо лише дві: біля хутора Средного і Карнаухова. Дослідник вважав, що до цієї групи пам'яток можна також було б віднести і укріплене поселення біля ст. Каменської (Ригінське городище), що на Сіверському Дінці, але яке, на жаль, не збереглося.

Фортеці Саркел І.І. Ляпушкін відводив дещо відособлене місце, відмітивши близькість її характеристик першому типу розробленої ним типології [10, с. 91-95].

С.А. Плетньова зробила свою спробу типологічної градації групи салтівських лісостепових городищ, розташованих в Сіверсько-донецькому мікрорегіоні: Дмитрівського,

Архангельського, Волчанського, Верхньосалтівського, Кабанового, Мохначанського, Коропові Хутори та Сухогомільшанського. Вона відмітила той факт, що переважна більшість з них споруджена на залишках скіфських городищ, які розташовувались на високих важкодоступних мисах, а в подальшому на тих з них, що були згадані в КБЧ, міститься також і культурний шар XVII-XVIII стст. Салтівські городища С.А. Плетньова розділяє на два види за ступенем їх захищеності та за характером використання: перший вид – з одним або двома рядами кам'яних укріплень і валів та культурним шаром; другий вид – з трьома або більшою кількістю рядів укріплень і майже повною відсутністю культурного шару. До першого виду були віднесені Дмитрівське, Верхньосалтівське, Кабаново, Коропові Хутори і Сухогомільшанське 1 (С.А. Плетньова вбачала в Сухогомільшанському археологічному комплексі два окремих городища, розташованих на сусідніх мисах: саме городище значилось як Гомольша 2, а територія селища – як Гомольша 1). До другого виду були зараховані Нежегольське, Волчанське, Мохначанське та Сухогомільшанське 2 [11, с. 7-11].

Подальша трансформація поглядів С.А. Плетньової на фортифікацію салтівських лісостепових городищ полягала в намаганні показати особливості оборонних споруд пам'яток через призму розвитку суспільного ладу салтівців. Даному аспекту була присвячена монографія дослідниці, сама назва якої відображала загальну концепцію: «От кочевий к городам». В зв'язку з цим С.А. Плетньова розглядає відомі їй городища всієї території Хазарського каганату без врахування територіальних та інших особливостей пам'яток, тим самим підкреслюючи загальнодержавний характер салтівської культури. А безпосередньо фортифікація, зокрема, її будівельні особливості, на думку С.А. Плетньової відображала загальнодержавні, соціальні процеси феодалізації суспільства Хазарського каганату. Це виразилось в новій типології, що поділяла всі городища зазначеного державного утворення на три види: перший – поселення з земляними укріпленнями, другий – кам'яні замки та третій – міста [8, с. 22-50].

До першого типу дослідниця віднесла шість городищ (біля хуторів Средного і Кар-

науково, на р. Котлубанній, у м. Каменськ-Шахтинський на р. Сіверський Донець та біля с. Костомарово на верхньому Дону), серед яких на території лісостепу було розташоване лише одне – Костомарівське. Характерними рисами даної групи пам'яток, за визначенням С.А. Плетнєвої, були: мисове розташування; наявність земляного валу та рову, якими була огорожена частина поселення; явна осілість населення, свідомством якого були, перш за все, знахідки кісток свині, серпів і жорен; великий розмір поселень і насичений знахідками культурний шар. Сам факт появи пам'яток першого виду С.А. Плетнєва вбачала в процесах феодалізації суспільства Хазарського каганату. Наголошуючи, що всі шість городищ з земляними укріпленнями не були прикордонними фортецями, а поряд з городищем у всіх випадках були розміщені селища з однаковим за своїми характеристиками культурним шаром, порівняно з територією, захищеною оборонними спорудами, і що, в свою чергу, свідчило про однакову заселеність двох частин поселення (укріпленої і неукріпленої), автор концепції робить висновок, що будівельники укріплень не ставили за мету захистити всіх мешканців поселення, тобто самі фортеці охороняли не від зовнішніх ворогів. А, отже, такі городища є замками феодалів, що призначалися для захисту лише частини населення – аїлу, пов'язаного в єдине ціле вже не родовими, а феодалськими зв'язками. С.А. Плетнєва визначає їх терміном «феодалні кочівницькі замки», що «...могли виникнути в середовищі кочовиків, які осідали на землю, оскільки тільки у кочовиків в процесі феодалізації з'являлись крупні на початку випасно-кочові, а потім землеробсько-скотарські колективи, об'єднані багатієм-феодалом». В той же час дослідниця наголошує, що великий замок, укріплений земляними валами, є перехідною формою від кочовища до звичайного невеликого замку, але це не означає, що земляні замки більш давні відносно кам'яних. Матеріал оборонних споруд та їх розмір лише свідчать, перш за все, про ступінь соціального розвитку: великі поселення з земляними укріпленнями – менш розвинута форма; невеликі поселення з міцними кам'яними укріпленнями – більш розвинута форма [8, с. 24].

До другого виду (кам'яні замки) С.А. Плетнєва віднесла 12 городищ – за словами дослідниці «розвалин величавих і грізних цитаделей» [8, с. 25-32]. До їх особливостей дослідниця віднесла розміщення на високих, крутосхильних, важкодоступних крейдяних або лесових мисах, що розташовані на великих ріках – Дону, Сіверському Дінці та Осколі, а також наявність кам'яних оборонних споруд (валів або стін). Безпосередньо до городищ другого виду були віднесені Нежегольське, Верхньосалтівське, Кабаново, Мохначанське, Сухогомільшанське, Дмитрівське, Волчанське, Коропові Хутори в долині р. Сіверський Донець, городище біля с. Подлисенкі на р. Оскол та Маяцьке, Карабут і Правобережне Цимлянське на Дону. Всі ці пам'ятки, не дивлячись на їх територіальну віддаленість одна від одної, представляють одну групу. Слід відмітити, що в цю групу, виділену С.А. Плетнєвою, потрапили, за винятком Правобережного Цимлянського городища, лише лісостепові пам'ятки.

Автор типологічного відбору розділяє другий вид (кам'яні замки) на два типи. До першого типу другої групи С.А. Плетнєва віднесла городища Дмитрівське і Коропові Хутори. Їх характерними ознаками були спорудження на залишках скіфських оборонних споруд з обпаленими валами, однорядність оборони, можлива наявність допоміжної земляної лінії, близької за ознаками укріпленням першого виду, та наявність великих відкритих поселень в безпосередній близькості від цитаделі.

До другого типу другого виду С.А. Плетнєвою були віднесені п'ять городищ: Архангельське, Мохначанське, Сухогомільшанське в долині р. Сіверський Донець, Подлисенкі на р. Оскол та Карабут на р. Дон. Характерні ознаки вищезначених пам'яток, як можна зрозуміти з наведених дослідницею описів городищ, є багаторядність кам'яних ліній оборони (дві або більше), наявність кам'яних укріплень по периметру, розділеність цитаделі поперечним валом, а також наявність в системі оборони ескарпування мисового майданчика, відмічене С.А. Плетнєвою лише для городища Карабут. Також біля таких укріплень не є обов'язковим розташування відкритого поселення.

В той же час автор типологічного відбору відмічає, що внаслідок поганої збереженості Кабанового та Верхньосалтівського городищ останні не можуть бути впевнено класифіковані, але, скоріш за все, повинні бути віднесені до першого типу.

С.А. Плетньова окремо виділяє Ютановське городище на р. Оскіл, яке, на її думку, виділялося надзвичайністю укріплень. Пам'ятка, розташована на високому крутосхилому корінному мисі правого крейдяного берега, що в плані являв собою неправильний чотирикутник з підвищенням по центру. Ніяких оборонних споруд по периметру дослідниці не відмічає за винятком західного схилу (яру), який був ескарпований. В той же час з напільного боку городище укріплене п'ятьма міцними лініями оборони з валів, насипаних з щебеню. Між валами проходили рови. За думкою С.А. Плетньової, лише Архангельське городище можна порівняти з Ютановським. Всі інші салтівські укріплення, на думку дослідниці, не мали таких «грандіозних» оборонних споруд [8, с. 32].

Окрім цього, С.А. Плетньова вбачає деяку спорідненість з салтівськими укріпленнями слов'янського городища Сторожевое, розташованого на р. Дон, вище впадіння в нього р. Тіхая Сосна [8, с. 32, 33].

С.А. Плетньова, підсумовуючи загальні спостереження щодо салтівських городищ, відмічає найбільш стійкі ознаки кам'яних городищ: мисове розташування та розміри. Всі інші риси, не враховуючи тих, що дозволили їй розподілити пам'ятки по видам та типам, притаманні всім городищам. Також дослідниці відмічає майже на всіх укріплених пам'ятках (незважаючи на те чи були вони розташовані на залишках городищ раннього залізного віку, чи не були) наявність скіфського «впливу», що, на її думку, виразилося в ескарпуванні схилів, наявності декількох ліній оборони, ворітного отвору, спорудженні укріплень по периметру.

В той же час витоки конструктивних особливостей салтівських оборонних споруд С.А. Плетньова вбачає в Закавказзі, Криму та Візантії, а в самому способі двошпанцيرної кладки – в будівельних традиціях, вироблених ще за римських часів.

Відокремлені поперечними валами-перегородками частини цитаделі, на думку С.А. Плетньової, являли собою святилища,

що свідчило про концентрацію феодалом духовних і світських функцій. Наслідком розвитку феодалізму в салтівському суспільстві (відділення функцій князя і жерця) було створення відділеного від замку феодала укріпленого святилища, яким, на думку дослідниці, було Волчанське городище [8, с. 34].

Третій вид городищ, за принципами типологічного відбору С.А. Плетньової, являли собою міста. До першого типу дослідниці відносить такі з них, що виростили з феодальних садиб: Саркел, Ігіль, Семендер, а також Семикаракорське. До другого типу були віднесені міста Боспору і Криму, що були відстроєні в кінці VIII ст. в умовах бурного економічного розвитку після розорення гунами. Серед останніх, за твердженням С.А. Плетньової, можна назвати такі як Фанагорію, Херсон, Таматарху (Самкерц), Керч. В цих містах перебували хозарські намісники – тудуни [8, с. 44-49].

В більш пізніх своїх роботах С.А. Плетньова з огляду на постійне поповнення археологічних даних щодо салтівських городищ в деякій мірі трансформує свої погляди на них, але в цілому зазначає, що залишаються в силі її спостереження, зроблені раніше щодо характеру білокам'яних стін фортець для лісостепового варіанту і земляних валів для степового [8, с. 22-24]. Хоча в той же час дослідниці визнає той факт, що в обох варіантах салтівської культури відомі обидва типи оборонних споруд, а також нерідкі укріплення з сирцевими стінами. Останні С.А. Плетньова вважає визначальною рисою виділеного нею ж дагестанського варіанту культури, де сирцеві стіни часто поєднували з кам'яними [9, с. 22]. Слід зазначити, що залишається не зовсім зрозумілим – в чому саме зберігають свою актуальність спостереження С.А. Плетньової, висловлені дослідницею раніше, в 1967 р., бо в зазначених випадках не йшла мова про регіональні особливості, а тим більше ті, які пов'язані з тією чи іншою етнокультурною традицією (такі визначення зроблені пізніше: лісостепові білокам'яні фортеці – аланський варіант [9, с. 27]), а лише наголошувалось на соціальному статусі городищ як факторі того чи іншого ступеня феодалізації салтівського суспільства – кочовиків, що знаходились на різних стадіях осіlosti.

Щодо витоків архітектурних традицій сирцевої будівельної техніки С.А. Плетньова зауважує, що вона розповсюдилась в приазовському і донських варіантах, але не стала там визначальною ознакою. На безфундаментну техніку кладки стін як антисейсмічний прийом, що набув розповсюдження на всій території Хазарського каганату, С.А. Плетньова вказує як на показник, який свідчить про розповсюдження будівельних традицій з гірських і передгірських районів, де він був необхідний – Дагестану і Криму [9, с. 22].

Відносно городищ, розташованих в басейні Тихої Сосни, С.А. Плетньова, зокрема, зазначає наявність в даному мікрорегіоні прямокутних в плані городищ, розташованих на великих селищах. Їх оборонні споруди були зведені, окрім крейдяних каменів, за допомогою сирцевої цегли. Розповсюдження цієї будівельної традиції (використання сирцевої цегли), витoki якої, як вже зазначалося, С.А. Плетньова виводить з території степового Дагестану, пов'язане з просуванням хазарського володарювання, а разом з ним і будівельників, в лісостеповий регіон. Дослідницею робиться припущення, що вони могли споруджуватись за ініціативою та наказом хазарської влади. Окрім того, вона не згодна з думкою Г.Є. Афанасьєва, згідно якої городища вздовж русла Тихої Сосни були прикордонними фортецями і відстоює точку зору про різноманітні функції даних пам'яток – від караванних стоянок на торговельному шляху до пунктів для збірників данини з сусідніх слов'янських племен [9, с. 34-41; 12, с. 53-56].

В своїх останніх роботах С.А. Плетньова виділяла безпосередньо серед лісостепових пам'яток вірогідну пам'ятку типу міста. Таку роль вона відводила Верхньосалтівському городищу [13, с. 118, 119].

Необхідно також відмітити важливий внесок в дослідження пам'яток салтово-маяцької культури, який зробив краєзнавець з смт Волоконівка, що на Белгородщині, А.Г. Ніколаєнко. Зокрема, серед значної кількості археологічних об'єктів середньовіччя він відкрив та етнічно визначив такі городища як Афоніївське та Красное [14].

Після досліджень, що були проведені Оскольською експедицією в 1981-1985 рр., московським археологом Г.Є. Афанасьєвим було відкрито два городища салтівської

культури – Павловське та Колтуновське, а також з'явилися підстави віднести до салтово-маяцької культури городища Поминовське, Мухомудьоровське та «повернути» до кола салтівських пам'яток Алексєєвське та Верхньоольшпанське [15, 16, с. 88].

Підсумки подальшого уточнення кількості лісостепових салтівських городищ Г.Є. Афанасьєв виклав в своїй монографії «Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII-X вв.» [16, с. 88-142]. В цій роботі, окрім іншого, значний розділ присвячений питанням організації оборони салтівських земель та архітектурі фортифікацій лісостепових городищ. Дослідником були розглянуті лише ті городища, які, на його думку, не залишали сумнівів щодо їх приналежності до салтово-маяцької культури. Таким чином, з 23 пам'яток, що були введені до наукового обігу за весь час вивчення питання, він залишає поза сумнівами 20 (були виключені городища Кабаново, Вербовське та Костомарово) [16, с. 88, 89]. Беручи за взірць принципи класифікації руських городищ, що викладені в працях П.О. Раппопорта [17-19], Г.Є. Афанасьєв створює класифікацію салтівських городищ лісостепової зони. Дослідник поділив їх на 4 типи згідно планової структури оборонних споруд у порядку їх ускладнення, а також будівельним матеріалам і прийомам, що застосовувались під час їх будівництва [16, с. 89-142].

До першого типу відносяться городища, що розташовані на зручних мисах корінних берегів річок. Їх оборонні споруди були побудовані в більш давній час і населенням салтово-маяцької культури не використовувались. До даного типу були віднесені городища Архангельське, Большое Городище, Афоніївське та Подлисенки. З цього логічно витікає, на нашу думку, що вище перелічені пам'ятки, які не можна пов'язувати з будівельною технікою салтівців, не слід відносити до кола фортифікаційних пунктів салтово-маяцької культури.

Городища другого типу відображують систему фортифікації VIII-X стст. н.е. Вони розташовані на вузьких мисах корінних берегів і мають вали чи рови лише зі сторони поля. До цього типу віднесено городища Ютанівське, Поминово, Павловське та Карабут.

Третій тип представлений городищами, які також розташовані на мисах корінних берегів річок, але мають рови та вали по всьому периметру укріпленого майданчику. На цих городищах фортифікаційна архітектура відображена двома історичними епохами – раннім залізним віком і VIII-X стст. н.е. Це наступні городища: Мохначанське, Коропові Хутори, Сухогомільшанське, Волчанське та Дмитрівське.

Найбільш досконалі фортифікаційні споруди, за класифікацією Г.Є. Афанасьєва, містять в собі городища четвертого типу. Вони докорінно відрізняються від системи оборони городищ попередніх типів чіткою геометричною формою укріплень, будівельними прийомами і використанням матеріалом. Під час планування городищ цього типу рельєфу місцевості приділялося другорядне значення. У залежності від своїх якостей він лише прикривав підступи до даних фортець. До даного типу Г.Є. Афанасьєв відніс городища Верхньосалтівське, Красное, Алексєєвське, Колтуновське, Мухомудьоровське, Верхньоольшанське та Маяцьке.

З часом у світлі нових даних типологія Г.Є. Афанасьєва, яка протягом близько чверті століття відіграє важливу роль для визначення характеристик салтівських городищ, все більше не задовольняє дослідників, виявляється все більше її недоліків: стають більш «розмитими» принципові ознаки окремих типів [20], спірною є найбільша досконалість городищ четвертого типу порівняно з іншими та й сам поділ на типи за принципом планування і, відповідно, пов'язаної з цим градації досконалості укріплень, не може бути єдино правильним. Як зазначив М.П. Кучера, «не можна розподіляти городища на типи за їх формою. Остання залежить від топографічного і суспільно-історичного факторів і в класифікаційній схемі городищ вона повинна займати місце похідної функції. Форма набувала певного історичного змісту лише після з'ясування топографічної локалізації городищ. Її слід розглядати як атрибут, конкретизуючи деталі кожного типу, виділеного за умовами топографічного місцезнаходження» [21, с. 19, прим. 1]. З іншого боку, безперечно, що за розгляду планування городищ, розташованих на рівній місцевості, без використання в повній мірі захисних властивостей рельє-

фу, можна прослідкувати норми оборонного будівництва і з'ясувати які форми, надані укріпленням, вважалися раціональними на тій чи іншій території за тієї чи іншої історичної доби [21, с. 18]. Наприклад, побудова укріплень без максимального використання природних захисних рубежів є важливим недоліком і вимушеною серйозними обставинами мірою, за якої організація оборони в прямокутному чи круглому захищеному периметрі, за правилами спорудження фортифікаційних споруд, є найбільш оправданою і простою, оптимальною в реалізації мірою [22, с. 159]. Іншими словами, якщо зводились городища на місцевості, яка не мала підходящих на те природних перепон, які можна було використати в повній мірі, то це було визвано лише крайньою необхідністю побудови укріплень саме в тому місці, переслідуючи дуже важливі стратегічні цілі.

Г.Є. Афанасьєв також висунув думку про створення в салтівський період захисної лінії з городищ четвертого типу як протипази експансії боршевців з півночі [23, с. 148]. Беручи до уваги найбільш досконалу в порівнянні з іншими типами фортифікаційну архітектуру, дослідник підтримує припущення В.А. Бабенка стосовно участі в будівництві Маяцької фортеці візантійських майстрів [1, с. 469, 470], розповсюджуючи цю точку зору на всі городища даного типу.

Необхідно відмітити, що не всі дослідники поділяють ці погляди. Зокрема, А.В. Комар та О.В. Сухобоков вважають, що мова може йти не про участь візантійських майстрів в їх будівництві, що відмічено в писемних джерелах лише для Саркела, а про синтез візантійських і місцевих традицій будівництва. Саме його з успіхом засвоїли і використали пізніше салтівські майстри [24]. До речі, ми не маємо ніяких свідчень та археологічних матеріалів щодо безпосередньої участі візантійських майстрів в побудові салтівських лісостепових городищ.

Дещо пізніше в своїй роботі «Донские аланы» Г.Є. Афанасьєв дещо змінює список салтівських лісостепових городищ. Продовжуючи висловлювати сумніви щодо городищ Костомарово та Кабаново, дослідник долучає до списку Усердське, Старосалтівське та Вербовське [23, с. 124]. Таким чином, в першій половині 90-х рр. дослідник оперував 23 городищами, що не викликали у нього

сумнівів відносно їх приналежності до кола салтово-маяцьких пам'яток, та 2-ма городищами, в яких він не був в цьому відношенні впевнений.

З 90-х рр. і до нашого часу вивченням лісостепових городищ СМК займалися, головним чином, В.В. Колода (городища Сіверське (Мілове), Волчанське, Верхньосалтівське, Мохначанське, Коропові Хутори) [25-33], Н.В. Чернігова (Верхньосалтівське городище) [34-36], В.К. Міхеев, Ю.В. Буйнов, А.К. Дегтярь (Сіверське городище) [37; 38], А.В. Криганов (Вербовське та Мартівське городища) [39, 40], О.Г. Дьяченко (Яблонівське городище) [41] та Г.Є. Свистун (городища Хотомільське, Кочеток-I, Кочеток-II, Кицівське, Кабаново, Мохначанське, Верхньосалтівське, Коропові Хутори, Чугуївське) [42-49]. Всі ці новітні дослідження дали змогу значно скорегувати список салтівських лісостепових городищ, виявити особливості їх будівельної техніки та архітектурних рішень тощо.

Розглянувши основні етапи трансформації уявлень щодо соціальної та стратегічної ролі салтово-маяцьких лісостепових городищ, ми можемо констатувати, що дані пам'ятки з самого початку вивчення археологічної культури потрапили в поле зору дослідників. За час дослідження лісостепових городищ значно змінювались уявлення щодо соціальної та стратегічної ролі даного кола пам'яток. Довгий час не було чіткої уяви відносно кількості городищ та їх архітектурних особливостей. До речі, кількість салтово-маяцьких городищ уточнюється дотепер. За останні роки було переінтерпретовано давно відоме (з XVI ст.) Чугуївське городище, яке до останнього часу вважалося то скіфським, то роменським, то давньоруським без всякого на те наукового підґрунтя. Незважаючи на фактичну відсутність матеріалів археологічних досліджень, Чугуївське городище було нанесене Б.А. Шрамко на карту пам'яток скіфського часу басейну Сіверського Дінця [50, с. 136, рис. 1]. Також у свідомості громадськості досить міцно закріпилася думка про давньоруську приналежність укріплення [51, с. 627] і саме з такою культурно-хронологічною інтерпретацією Чугуївське городище було внесене в реєстр і довідник археологічних пам'яток, розташованих в Харківській області [52, с. 138]. Тільки в ході археологічного шурфування,

вперше проведеного в 1996 р. [53], а потім розкопок протягом 2005-2007 та 2009 рр. [43, 44, 46, 47] було документально зафіксовано салтово-маяцьку приналежність Чугуївського городища за повної відсутності матеріалів скіфського, роменського та давньоруського часів.

Подібна ситуація склалася і з Міловим (Сіверським) городищем, яке довгий час відносилось до скіфського часу. На основі отриманих в процесі розкопок даних В.В. Колодою було наочно показано салтово-маяцьку приналежність даної пам'ятки [54].

За останні півтора десяти років відкриті або знов віднайдені городища Кочеток-I, Кочеток-II, Кицівське, Мартівське, Хотомлянське, Яблонівське та остаточно зняте питання щодо приналежності до кола салтово-маяцьких старожитностей городищ Кабанового та Вербовського.

Також слід наголосити на за якихось причин «забутих» в працях салтовознавців городища, розташованих в нижній течії Осколу – Пристін і Горохуватка, які мають всі ознаки лісостепових укріплень від застосованого будівельного матеріалу до планування і особливостей розміщення на місцевості [55, с. 7; 56, с. 102; 57, с. 9, 10].

На сьогодні до кола салтівських городищ, розташованих в лісостеповій зоні, можна впевнено віднести 31 пам'ятку. Вони розташовані в долинах річок Сіверський Донець, Оскіл та Тіхая Сосна на високих правих берегах безпосередньо вказаних річок або їх притоків: 17 – в Сіверськодонецькому, 5 – в Оскольському та 8 – в Тіхососновському мікрорегіонах. Лише одне локально розташоване городище Карабут в межах Лісостепу відоме на р. Дон (Рис. 2).

Городища долини Сіверського Дінця розташовані в межах сучасних Харківської обл. України (16) та Белгородської обл. Росії (1). На сьогодні виявлено, віднесено до салтівської культури та різною мірою досліджено наступні пам'ятки (з півночі на південь): Дмитрівське (Добринське), Огурцово, Волчанське, Верхньосалтівське, Старосалтівське, Хотомільське, Мартівське, Кицівське, Кочеток-I, Кочеток-II, Чугуївське, Кабаново (Кабаково, Старопокровське, Есхар), Мохначанське, Коропові Хутори (Коробові Хутори), Сухогомільшанське, Сіверське (Мілове) та Вербовське (Першомайське). Вірогідно, але

практично не доказаною на сьогодні є приналежність до кола салтівських пам'яток Белгородського городища, яке згадується в давніх документах та праці В.В. Пассека. Дослідник вбачав подібність та належність до єдиної системи лінії оборони городищ, розташованих вздовж правого берега Сіверського Дінця. Звичайно, на час огляду (40-і рр. XIX ст.) В.В. Пассеком цієї групи пам'яток їх культурна приналежність не була відома. Але на наш час виявляється, що до вище зазначеного кола фортифікаційних пунктів Сіверсько-донецького регіону дослідником за зовнішніми ознаками були віднесені саме салтівські лісостепові городища [58, с. 197-199].

Городища в долині р. Оскіл розташовані в межах сучасних Белгородської області Росії (3) та Харківської області України (2). На сьогодні виявлено, віднесено до салтівської культури та різною мірою досліджено наступні пам'ятки (з півночі на південь): Ютанівське, Поминово, Яблонівське, Пристін та Горохуватське. Городища згруповані двома групами – в верхній та в нижній частинах течії р. Оскіл. В межах середнього Осколу пам'яток салтівської фортифікації на сьогодні не відомо¹⁾.

Городища в долині р. Тіхая Сосна розташовані в межах сучасних Белгородської (1) та Воронежської (6) областей Росії. На сьогодні виявлено, віднесено до салтівської культури та різною мірою досліджено наступні пам'ятки (з заходу на схід): Красное, Алексеевське, Колтуновське, Мухомудьоровське, Верхньоольшанське, Павловське та Маяцьке. С.А. Плетньова робила припущення щодо існування в минулому ще одного городища на території сучасного м. Острогожська Острогожського району Воронежської області Росії, яке контролювало розташований у фортеці брід через р. Тіхая Сосна. Але функціонуюче місто призвело до руйнування городища [9, с. 41]. На наш час практично не збереглося Усердське городище, хоча його приналежність до салтівського кола пам'яток доказана Г.Є. Афанасьєвим [23, с. 124]. Тому ми повинні враховувати дану пам'ятку при характеристиці загальної системи оборони в означеному мікрорегіоні.

Як показують дослідження останніх років, ставити крапку у питанні визначення кількості лісостепових городищ ще зарано. Ознаки укріплень має салтово-маяцька пам'ятка поблизу с. Огурцово [59, с. 4, 5, 22; 60, с. 5], ряд салтівських «гнізд» поселень в силу свого топографічного розташування потенційно і дуже вірогідно мали свої укріплені центри і остаточно відповісти на це питання можливо лише за умови продовження інтенсивних розвідок на означеній території. На жаль, цій справі почасти заважають все більш зростаюча автономність наукового пошуку українських та російських вчених в силу розподілу салтівського Лісостепу між двома сучасними державами та загальні кризові явища, малочисельність спеціалістів та фактично відсутнє на сьогодні фінансування таких археологічних досліджень.

В останні роки в наукових дискусіях особливо жваво обговорюється питання щодо соціально-політичної та військово-стратегічної ролі городищ салтівського лісостепу. В спеціалізованій літературі відмічаються спроби виділення серед таких пам'яток середньовічних міст, замків, пунктів збору данини центральною владою, прикордонних фортець по лінії північно-західного кордону Хазарського каганату, торткулів, святилиц тощо. Для одних тверджень немає достатніх документальних підстав, для других характерна односторонність підходу з відбором окремих факторів за ігнорування інших. Почасти виною цьому недостатня або дуже різна за обсягом дослідженість пам'яток, відсутність об'єктивних критеріїв, що не дає змогу повноцінного порівняльного аналізу. В усякому разі такі спроби повинні проводитись і деякі особливості лісостепових салтівських городищ на сьогодні є безперечно визначеними як то принципи топографічного розташування, застосовані будівельні прийоми та будівельні матеріали, співвідношення розміщення з давніми бродами через русла річок та ін. Зокрема, на сьогодні встановлено взаємозв'язок застосування будівельних матеріалів та архітектурних форм оборонних споруд в залежності від будівельного матеріалу, що знаходив своє застосування на городищах. У рамках лісостепу залягають та мають виходи, доступні для розробок дав-

1) Про причини такої локалізації оскольської групи городищ дивлячись в статті Г.Є. Свистуна та С.А. Горбаненка в цій збірці

нім населенням, природні будівельні матеріали, зокрема такі як крейда, вапняк, мергель, пісковик. В цілому геологічні поклади та виходи на поверхню будівельних матеріалів на даній території говорять про перевагу таких доступних для розробок в ранньому середньовіччі покладів як пісковики та крейда. Їх виходи на поверхню зонуються територіально в окремих мікрорегіонах салтівського лісостепу: крейдяні породи – в долині Сіверського Дінця на кордоні зі степом та в верхів'ях ріки, а також вздовж русла Тихої Сосни. На інших територіях, що розглядаються, переважали пісковики [61, 1936] (Рис. 2). Ці обставини значною мірою вплинули на вибір будівельного матеріалу та застосування тих чи інших будівельних прийомів під час побудови оборонних споруд.

Також можна стверджувати, що переважаючи більшість укріплень розташовувались поблизу переправ на високих правих берегах, чим наочно вказується їх військово-стратегічна направленість проти протилежних, лівих берегів, звернених на схід чи південний схід. До того ж ряд салтівських поселень розташовані за лінією укріплень вздовж р. Сіверський Донець в західному напрямку (Рис. 1). При цьому ці поселення на Заході не мають укріплень і розташовані на близькій відстані від селищ слов'янського світу. Все це зовсім не свідчить щодо жорсткого контролю кордону Хазарським каганатом в Сіверсько-донецькому мікрорегіоні за допомогою лінії оборони, створеної з салтівських лісостепових городищ. Навпаки, вся міць цих городищ і військово-стратегічний потенціал був звернений у зворотньому напрямку²⁾.

Пояснення привабливості даних територій для салтівського населення, полягала скоріш за все, і **в першу чергу** в економічних чинниках, а не виключно необхідністю «виживати» в умовах потенційної загрози зі сторони слов'янського (руського) світу, виконуючи розпорядження центральної влади Хазарського каганату³⁾. В цьому зв'язку

слід звернути ретельну увагу на природно-кліматичні умови, за яких виникли та функціонували салтівські лісостепові пам'ятки. Нагадаємо, що це частина Східноєвропейського Лісостепу, ще окреслена, головним чином, територією річкових долин Сіверський Донець, Оскіл та Тихая Сосна, а також невеликих ділянок в межах відрізків течій їх приток та річки Дону (Рис. 1, 2). У природно-географічному відношенні салтово-маяцькі городища Сіверськодонецького, Оскольського та Тихососновського мікрорегіонів розташовані в лісостеповій зоні помірного поясу. Ландшафти лісостепів, як і степових зон помірного поясу, виникли в пліоцені і перетерпіли значну еволюцію в епоху четвертинного періоду. У силу цього первісний ландшафт території являв собою високі корінні миси правих берегів річок. Унаслідок наближення кількості вологи, що надходить з атмосферними опадами, до кількості випаровуваності склався лісостеповий тип ландшафту. Такі кліматичні умови сприяють розвитку і лісових, і лугових рослинних співтовариств. З'єднання деревної і трав'яної рослинності, зміна їх як у просторі, так і в часі обумовили надзвичайну строкатість ґрунтового покриву. У ґрунтах спостерігаються ознаки, зобов'язані як дерновому, так і підзолютворюючому процесам. Також спостерігається уповільнена мінералізація. Розкладання органічних речовин відбувається, головним чином, у результаті дії бактерій і приводить до утворення значної кількості гумінових кислот, що переважають над фульвокислотами. Це сприяє виникненню міцної структури, високої поглинаючої здатності й інших сприятливих агрономічних властивостей. Головні типи ґрунтів: сірі лісові, котрі мають найбільш сильні ознаки опідзолювання, чорноземи (головним чином опідзолені і вилужені), лучно-чорноземні і чорноземовидні. **Висока природна родючість ґрунтів є однією з головних причин, які сприяли сільськогосподарському освоєнню цих територій.** Також слід відмітити, що в системі ґрунтових зон помірного поясу лісостепова зона виділяється багатством гумусу та потужністю своїх ґрунтів. **Як північніше, в лісовій зоні, так і**

2) Дещо більш докладніше про це в статті Свистуна Г.Є. та С.А. Горбаненко в цій збірці.

3) Хоча слід зауважити, що це твердження справедливе, перш за все, для Сіверськодонецького мікрорегіону. Ситуація з лінією північних городищ вздовж р. Тихої Сосни, можливо, дещо відмінна, хоча багато в чому і споріднена з Сіверськодонецьким та Оскольським мікрорегіонами. До речі, тихососновська група укріплень має відмінності і в

архітектурі, хоча теж, безперечно, контролювала переправи через водні артерії.

південніше, в степах, відбувається зменшення потужності ґрунтів і кількісного падіння в них гумусу [62, с. 49]. Саме ці фактори, окрім іншого, і зумовили, вочевидь, вибір місць в лісостеповій зоні для розселення і подальшого освоєння салтівським населенням, в основі господарства якого було розвинуте землеробство та випасне скотарство. Слід зауважити, що салтівські поселення в лісостеповій зоні концентрувалися вздовж русел річок. Тому схема розповсюдження даної групи старожитностей, що наводиться в роботах Г.Є. Афанасьєва [16, рис. 1; 1993, рис. 1], дещо не відповідає дійсності, окреслюючи всю територію лісостепу до умовно встановленої лінії кордону лісостепової та степової природно-кліматичних зон. В той же час, група салтівських лісостепових пам'яток, які розташовані в басейнах річок Мож та Уди, Сіверського Дінця та Осколу за якоїсь причини не ввійшли до ареалу лісостепового варіанту СМК (Рис. 1).

Також на даних територіях, які тягнуться до Курської магнітної аномалії (Рис. 1), були широко розповсюджені багаті поклади залізної руди, доступні для розробок в ранньому середньовіччі за умови, до того ж, великої кількості необхідного для виробництва палива у вигляді деревини. Це також, безперечно, притягувало в ці місця осіле населення з високо розвинутою, як на той час, металургійною справою. Широке впровадження останньої сприяло соціально-економічному розвитку в умовах збільшення попиту на залізорудну продукцію. В порівнянні зі степовими регіонами територія салтівського

лісостепу була більш багатою на залізну руду. Всю його територію можна геологічно розділити на дві рудоносні ділянки: на північ від р. Вовча і на південь від неї. Найбільш багатими сировиною, доступною для розробки, є верхів'я річок Осколу і Сіверського Дінця. Салтівські металурги використовували легкоплавкі лімонітові руди і, вірогідно, поклади Курської магнітної аномалії [61, с. 147-150; 63, с. 95, 96, рис. 1; 64, с. 89, 90]. Про «насиченість» селищами, об'єднаними в «гнізда» навколо, можливо, виробничих (залізоплавильних) комплексів, з яких деякі відносились до пеньківської археологічної культури, що передувала на даній території салтівській (що свідчить на користь давніх коренів металургійної справи в регіоні), наголошують і А.З. Вінніков та С.А. Плетньова [9, с. 34].

Саме цей освоєний потенційно економічно важливий регіон, виходячи з вище наведених факторів, і змушене були укріплювати лісостепове салтівське населення за допомогою фортифікацій в період військово-політичної кризи у відповідь на загрозу, що витікала зі східного чи південно-східного напрямку.

Як ми могли спостерігати, соціально-економічні процеси та пов'язані з ними явища у життєдіяльності лісостепової салтово-маяцької спільноти є досить складними та багатогранними. І простими поясненнями причин побудови салтівських лісостепових городищ як то лише необхідністю контролю північно-західного загальнодержавного кордону Хазарського каганату їх навряд чи можливо пояснити.

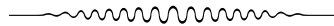
ЛІТЕРАТУРА:

1. Бабенко В.А. Памятники хозарской культуры на юге России// Тр. XV АС. – 1914. – С. 464-470. – Т. 1.
2. Колода В.В. Фортификация раннесредневекового Волчанского городища// Проблемы археологии и архитектуры. – Донецк-Макеевка, 2001. – С. 113-117. – Т. I.
3. Замятнин С.Н. Археологические разведки в Алексеевском и Валуйском уездах// ВИАВ. – 1921. – С. 7-28. – № 2.
4. Артамонов М.И. Саркел и некоторые другие укрепления Северо-западной Хазарии// СА. – 1940. – С. 48-83. – Вып. VI.
5. Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона// МИА. – 1958. – С. 85-150. – № 62.
6. Шрамко Б.А. Отчет об археологических исследованиях ХГУ на территории Белгородской и Курской областей в 1958 г.// НА ИА РАН. – Р. 1. – № 1843.

7. Шрамко Б.А. Отчет о полевых исследованиях за 1958 г.// НА МАЭСУ ХНУ им. В.Н. Каразина.
8. Плетнева С.А. От кочевий к городам// МИА. – 1967. – № 142.
9. Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. – Воронеж, 1998.
10. Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона// МИА. – 1958. – С. 85-149. – № 62.
11. Плетнева С.А. Средневековые поселения верховья Северского Донца// КСИИМК. – 1960. – С. 3-20. – Вып. 79.
12. Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. – М., 2000.
13. Плетнева С.А. Города в Хазарском каганате (доклад к постановке проблемы)// Хазарский альманах/ Редкол.: В.К. Михеев (гл. ред.), А.И. Айбабин, В.С. Аксёнов и др. – Харьков, 2002. – С. 110-124. – Т. 1.
14. Николаенко А.Г. Отчет об археологических работах в Волоконовском районе Белгородской области в 1973 г.// НА ИА РАН. – Р. 1. - № 4982.
15. Афанасьев Г.Е. Памятники салтово-маяцкой культуры в долине р. Тихой Сосоны// Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н.э. – Воронеж, 1983. – С. 90-94.
16. Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна среднего Дона в VIII-X веках (аланский вариант салтово-маяцкой культуры)// Археологические открытия на новостройках. – М., 1987. – Вып.2.
17. Раппопорт П.А. Очерки по истории русского военного зодчества X-XIII вв.// МИА. – 1956. – С. 42-68. – № 52.
18. Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества Северо-восточной и Северо-западной Руси X-XV вв.// МИА. – 1961. – С. 48-75. – № 105.
19. Раппопорт П.А. Военное зодчество западнорусских земель X-XIV вв.// МИА. – 1967. – С. 27-56. – № 104.
20. Свистун Г.Е. К вопросу о строительном материале и архитектуре салтовских лесостепных городищ бассейна Северского Донца// Харьковский археологический сборник. – Харьков, 2007. – С. 40-58. – Вып. 2.
21. Кучера М.П. Слов'яно-руські городища VIII-XIII ст. між Саном і Сіверським Дінцем. – К., 1999.
22. Бусмар. Общий опыт фортификации или науки военного укрепления с атакою и обороною крепостей. – СПб, 1818.
23. Афанасьев Г.Е. Донские аланы: Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. – М., 1993.
24. Комар А.В., Сухобоков О.В. Вооружение и военное дело Хозарского каганата// Восточноевропейский археологический журнал. – 2000. – [http://www. archaeology.kiev.ua|journal](http://www.archaeology.kiev.ua|journal).
25. Колода В.В. Археологические разведки в бассейне верхнего течения Северского Донца// НА НИАЛ ХНПУ. – Харьков, 1987.
26. Колода В.В. Отчет об археологических исследованиях Средневековой экспедиции Харьковского госпедуниверситета в г. Волчанске в 1994 г.// Архів НДАЛ ХДПУ. – Харьков, 1995.
27. Колода В.В. Отчет об археологических исследованиях Средневековой экспедиции Харьковского госпедуниверситета в г. Волчанске в 1995 г.// Архів НДАЛ ХДПУ. – Харьков, 1996.
28. Колода В.В. Отчет об археологических исследованиях Средневековой археологической экспедиции ХГПУ им. Г.С. Сковороды в с. Мохнач на Харьковщине в 1999 г.// Архів НДАЛ ХДПУ. – Харьков, 2000.
29. Колода В.В. Отчет об археологических исследованиях Средневековой археологической экспедиции ХГПУ им. Г.С. Сковороды в с. Мохнач на Харьковщине// НА ИА НАН Украины. – № 2000/95.
30. Колода В.В., Чернигова Н.В. Отчет об археологических раскопках Верхне-Салтовского городища за 1998 г.// НА ИА НАН Украины. – № 1998/82.
31. Колода В.В., Свистун Г.Е. Отчет о работе Средневековой экспедиции ХГПУ в Змиевском районе Харьковской области в 2003 году// НА ИА НАН Украины. – № 2003/211. – Ф. э. № 22922.
32. Колода В.В., Свистун Г.Е. Отчет о работе особого отряда Средневековой археологической экспедиции ХГПУ им. Г.С. Сковороды в с. Мохнач на Харьковщине// НА ИА НАН Украины. – № 2001/28.

33. Колода В.В., Крыганов А.В., Михеев В.К., Ряполов В.М., Свистун Г.Є., Тортика А.А. Отчет о работе Средневековой экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2004 г.// НА ИА НАН Украины. – № 2004/206.
34. Чернігова Н.В. Звіт про археологічні розкопки Верхньо-Салтівського городища в 1999 р.// НА ИА НАН Украины. – № 1999/17.
35. Чернигова Н.В. Отчет об археологических исследованиях Верхнесалтовского городища// НА ИА НАН Украины. – № 2000/107.
36. Чернигова Н.В. Отчет об археологических исследованиях цитадели Верхнесалтовского городища в 2001 г.// НА ИА НАН Украины. – № 2001/87.
37. Михеев В.К., Колода В.В. Исследование Северского городища// НА НИАЛ ХНПУ. – Харьков, 1987.
38. Буйнов Ю.В., Дегтярь А.К. Отчёт о работах Северо-Донецкой археологической экспедиции Харьковского госуниверситета в 1988 г.// НА ИА НАН Украины. – № 1988/60.
39. Крыганов А.В. Отчет о разведках в Балаклейском, Волчанском и Змиевском районах Харьковской области в 1994 г.// НА ИА НАНУ. – № 1994/55.
40. Крыганов А.В. Два уникальнейших фортификационных пункта Хазарии на её северо-западной окраине// VIII східнознавчі читання А. Кримського. Тези доповідей міжнародної наукової конференції. – К., 2004. – С. 139-141.
41. Дьяченко А.Г., Погорелов Ю.С., Семушев М.И. Археолого-геофизические исследования Яблоновского городища в лесостепном Поосколье// Археология центрального черноземья и сопредельных территорий. Тезисы докладов научной конференции. – Липецк, 1999. – С. 159-165.
42. Свистун Г.Є. Отчет об археологических разведках в Лесостепной зоне долины Северского Донца в 2004 г.// НА ИА НАНУ. – № 2004/37.
43. Свистун Г.Є. Отчет об археологических раскопках и разведках в лесостепной зоне долины Северского Донца в 2005 году// НА ИА НАНУ. – № 2005/34.
44. Свистун Г.Є. Отчет о работе Северскодонецкой археологической экспедиции Художественно-мемориального музея И.Е. Репина в 2006 году// НА ИА НАНУ. – № 2006/30.
45. Свистун Г.Є. Отчет о работе Северскодонецкой археологической экспедиции в 2007 г.// НА ИА НАНУ. – № 2007/133.
46. Свистун Г.Є. Отчет о работе Северскодонецкой археологической экспедиции Художественно-мемориального музея И.Е. Репина в 2007 году на территории г. Чугуева// НА ХММ И.Е. Репина. – Ф. № 14. Опись № 1. Дело № 7.
47. Свистун Г.Є. Отчет о проведении охранных археологических исследований на Чугуевском городище и Кочетокском могильнике в 2009 году// НА ХММ И.Е. Репина. – Ф. № 1. Опись № 1. Дело № 8.
48. Колода В.В., Свистун Г.Є. Отчет о работе особого отряда Средневековой археологической экспедиции ХГПУ им. Г.С. Сковороды в с. Мохнач на Харьковщине// НА ИА НАН Украины. – № 2001/28.
49. Колода В.В., Крыганов А.В., Михеев В.К., Ряполов В.М., Свистун Г.Є., Тортика А.А. Отчет о работе Средневековой экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2004 г.// НА ИА НАН Украины. – № 2004/206.
50. Шрамко Б.А. Поселення скіфського часу в басейні Дінця// Археологія. – 1962. – Т. XIV.
51. История городов и сел Украинской ССР. – Том Харьковская область. – Киев, 1976.
52. Шрамко Б.А., Михеев В.К., Грубник-Буйнова Л.П. Справочник по археологии Украины (Харьковская область). – Киев, 1977.
53. Бабенко Л.И. Отчет о работе археологической экспедиции Харьковского исторического музея в полевом сезоне 1996 года// НА ИА НАН Украины. – № 1996/64.
54. Колода В.В. Культурно-хронологическая интерпретация Северского городища близ с. Меловая на Донце// Древности. – Харьков, 2005. – С. 187-195.
55. Либеров П.Д. Отчёт о работе Донецкого отряда Донской экспедиции в 1955 г.// НА ИА НАН Украины. – № 1955/20.
56. Либеров П.Д. Разведки в пойме реки Оскол// КСИА. – 1961. – Вып. 83.
57. Михеев В.К. Отчёт о музейных экскурсиях и археологических исследованиях 1970 г.// НА ИА НАН Украины. – № 1970/71

58. Пассек В.В. Границы Южной Руси до нашествия татар// Очерки России, издаваемые В. Пассеком. – М., 1840. – Т. 2.
59. Телегин Д.Я., Пузаков Е.В., Михеев В.К. Отчет о разведках археологических памятников в районе Печенежского водохранилища на реке Северском Донце в 1959 г.// НА ИА НАНУ. – № 1959/3-а.
60. Шрамко Б.А. Отчет о работе Скифо-славянской экспедиции Харьковского государственного Университета в 1959 г.// НА МАЭСУ. – Ф. 1. Опись 1. Дело 10а.
61. Турлей Г.Ф. Полезные ископаемые бассейна р. С. Донец.// Геологический очерк бассейна р. Донца. Под редакцией проф. Д. Соболева – Харьков – К., 1936. – С. 146-194.
62. Мильков Ф.Н. Лесостепь Русской равнины. – М., 1950.
63. Николаенко А.Г. Северо-западная Хазария или Донская Русь?.. (Древности Приоскольской лесостепи в заметках краеведа). – Волоконовка, 1991.
64. Колода В.В. Чёрная металлургия Днепро-Донского междуречья во второй половине I тыс. н.э. – Харьков, 1999.



СПОЖИВЧІ АСПЕКТИ СОЦІАЛЬНО-ЕКОНОМІЧНИХ ВІДНОСИН НА ПРИКЛАДІ ЧУГУЇВСЬКОГО ГОРОДИЩА САЛТІВСЬКОГО ЧАСУ

За 110 років досліджень салтово-маяцьких пам'яток на теренах Харківщини було виявлено близько 300 пунктів, які безпосередньо пов'язані з зазначеною археологічною культурою. Зокрема, серед них важливе місце займають городища, що являлись військово-стратегічними та, ймовірно за все, соціально-політичними центрами так званих гнізд поселень в лісостеповій частині Сіверського Дінця та Осколу. Такі городища утворювали захисну стратегічно важливу оборонну лінію вздовж Сіверського Дінця та поблизу дельти його приток. Вони розташовувались на стратегічно важливих місцях, вигідних з точки зору оборони та контролю навколишньої місцевості. Це переважно високі корінні миси чи останцеподібні підвищення правого берега в місцях бродів, через які протягом тривалого часу пролягали давні сухопутні дороги¹⁾. Саме останньою обставиною пояснюється те, що цілий ряд таких фортифікаційних пунктів влаштувалися та в подальші часи відновлювались на одному й тому ж місці за різних історичних періодів – добрі захисні властивості місцевості, можливість часткового використання залишків оборонних споруд попередніх часів та необхідність контролю давніх переправ ставали вирішальними факторами. Тому нам відомий цілий ряд салтово-маяцьких укріплень, що були зведені на залишках городищ раннього залізного віку, які, в свою чергу, були поновлені за часів пізнього середньовіччя під час колонізації території Дикого Поля українсько-

російськими переселенцями в XVI-XVIII стст. На підтвердження ролі городищ як пунктів контролю переправ може слугувати такий приклад, як співпадання їх місцезнаходження з бродами. Так, наприклад, на відрізку Осколу, де броди були відсутні [1, с. 454], городища в осередках салтово-маяцьких поселень невідомі. До речі, ця особливість може також свідчити на користь того, що влаштуванням укріплень салтово-маяцьке населення мало за мету захист своїх земель, перш за все, від загрози, що виникла на певному часовому проміжку і надходила зі східного чи південно-східного напрямків. Конкретне джерело цієї загрози на сьогодні за рівня сучасного стану вивченості салтово-маяцьких та інших синхронних їм у часі старожитностей Південно-Східної Європи встановити навряд чи можливо, але пошуки в цьому напрямку повинні стати одним із головних завдань салтово- та хозарознавства, від вирішення якого буде залежати наша уява стосовно загальної ролі лісостепових салтово-маяцьких пам'яток та етно-політичної ситуації в означеному регіоні за доби раннього середньовіччя. Поки що можна лише припустити, що витоком такої потенційної загрози могли стати як фактори військової експансії ззовні, так і внутрішньодержавні конфлікти, що виникали на теренах Хазарського каганату.

В рамках даної роботи будуть розглянуті окремі особливості стосовно рівня соціально-економічного розвитку одного з таких городищ в історичному центрі м. Чугуєва та прилеглої до нього території з розташованими на ній в безпосередній близькості салтово-маяцькими пам'ятками. У зв'язку з цим буде порушене питання відносно містоутворюючих тенденцій на Чугуївському городищі салтово-маяцького періоду свого існування у світлі отриманих на сьогодні археологічних даних. Віддзеркаленням останніх, окрім ін-

1) Не можна виключати і певної ролі салтово-маяцьких городищ відносно контролю водних шляхів, що пролягали по річках, на яких вони були розташовані. Маються на увазі шляхи безпосередньо по воді за допомогою плавзасобів (переважно вниз за течією і обмежено вверх проти течії), вірогідно частково пов'язані з цим шляхи вздовж русел, а також вірогідне пересування в зимовий час по льоду замерзлих водних артерій. Всі ці питання на сьогодні є мало вивченими і потребують спеціального дослідження.

шого, являється відділення ремесла від сільського господарства, міста від села. Як показали дослідження Я.А. Левицького, середньовічне поселення може іменуватися містом у випадку, коли воно стало, передусім, центром ремесла, торгівлі, промислів – тобто головних неземлеробських занять [2, с. 69]. Це твердження узгоджується і з висновками М. Вебера, який стверджував, що, окрім інших чинників, «з чисто економічної точки зору місто може бути визначене як поселення, жителі якого займаються в переважаючій своїй частині не сільським господарством, а ремеслом і торгівлею» [3, с. 309]. У такому разі поселення міського типу повинне було неминуче придбати споживчі переваги відносно сільськогосподарської продукції.

* * *

Чугуївське городище займає високий корінний мис, з якого під широким кутом і на велику відстань проглядається лівий берег р. Сіверський Донець (Рис. 1). Природні захисні характеристики обраного під зведення оборонних споруд мису і можливість контролю підходів до нього та розташованих на даному відрізку течії бродів через русло ріки зіграли вирішальну роль у виборі місця для укріплень. Надійний контроль над навколишньою місцевістю сприяв тривалому збереженню – в цілому (з перервами) близько тисячоліття – за Чугуївським городищем військово-стратегічного значення, що було втрачене лише в кін. XVIII ст. у зв'язку з докорінною зміною політичної карти даного регіону.

Згідно з археологічними даними, перші захисні споруди та найдавніші культурні нашарування поселення належать до раннього середньовіччя і були зведені носіями салтово-маяцької культурної спільноти сер. VIII-поч. X ст. Навколо укріплення зафіксовані селища, що утворюють одне з гнізд салтово-маяцьких поселень.

Перші шурфування пам'ятки проведено у 1996 р. силами археологічної експедиції під керівництвом Л.І. Бабенка [4]. Результатом стало виявлення культурних шарів салтово-маяцької культури та періоду освоєння Слобожанщини за доби пізнього середньовіччя.

Археологічні дослідження городища шляхом розвідок та розкопок продовжено

експедицією під керівництвом Г.Є. Свистуна у 2004-2007 і 2009 рр. [5-9].

На сьогодні зафіксовано сліди життєдіяльності ранньосередньовічного населення не лише на компактно розташованих навкруги городища селищах як на правому (на природних мисових підвищеннях, розмежованих руслами річок та струмків), так і на лівому (низьких та рівнинних надзаплавних терасах) берегах Сіверського Дінця, але й на прилеглому до цитаделі з південної сторони посаді, розташованому дещо вище від городища щодо заплави Сіверського Дінця (Рис. 1).

Правобережні салтово-маяцькі поселення (городище та селища) розташовані на темно-сірих опідзолених (лісових) ґрунтах. Лише з південного боку Чугуївської гори з розташованими на ній городищем і селищем-посадам є досить великий ареал чорноземів, розташований витягнутою смугою вздовж правого берега Сіверського Дінця до місця впадіння в нього правої притоки Уди. Слід зазначити, що на сьогодні на даному відрізку не зафіксовано жодного салтово-маяцького поселення (Рис. 2).

Розташування поселень на тих чи інших ґрунтах як фактор відображення комфортності екологічних умов існування, безперечно, визначало види господарчої діяльності населення. Очевидним є прагнення соціальних груп забезпечити собі стабільність отримання продукту господарчої діяльності. За цієї умови правобережні поселення, розташовані на темно-сірих опідзолених (лісових) ґрунтах, мали більшу стабільність щодо самозабезпечення продуктами землеробства порівняно з лівобережними поселеннями, розташованими на малородючих піщаних терасах, до яких далі від русла ріки прилягають чорноземні ґрунти степового простору²⁾.

Загалом археологічно досліджена площа території Чугуївського городища складає 476 м², що становить лише близько 0,35 % від загальної площі верхнього майданчика корінного мису (≈14 га)³⁾. В межах розкопів

2) Автори виражають вдячність за надану консультацію кандидату сільськогосподарських наук В.Б. Соловей.

3) Точні межі Чугуївського городища на сьогодні не встановлено у зв'язку з розміщенням пам'ятки на тери-торії сучасного міста, де ранньосередньовічні фортифікаційні споруди значною мірою знівельовані ще у XVII-на початку XIX ст. Межі виведені головним чином згідно топографічних особливостей місцевості і проходять по

виявлено зернову яму, хлібну піч, жорна та фрагменти тарного посуду, придатного для зберігання врожаю.

Зернова яма (яма-зерносховище) виявлена в розкопі 2 в південно-західній частині пам'ятки і була влаштована в центральній частині децю заглибленого підквадратного житла каркасно-стовпової конструкції (яма 13 в розкопі 2 2007 р.) [8, с. 45-48] (Рис. 3). Краї вхідного отвору зернової ями відносно підлоги приміщення мали невеликі скоси-заплечики, призначені, ймовірно, для розміщення на них дерев'яного щита-перекриття в рівень з дном житла. Яма мала округлу в плані форму, значний загальний об'єм (понад 2 м³), широкий вхідний отвір (близько 1,7 м), пласке дно (діаметром 1,7 м) та тулуб, що розширювався донизу і становив у найширшій частині діаметр 1,85 м. Заглиблення зерносховища від рівня підлоги приміщення складало 1,15 м; від заплечиків для утримування перебиття — 0,80-0,85 см (Рис. 3, 1, 2).

Заповнення ями носило пошировий характер перемежованих відкладень темного і світлого відтінків (Рис. 3, 4). Прошарки звертають на себе увагу своїми стабільними параметрами відносно товщини кожного з них та упорядкованістю горизонтальних рядів, що перемежуються між собою. Таким чином вони є занадто стабільними для запливів, які могли б утворитися внаслідок періодичного заповнення ями водою (темні полоси) і грязьовими потоками (світлі полоси) під час поступового руйнування вже покинутого житла. Вода в материковій глині утримувалась довго і її рівень в подібних випадках зазвичай відзначається темними полосами. Іншими словами, за кількістю темних нашарувань можна було б нарахувати кількість сильних водяних агресій до часу повного запливу колишнього зерносховища (весняні повені або сильні зливи тощо). Але в нашому випадку світлі прошарки не були чисто материковою глиною, а нагадували за структурою зотлілу (без доступу повітря)

органіку — скоріш за все, дерево. До того ж занадто правильними є прошарки і по вертикальним рядам і за товщиною кожного з них стабільні для звичайних запливів. Тому автори надають перевагу найбільш вірогідному поясненню, згідно з яким таке стратиграфічне заповнення ями є рештками заготовленого зерна. Пояснень тому, що могло спонукати покинути заготовлений врожай, може бути декілька. Зокрема, у випадку уходу населення з городища частину майна могли залишити, зважаючи на його нетранспортабельність. Або ж житло з зерновою ямою залишили внаслідок якогось мору. Теоретично не виключено і можливий напад, наприклад, кочовиків, для яких цінність, перш за все, представляла худоба — її мобільно, в умовах короткої тривалості набігу, можна було перегнати до степу та й для раціону харчування кочівника вона була більш підходящою.

Заповнення на момент обстеження сягало рівня заплечиків ями. Тобто його об'єм сягав 2 м³, що приблизно відповідало 20 гектолітрам або 1540 кг зерна (середній показник ваги зерна — 77 кг на 1 гектолітр) [10].

У цій же житловій споруді між ямою-зерносховищем та південно-західним кутом виявлено заглиблення розмірами 0,85×0,80 м та глибиною 0,3 м від рівня підлоги, призначене, судячи з усього, для розміщення в ньому тарного піфоса (Рис. 3, 1, 3). Рештки посудини представлені дрібними частинами червоноглиняних, шамотованих битогою керамічною масою, стінок, прикрашених нарізним прямолінійним орнаментом на зовнішній поверхні, розміщеним в горизонтальній площині. Їх концентрація в межах заглиблення вказувала на те, що розміщений піфос був за якихось причин згодом витягнутий і переміщений. Фрагмент верхньої частини червоноглиняного піфоса, повністю ідентичного за структурою тіста та іншими формальними ознаками, знайдений на дні розглянутої вище зернової ями (Рис. 4, 5). Сплощене по верху і відігнуте назовні вінце тарної посудини прикрашене насічками, виконаними зубчастим штампом. Плечико орнаментоване прокресленими в горизонтальній площині прямими лініями. Ймовірно, окрім зернової ями, для зберігання врожаю використовували й піфос, розміщений стаціонарно в ґрунтового заглибленні, влаштованому в підлозі житлового приміщення.

сідловині корінного мису — природний перешкоді, по якій зазвичай проходили лінії давніх укріплень городищ. Менш перепланованою та забудованою з більшою, в порівнянні з сьогоденням, збереженістю давніх оборонних споруд городища та первинного ландшафту його округи можна простежити на фото часів II Світової війни, зробленого з борту розвідувального німецького літака (Рис. 12).

У ході археологічних досліджень знайдено фрагменти й інших тарних піфосів, що відрізняються розмірами, якістю тіста та оздобленням (Рис. 4, 1-4, 6, 7). Але майже всі вони мали тою чи іншою мірою погано пропечене тісто, шамотове крупнозернистим керамічним боєм, рихлу структуру поверхні, що передбачало їх стаціонарне використання, виключаючи часте переміщення в просторі. Частина фрагментів зберегла сліди побілки поверхні вапняковим розчином, що могло слугувати як запобіжний засіб від проникнення паразитів до вмісту тарного посуду.

Зокрема, крупні фрагменти тарних піфосів були використані в конструкції печі-кам'янки з житлового напівземляночного приміщення з біструктурною конструкцією стін — зрубною та плетневою з глиняною обмазкою в районі розміщення опалювального пристрою (яма 1 розкопу 2 2006/2007 рр.) (Рис. 5, 1). Днище великого піфоса (Рис. 4, 6) було впущене догори дном в камеру паливника. Піч мала двокамерну конструкцію — прямокутний паливник та округлий димохід («чисту» частину) (Рис. 5, 2). Конструкція печі була частково винесена за прямокутний периметр основної камери будівлі. Конструктивні особливості печі можуть вказувати на те, що вона слугувала для випічки хліба [11, с. 272, 274-276]. Поряд з нею знайдено верхній камінь ручного жорна (ходун) (Рис. 5, 1). Крім нього на пам'ятці знайдено ще кілька жорнових каменів.

Усі ці дані, що характеризують процеси приготування їжі з продуктів землеробства, привернули увагу авторів до питання про раціон, до складу якого входили продукти землеробства. Для відповіді на це питання одним з авторів переглянуто колекцію виробів з кераміки з Чугуївського городища з метою зняття відбитків зернівок та насіння культурних та бур'янових рослин. Матеріал зберігається в фондах Художньо-меморіального музею І.Є. Рєпіна у м. Чугуїв. Зняття відбитків проводилося за загальноживаною методикою, використаною в колишньому Радянському Союзі З.В. Янушевич [12]. Надалі матеріал проаналізовано завдяки його порівнянню з раніше визначеними аналогічними зразками, а також широким колом публікацій на цю тему.

У результаті аналізу визначено 41 одиницю зернівок і насіння культурних та

бур'янових рослин (за зменшенням кількості): 14 проса (*Panicum miliaceum*), 8 пшениці голозерної (*Triticum aestivum* s. l.), 5 пшениці двозернянки (*Triticum diccocon*), 5 ячменю півчастого (*Hordeum vulgare*), 3 жита (*Secale cereale*), 1 вівса (не визначеного до виду) (*Avena* sp.), 1 насінина гороху (*Pisum sativum*); 3 стокосу (не визначеного до виду) (*Bromus* sp.), а також 1 фрагмент колоска (Рис. 6; додаток).

Для складання палеоетноботанічного спектру⁴⁾ зернівок за кількістю враховано лише основні зернові культури: просо, пшениця голозерна і пшениця півчаста, ячмінь півчастий, жито, овес. Отже, за кількістю зернівок, палеоетноботанічний спектр має наступний вигляд (%): просо — 38,9, пшениця голозерна — 22,2, пшениця двозернянка (півчаста) — 13,9, ячмінь півчастий — 13,9, жито — 8,3, овес — 2,8 (Рис. 7).

Просо. Серед відбитків злаків на кераміці за кількістю перше місце належить зернівкам проса, точніше пшона (зернівкам, звільненим від плівок). Відбитки зернівок проса мають такі розміри: ширина — 2,12-2,32, довжина — 2,62-3,12 мм (табл.; Рис. 6, 1-4). Відбитки виявлено в основному у тісті чи на поверхні керамічних виробів, але на денцях вони зустрічалися не часто.

Пшениці голозерні. Відбитки зернівок пшениці голозерної також у достатньо великій кількості були виявлені на кераміці з Чугуївського городища. Їх характерні розміри: ширина (В) — 3,96-4,22, довжина (L) — 6,01-6,52 мм. Індекс співвідношення довжини до ширини (L/B) — 1,4-1,65 (табл.; Рис. 6, 5-7).

Виявлено відбитки зернівки **пшениці двозернянки**: В — 3,62-4,25, L — 7,11-7,77 мм; L/B — 1,68-2 (табл.; Рис. 6, 8—10).

Ячмінь півчастий. Відбитки зернівок мають наступні розміри: В — 3,37-4,08 мм; L — 7,21-8,97 мм; L/B становить 2,14-2,29 (табл.; Рис. 6, 11-13).

Жито (*Secale cereale*) посідає за кількістю місце після проса, пшениць голозерної і двозернянки, ячменю півчастого. Розміри: В — 2,3-2,42, L — 7,65-8,77 мм; L/B — 7,65-8,77 (табл.; Рис. 6, 14—16).

Овес виявлено у незначній кількості. Його розміри: В — 2,83, L — 9,62 мм; L/B — 3,4 (табл.; Рис. 6, 18).

4) Поняття ПБС (і ПБК) див.: [16].

Горох. Виявлено один відбиток насіння гороху розмірами 4,3×4,83 мм (табл.; Рис. 6, 17).

Окрім зернівок культурних рослин виявлено також відбитки зернівок бур'янів. Серед них — 3 відбитки стоколосу. Обидва його види (стоколос житній (*Bromus secalinus*), стоколос польовий (*Bromus arvensis*)) нині належать до засмічувачів озимих посівів в основному жита, а також пшениці. Його знахідки вказують на використання різноциклічних культур. Так, наприклад, в археологічній літературі вже неодноразово зазначалося, що зернівки стоколосу житнього та стоколосу польового (засмічувачі озимих посівів жита [13, с. 5-7]) маркують вирощування озимого жита [див., напр.: 14, с. 60; 15, с. 157].

Усі відбитки зернових культур в цілому подібні до раніше досліджених аналогічних синхронних матеріалів з пам'яток салтівської культури у Сіверсько-Донецькому регіоні [17, табл. 6, 8; 18, табл. 2] і з інших пам'яток I тис. н. е. [19].

У перерахунку ПБС зернівок культурних рослин за об'ємом⁵⁾ бачимо, що перше місце посідає пшениця голозерна (30 %); далі йдуть пшениця плівчаста і ячмінь плівчастий (по 18,8 %), просо (17,5 %), за ними — жито (11,2 %). Овес знаходиться на останньому місці (3,7 %) (Рис. 8). Також засвідчено використання староорних земель (знахідки відбитків бур'янів у цілому), озимих і ярових посівів (знахідка стоколосу). Останнє опосередковано вказує на можливість використання дво- трьохпільля.

Зазначимо, що великий відсоток пшениці голозерної вказує на високий рівень землеробської (орної) техніки. Доволі нетиповим видається знижений (у порівнянні з іншими салтівськими ПБС: Верхній Салтів, Мохнач, Коробові Хутори, П'ятницьке-I [17; 18]) відсоток зерен ячменю плівчастого. Можливо, це пов'язано тим, що на аналіз потрапили матеріали, що відображають вподобання населення Чугуївського городища салтівського часу, а не власне вирощування зернових. За такого припущення слід згадати, що ячмінь плівчастий могли використовувати як фуражну культуру. А його незначну кількість у визначеному ПБС можна пояснити невеликою кількістю худоби на городищі, яку треба було годувати.

На городищі знайдено кілька жорнових каменів. Крім згаданого вище (з напівземлянки (Рис. 9, 2)), на пам'ятці мали місце знахідки ще кількох жорнових каменів — в кількох метрах північніше житлових споруд (ями 13, 2007 р. та яма 1 2006/2007 рр. в розкопі 2) (Рис. 9, 3), на внутрішньому дворіщі (шурфування 1996 р.) (Рис. 9, 1) та в кам'яній кладці оборонної споруди в північно-західній частині фортеці (розкоп 1, 2006 р.) (Рис. 9, 4). Усі жорна виготовлені з пісковика, який зазвичай широко використовували для виготовлення жорен в різні часи та різні народи. Жорнові камені повинні були характеризуватися однорідною будовою, відсутністю шаруватості, значною твердістю та рівномірністю зернистості.

Виходи покладів таких пісковиків, крім іншого, мають місце на території Харківщини і фіксуються на поверхні правобережних донських схилів [20, с. 896; 21, с. 5]. Нині відомі кар'єри з видобутку пісковика в недалекому минулому для замощення вулиць, для фундаментів будівель тощо м. Чугуєва на його південно-західній окраїні (північніше залізничного вокзалу) та в районі розташованого в кількох кілометрах на північний схід смт Кочеток в межиріччі правих приток Сіверського Дінця — Тетлеги та Большой Бабки.

Як справедливо відмітив В.К. Міхеєв, на салтівських поселеннях не зафіксовані заготовки жорен або відходи від їх виробництва і тому можна припустити, що виготовлення жорнових каменів здійснювалось біля місць видобутку каміння [22, с. 78]. Чугуївські пам'ятки салтівського часу не стали винятком з вище наведеного спостереження.

Всі виявлені жорнові камені мали пласку робочу поверхню. Діаметри жорен складали 33-34, 36 та 39-40 см. Внутрішні технологічні наскрізні отвори конусоподібного поперечного профілю варіювалися в розмірах від 4-6 см в найвузчій частині до 8-9 см в найширшій. Висота окремих виробів могла мати значні перепади в межах загального діаметру.

Виявлені в кладці оборонної споруди і з північного боку від житлових комплексів жорнові камені (Рис. 9) були фрагментовані і носили сліди значної зношеності — тонкі,

5) Про перерахунок див., напр.: [23, с. 161].

зі стертою вщент насікою. Один з каменів був стертий до половини діаметру бокового отвору руків'я. Салтівське населення раціонально підходило до використання вже непридатних жорнових каменів, принаймні частково використовуючи їх для інших потреб. Ця обставина може вказувати на загальний дефіцит пісковика на Чугуївському городищі.

Незважаючи на відносну близькість кар'єрів з пісковиком, відомим за матеріалами нового та новітнього часу, дефіцит цього матеріалу, окрім труднощів, пов'язаних з видобутком та доставкою на Чугуївське городище внаслідок великої трудовитрати та пересіченої місцевості (яри, миси, русла річок), був зумовлений і поганою якістю місцевих порід, широкодоступні поклади яких не вирізнялися достатньою міцністю та однорідністю структури, що важливо як для використання в якості будівельного матеріалу, так і при виготовленні жорен. Тому, з одного боку, добутий пісковик цінували з огляду на затратені трудовитрати, з іншого — використовували обмежено, зважаючи на переважно низьку якість каменя. На користь цього також вказує і використання для зведення оборонних споруд Чугуївської фортеці цегли — штучного заміника каменю. Врахування салтівськими будівельниками поганих якостей переважної кількості доступних покладів місцевих пісковиків простежено і на інших городищах регіону [24].

Так, одне з виявлених на Чугуївському городищі жорен використано у вимостці бойового майданчика для розміщення вояків у керамічного бруствера оборонної споруди Чугуївського городища. Точне стратиграфічне положення іншого встановити, на жаль, не виявлялось можливим внаслідок порушення культурного шару сучасною землепріємною технікою.

Щодо вторинного використання жорнових каменів і в той же час зміни системи приводу пристрою жорна в цілому за час використання виробу за прямим призначенням, привертає увагу знахідка бігуна в ямі 1 2006/2007 рр. На цьому виробі фіксуються одразу два отвори для здійснення кругових обертів жорна — верхнє для кріплення дерев'яного руків'я для безпосереднього

прикладання зусилля руки і бокове для кріплення дерев'яної штанги для збільшення сили помелу зерна (Рис. 9, 2). Це свідчить про зміну системи приводу за час використання жорна, скоріш за все, від менш продуктивного прямого прикладання сили (Рис. 10, 1) до її збільшення за допомогою станка (Рис. 10, 2). Таким чином, на певному етапі експлуатації жорна було здійснено модернізацію з ціллю збільшення продуктивності переробки продукту. До того ж, з високою імовірністю можна припустити, що обв'язка бігуна з метою кріплення штанги була виготовлена зі шкіри — металеві обручі, притаманні для даного пристрою за нового та новітнього часу, на салтівських пам'ятках досі невідомі, а їх сліди на поверхні бігунів не зафіксовані. За класифікацією Р.С. Мінасяна, жорнові камені можуть належати до групи I (кріплення руків'я поза межами верхнього каменя), групи III, варіанту А, групи III, варіанту Б (кріплення руків'я на периферії верхнього каменя у спеціальному отворі; може мати і коротке, і довге руків'я) [25]. Етнографічними матеріалами, що нині знаходяться в різних музеях України (напр., Пирогове, Меджибіж), засвідчено існування такого типу руків'я: у бічний отвір бігуна вставлено дерев'яну деталь-«поличку», в якій зроблено отвір власне для руків'я (Рис. 10, 3).

Крім цього, бігун жорна було використано, вочевидь, вторинно як підставку для кронштейна для підвішування казану над термічним джерелом (Рис. 11). На це може вказувати його знахідка у перевернутому положенні з правого переднього боку від паливника печі на рівні його основи. Аналогічне розміщення жорнового каменя зафіксовано В.В. Колодою на городищі Мохнач в залишках житлової споруди (яма 40 2010 р.) — в перевернутому положенні, з правої сторони від вогнища [26, с. 23, 24, рис. 28, 2, 29, 30, 33, 12]. До речі, три отвори для руків'їв на верхній площині жорнового каменя також свідчать про його тривале використання: коли попереднє гніздо зношувалось і замість нього виготовлялося нове.

Залізний кронштейн розбірної конструкції для підвішування казану був знайдений поблизу Сухогомольшанського могильника. Технологічні особливості дозволили від-

нести артефакт до салтівської культури. Реконструкція способу використання виробу здійснена В.В. Колодою. [27, с. 128-132, рис. 3, 4]. Враховуючи факт виявлення кронштейну для підвішування казана в середовищі салтово-маяцької спільноти, не виключено також і можливості існування стаціонарного варіанту кронштейну (дерев'яного з важкою кам'яною підставкою, виготовленою зі старого жорна). Аналогія такому пристрою відома ще з часів античності, а саме серед знахідок в місті Аугуста Раурика (Augusta Raurica) — римської провінційної столиці (середина I ст. до н. е. — середина III ст. н. е.), розташованій на території Швейцарії в 20 км на схід від м. Базеля біля сіл Аугст і Кайзераутст. В експозиції музею Römermuseum (Римський музей), розташованого в с. Аугст на території давнього міста, представлено реконструкцію типового римського дому, в якій наочно показано аналогічну конструкцію кронштейну з використанням округлого в плані каменю з отвором посередині як підставки, розташованого з правого боку опалювального пристрою [28].

* * *

Підбиваючи підсумки, у першу чергу звернемо увагу на наступні положення. На Чулуївському городищі не знайдено жодних знарядь праці, пов'язаних із виробничими землеробськими процесами (до цієї категорії слід зараховувати знаряддя для обробки ґрунту — наральники, чересла, мотички; знаряддя для збирання врожаю — серпи, коси різних типів). Отже, ми нічого не можемо сказати про **виращування** зернових. Натомість, на городищі відкрито ями для зберігання продуктів землеробства, тарну кераміку, використовувану в аналогічних цілях, а також жорнові камені. Усе це має відношення до **використання** продуктів землеробства. Крім того, більшість виявлених жорен (їх зношеність, вторинне використання як будівельного матеріалу або бази для фіксації стаціонарного кронштейну), крім екземпляру з шурфу 1996 р. (Рис. 9, 1) засвідчують використання не за прямим призначенням. Таким чином, при аналізі матеріалів з землеробства, що походять з Чулуївського городища, слід констатувати, що маємо справу

зі **споживанням** продуктів, а не їх продукуванням. Однак, споживацький процес представлено типовими для носіїв салтівської культури матеріалами, широко відомими з інших пам'яток і Сіверсько-Донецького регіону, і ареалу салтівської культури загалом. Отриманий палеоетноботанічний спектр також засвідчує споживацькі вподобання, але водночас і слугує відображенням виробничих тенденцій; отже, може бути характерним для сільських поселень у гнізді навколо Чулуївського городища.

Розташування переважної більшості салтівських поселень Чулуївського «гнізда» на масиві родючих сірих лісових ґрунтів дозволяло, вочевидь, створювати прибувочний продукт у вигляді, перш за все, продукції землеробства. Це у свою чергу обумовлювало поглиблення процесів розподілу праці (відносно продуктів землеробства — виробництво з одного боку і переробка з подальшим споживанням з іншого), виникненню ремісництва та обміну товарами. Вказані вияви є ознаками, що вирізняють поселення міського типу серед інших. Така просторова та соціально-економічна організація дещо нагадує полісну систему античного міста з культурно-соціальним центром та сільською округою навкруги. Також можна знайти просторово-організаційні паралелі відносно міст Середньої Азії та Близького Сходу, які також запозичували риси полісної системи античного світу. В такі структури входила і сільська округа з сільськогосподарськими територіями, розташованими поміж ними. Вся ця територія міста в цілому створювала на Близькому Сході та в Середній Азії так званий баллад. В такому разі, екстраполюючи дану організаційну структуру на систему салтівського «гнізда» поселень, можна виділити аналогічні складові частини давнього міста — центральну укріплену частину (мадіну або шахрістан в містах Сходу) з відкритим поселенням, яке прилягає до укріпленого центру (рабадом в містах Сходу) та адміністративно підлеглою округою (шахром в містах Сходу).

Структуру приміської сільської зони середньоазіатського міста можна простежити на прикладі Самарканду X ст. В цій зоні виділялося кілька згущень забудови, колиш-

ніх селищ, які стали вважатися кварталами рабада. Від рабада відходили уздовж магістральних вулиць-доріг язики щільнішої забудови; простір між ними займали поля і сади [29, с. 228]. Не можна не відмітити загальну схожість в розташуванні окремих згущень забудови з розташуванням селищ навкрузи сіверськодонецьких салтівських городищ, в тому числі і Чугуївського «гнізда», часто розділених лише особливостями рельєфу і руслами струмків і річок, але в той же час таких, що тяжіють до загального адміністративного центру (в нашому випадку до Чугуївського городища).

Звичайно, не можна стверджувати, що виявлені на Чугуївському городищі ознаки говорять про розвинене середньовічне місто у звичайному розумінні, але **тенденції** щодо його утворення в Чугуївському «гнізді» салтівських поселень можна простежити. Слід зазначити, що до цього часу так і не вироблено єдиного розуміння поняття «місто» — регіонально і в різні часи це поняття було різним [30, с. 3; 31-34 та ін.].

А.Г. Большаков справедливо зауважив, що «...яку б кількість ознак не намагалися ми врахувати, ми ніколи не знайдемо безперечну межу міста і неміста. І не тому, що міста як явища не існує, а тому, що тут ми стикаємося із загальною проблемою будь-якої класифікації» [35, с. 58].

С.А. Плетньова у своїх дослідженнях більше за інших зверталася до проблеми виділення міст серед салтово-маяцьких городищ [36, с. 13-50; 37, с. 198-211; 38, с. 110-128]. Тою чи іншою мірою ця тема знайшла відображення в цілому ряді робіт вченого. Але, незважаючи на велику увагу, приділену цій проблемі, їй так і не вдалося надійно виділити міста в Хазарському каганаті та виокремити їх чіткі критерії.

На нашу думку, слід також зважати і на сприйняття безпосередньо давнім населенням того чи іншого поселення як міста [39].

У спектрі соціально-економічних ознак остаточно відповісти на питання щодо завершеності процесів містоутворення на лісостепових салтівських пам'ятках, зокрема, і на Чугуївському осередку, буде можливим лише за умови ширших археологічних досліджень. Є слушним зауваження В.С. Фльорова що *«переходу від «кочовищ до міст» в Хазарському каганаті не відбулося. Він лише почав рух, йшов по цьому шляху, але й цей рух потрібно зафіксувати даними археології»* [40, с. 120]. Слід лише наголосити на природно-географічній специфічності стосовно салтово-маяцького Лісостепу, відносно якого говорити про кочове суспільство як таке недоречно — на цих територіях в довготривалих поселеннях розташовувалось осіле населення, що займалося землеробством та випасним скотарством та зналося в металургійній, ковальській та інших справах з відповідною спеціалізацією виробництва. В силу цього цей регіон порівняно зі Степом мав більш сприятливі умови щодо процесу містоутворення, але й **відносно Лісостепу на сьогодні ми не маємо достатніх даних про ступінь такого розвитку і тим більш щодо його завершеності.**

Так чи інакше, **щодо Чугуївського «гнізда»** на основі виявленого в даній роботі споживацького відношення до продуктів землеробства як одного з факторів містоутворюючих виявів на рівні з іншими існуючими ознаками [41] **можна говорити про тенденції утворення соціально-економічної структури принаймні поселення міського типу.** До того ж, цьому сприяло розташування означеного осередку на перетині шляхів, що проходили через нього, а також економічний потенціал⁶⁾, який полягав, зокрема, в розташованих на цих територіях високо родючих темно-сірих опідзолених (лісових) ґрунтах, що гарантували отримання додаткового продукту за умови використання тогочасних сільськогосподарських технологій.

6) Не можна недооцінювати і інших факторів як то, наприклад, металургійної справи, на продукцію якої, безперечно, існував великий попит.

Додаток. Опис кераміки з відбитками зернівок і насіння рослин

Шифр виробу	Код назви зернівки (кількість)	Примітки
A-277*	Br. sp.	Фрагмент стінки коричневоглиняного гончарного кухонного горщика з орнаментом у вигляді горизонтально прокреслених прямих ліній. У тісті є включення керамічного шамоту, щільне; обпалення рівномірне.
A-290*	P. m.	Обпалена обмазка печі.
120/I-06	T. d., T. a. s.l.	Фрагмент нижньої частини сіроглиняного парадного піфоса. У тісті є домішки піску. Обпалення рівномірне.
382/II-06	T. d.	Фрагмент стінки сіроглиняного кухонного горщика. У тісті є домішки дрібного керамічного шамоту, обпалення нерівномірне. Яма № 1.
396/II-06	T. d.	Фрагмент денця сіроглиняного кухонного горщика. У тісті є домішки керамічного шамоту. З внутрішньої сторони має прокреслену спіраль. Яма № 6.
426/II-06	T. a. s.l.	Фрагмент стінки товстостінного тарного піфоса. У тісті є рясні домішки крупного керамічного шамоту, обпалення нерівномірне. Яма № 1.
481/II-06	P. m.	Фрагмент денця сіроглиняного кухонного горщика. У тісті є домішки керамічного шамоту. Яма № 6.
654/II-06	P. m. (2)	Фрагмент стінки сіроглиняного кухонного горщика з орнаментом у вигляді горизонтально прокреслених прямих ліній. У тісті є домішки дрібного керамічного шамоту. Яма № 5.
668/II-06	A. sp.	Те саме.
677/II-06	T. a. s.l.	Фрагмент стінки сірокоричневоглиняного товстостінного тарного піфоса з орнаментом у вигляді горизонтально прокреслених прямих ліній. У тісті є рясні домішки крупного керамічного шамоту, обпалення неякісне. Яма № 5.
690/II-06	P. m.	Фрагмент стінки гончарної столової посудини з орнаментом у вигляді вертикально пролискованих ліній. Тісто добре відмучене, щільне, обпалення рівномірне. Яма № 5.
706/II-06	P. s.	Фрагмент верхньої частини червонокоричневоглиняного гончарного кухонного горщика з орнаментом у вигляді горизонтально прокреслених прямих ліній по плечу і косими насічками, виконаними гусеничним штампом, по округлому краю вінчика. Тісто щільне, обпалення рівномірне. Яма № 1.
730/II-06	P. m. (3)	Обпалена обмазка. Яма № 1.
738/II-06	T. d.	Фрагмент стінки сірокоричневоглиняного товстостінного тарного піфоса з орнаментом у вигляді горизонтально прокреслених прямих ліній із заповнення печі-кам'янки. У тісті є рясні домішки крупного керамічного шамоту, обпалення неякісне. Яма № 1.
739/II-06	H. v.	Те саме.
956/II-07	H. v.	Фрагмент нижньої частини сіроглиняної гончарної посудини. Тісто добре відмучене, щільне, обпалення рівномірне.
964/II-07	S. c.	Фрагмент горлової частини сіроглиняної лискованої гончарної столової посудини з орнаментом у вигляді широких горизонтально прокреслених ліній. Тісто добре відмучене, обпалення рівномірне.
992/II-07	H. v.	Фрагмент верхньої частини червоноглиняної гончарної посудини з орнаментом, нанесеним у вигляді широких горизонтально прокреслених ліній. Тісто щільне, обпалення рівномірне.
1006/II-07	P. m.	Фрагмент стінки сіроглиняної столової посудини з орнаментом у вигляді горизонтально прокреслених прямої та хвилястих ліній з пролискованими лініями поверх прямої, прокресленої в вертикальному напрямку. Тісто добре відмучене, щільне, обпалення рівномірне.

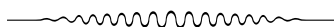
1018/II-07	<i>P. m.</i>	Фрагмент верхньої частини темноглиняного кухонного горщика з орнаментом у вигляді горизонтально прокреслених прямих ліній. У тісті є включення керамічного шамоту, обпалення неякісне.
1092/II-07	<i>S. c.</i>	Фрагмент плечика сіроглиняної чорнолискованої гончарної столової посудини з орнаментом у вигляді горизонтально прокреслених і пролискованих прямих ліній. Тісто добре відмучене, обпалення рівномірне.
1208/II-07	<i>T. a. s.l.</i>	Фрагмент стінки сіроглиняного піфоса з орнаментом у вигляді горизонтально прокреслених прямих ліній та зі слідами вапнякової побілки. У тісті є домішки крупного керамічного шамоту, обпалення нерівномірне.
1399/II-07	<i>T. a. s.l.</i>	Фрагмент стінки сіроглиняного кухонного горщика з орнаментом у вигляді горизонтально прокреслених ліній. Тісто пористе, з домішками дрібного керамічного шамоту та піску.
1412/II-07	<i>H. v.</i>	Фрагмент обпаленої цегли. У тісті є незначні домішки фракцій пісковику, дерев'яних щепок та деревного вугілля. Обпалення нерівномірне. Бруствер оборонної споруди.
1415/II-07	<i>P. m.</i>	Фрагмент донця сіроглиняного гончарного кухонного горщика з клеймом у вигляді рельєфно випуклого кільця. Тісто пористе, з включеннями керамічного шамоту. Яма № 13.
1440/II-07	<i>P. m.</i>	Фрагмент вінця коричневоглиняного товстостінного тарного піфосу з орнаментом у вигляді різноспрямованих косих вдавлених прямих ліній-відрізків по верху сплющеного вінця. У тісті є рясні включення крупного керамічного шамоту, обпалення нерівномірне. Яма № 13.
1449/II-07	<i>P. m.</i>	Фрагмент нижньої частини сіроглиняної гончарної посудини з орнаментом у вигляді горизонтально прокреслених прямих ліній. Тісто щільне, обпалення рівномірне. Яма № 13.
1464/II-07	<i>T. a. s.l.</i>	Фрагмент верхньої частини червонокоричневоглиняного кухонного гончарного горщика з орнаментом по плечу у вигляді горизонтально прокреслених прямих ліній. Тісто щільне, з незначною кількістю керамічного шамоту, обпалення рівномірне. Яма № 13.
1462/II-07	Фрагмент колоска	Фрагмент обпаленої цегли. У тісті є незначні домішки фракцій пісковику, дерев'яних щепок та деревного вугілля. Обпалення нерівномірне. Бруствер оборонної споруди.
98/III-09	<i>S. c., Br. sp.</i>	Фрагмент верхньої частини сіроглиняного пролискованого столового глечика зі сплющеним в поперечному розрізі руків'ям. Тісто добре відмучене, щільне, обпалення рівномірне.
141/III-09	<i>T. a. s.l.</i>	Фрагмент стінки сіроглиняної гончарної столової посудини з орнаментом у вигляді вертикально прокреслених прямих ліній. Тісто добре відмучене, щільне, обпалення рівномірне.
158/III-09	<i>Br. sp.</i>	Фрагмент стінки жовтоглиняного гончарного кухонного горщика з нарізним лінійним орнаментом. Тісто пористе, з домішками піску та рідкі домішки дрібного керамічного шамоту, обпалення нерівномірне.
205/III-09	<i>T. a. s.l.</i>	Фрагмент стінки сіроглиняної гончарної столової посудини. Тісто щільне, добре відмучене, обпалення рівномірне.
495/III-09	<i>H. v.</i>	Фрагмент нижньої частини коричневоглиняної гончарної посудини. Тісто щільне, добре відмучене, обпалення рівномірне. Яма № 33.
996/III-09	<i>T. d.</i>	Фрагмент стінки сіроглиняної товстостінної посудини з орнаментом у вигляді зонально прокреслених прямих ліній. Тісто щільне, з домішками піску, обпалення рівномірне.
1001/III-09	<i>P. m.</i>	Фрагмент стінки сіроглиняного кухонного горщика з орнаментом у вигляді прямих ліній, що пересікаються між собою. Тісто пористе, з домішками піску, обпалення рівномірне.

Примітки: *P. m.* — *Panicum miliaceum* (просо), *H. v.* — *Hordeum vulgare* (ячмінь півчастий), *T. a. s.l.* — *Triticum aestivum* s.l. (пшениці голозерні), *T. d.* — *Triticum dicoccon* (пшениця двозернянка), *S. c.* — *Secale cereale* (жито), *A. sp.* — *Avena* sp. (овес), *Br. sp.* — *Bromus* sp. (бромус), *P. s.* — *Pisum sativum* (горох посівний). **Всього визначено** (41): просо — 14, ячмінь півчастий — 5, пшениця двозернянка — 5, пшениці голозерні — 8, жито — 3, овес — 1, горох посівний — 1, стоколос — 3, фрагмент колоска — 1. *Культурних рослин* — 42; *зернових* — 41; *бур'янів* — 3; *фрагмент колоска* — 1. * — інвентарний номер музейної збірки Художньо-меморіального музею І.Є. Рєпіна; з розвідкових шурфувань на Чугуївському городищі у 1996 р.; інші — шифр згідно польового опису археологічних розкопок на Чугуївському городищі в 2005-2007 та 2009 рр. за схемою номер порядковий / номер розкопу — рік досліджень.

ЛІТЕРАТУРА:

1. Кусов В.С. Московское государство XVI-начала XVIII века: Сводный каталог русских географических чертежей. — М., 2007.
2. Левицкий Я.А. Английский город в XI в. (к вопросу о происхождении английского средневекового города)// Город и городское ремесло в Англии в X-XII вв. — М., 1960.
3. Вебер М. История хазийства. Город/ Пер. с нем.; под ред. И. Гревса; Комментар. Н. Саркитова, Г. Кучкова. — М., 2001.
4. Бабенко Л.И. Отчет о работе археологической экспедиции Харьковского исторического музея в полевом сезоне 1996 г.// НА ИА НАН Украины. — № 1996/64.
5. Свистун Г.Е. Отчет об археологических разведках в Лесостепной зоне долины Северского Донца в 2004 г.// НА ИА НАН Украины. — № 2004/37.
6. Свистун Г.Е. Отчет об археологических раскопках и разведках в лесостепной зоне долины Северского Донца в 2005 г.// НА ИА НАН Украины. — № 2005/34.
7. Свистун Г.Е. Отчет о работе Северскодонецкой археологической экспедиции Художественно-мемориального музея И.Е. Рєпина в 2006 г.// НА ИА НАН Украины. — № 2006/30.
8. Свистун Г.Е. Отчет о работе Северскодонецкой археологической экспедиции Художественно-мемориального музея И.Е. Рєпина в 2007 г. на территории г. Чугуева// НА ХММ И.Е. Рєпина. — Ф. 14; Оп. 1; Дело 7.
9. Свистун Г.Е. Отчет о проведении охранных археологических исследований на Чугуевском городище и Кочетокском могильнике в 2009 году// НА ХММ И.Е. Рєпина. — Ф. 14; Оп. 1; Дело 8.
10. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона/ <http://gatchina3000.ru/brockhaus-and-efron-encyclopedia-dictionary/index.htm>.
11. Свистун Г.Е. Раннесредневековые жилища на Чугуевском городище (по материалам исследований 2006 и 2007 годов)// Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. — 2009. — С. 269-284. — Вып. 8.
12. Янушевич З.В., Маркевич В.И. Археологические находки культурных злаков на первобытных поселениях Пруто-Днестровского междуречья// Интродукция культурных растений. — Кишинев, 1970. — С. 83-110.
13. Смирнов В.Р., Соснихина С.П. Генетика ржи. — Л., 1984.
14. Михайлина Л.П., Пашкевич Г.О., Пивоваров С.В. Рільництво слов'яно-руського населення межиріччя верхнього Пруту та середнього Дністра// Археологія. — 2007. — С. 57-66. — № 2.
15. Горбаненко С.А., Журавльов О.П., Пашкевич Г.О. Сільське господарство жителів Пастирського городища. — К., 2008.
16. Кравченко Н.М., Пашкевич Г.А. Некоторые проблемы палеоботанических исследований (по материалам Обуховской территориальной группы памятников I тыс. н. э.)// Археология и методы исторических конструкций. — К., 1985. — С. 177-190.
17. Колода В.В., Горбаненко С.А. Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. — К., 2010.
18. Квітковський В.І., Пашкевич Г.О., Горбаненко С.А. Матеріали з землеробства жителів поселення П'ятницьке-І// Готується до друку.

19. Янушевич З.В. Культурные растения Северного Причерноморья: палеоэтноботанические исследования. — Кишинев, 1986.
20. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. — С.-Пб., 1890-1907. — Т. ХІА.
21. Пономарев Н.А. Руководство по изготовлению жерновов из естественных камней. — М., 1943.
22. Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. — Харьков, 1985.
23. Пашкевич Г.О., Горбаненко С.А. Відбитки зернівок культурних рослин на кераміці Опішнянського городища// АЛЛУ. — 2002. — № 2; 2003. — № 1. — С. 161-163.
24. Свистун Г.Е. К вопросу о строительном материале и архитектуре салтовских лесостепных городищ бассейна Северского Донца// Харьковский археологический сборник. — Харьков, 2007. — С. 40-58. — Вып. 2.
25. Минасян Р.С. Классификация ручного жернового постава (по материалам Восточной Европы I тысячелетия н. э.)// СА. — 1978. — С. 101-112. — № 3.
26. Колода В.В. Отчет о работе Средневековой экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2010 году (городища Мохнач и Коробовы Хутора в Змиевском районе Харьковской области)// Архив археологической лаборатории ХНПУ им. Г.С. Сковороды, 2010.
27. Колода В.В. К вопросу об очажных принадлежностях салтовского населения Среднедончя// Хазарский альманах. — 2007. — С. 126-132. — Т. 6.
28. http://www.augustaurica.ch/ipx/Augusta_Raurica_Kueche.htm.
29. Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. — Л., 1973.
30. Велихов Л.А. Основы городского хозяйства. Общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства. — М., 1996.
31. Рожков Н.А. Город и деревня в русской истории (краткий очерк экономической истории России). — СПб., 1902.
32. Семенов-Тянь-Шанский В.П. Город и деревня в Европейской России. Очерк по экономической географии с 16 картами и картограммами. — СПб., 1910.
33. Бюхер К. Возникновение народного хозяйства: публичные лекции и очерки / Пер. с нем. под ред. и с предисл. И. М.Кулишера. — 4-е изд., испр. и доп. по 15-му немецкому изд. 1920 г. — Петроград, 1923.
34. Анциферов Н.П. Пути изучения города. Опыт комплексного подхода. — Л., 1925.
35. Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока (VII — середина XIII в.). Социально-экономические отношения. — М., 1984.
36. Плетнева С.А. От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура)// МИА. — 1967. — № 142.
37. Плетнева С.А. Города кочевников// От доклассовых обществ к раннеклассовым. — М., 1987. — С. 198-212.
38. Плетнева С.А. Города в Хазарском каганате (доклад к постановке проблемы)// Хазарский альманах. — Харьков, 2002. — С. 110-124. — Т. 1.
39. Свистун Г.Е. К вопросу о городах в лесостепной зоне Хазарского каганата// Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура: Мат. междунауч. конф., посвящ. 100-летию начала археологических исследований Гочевского археологического комплекса. — Курск, 2009. — С. 44-51.
40. Флеров В.С. «Города», «замки», феодализм» в Хазарском каганатею Проблемы исследований// Хазары: миф и история. — М.-Иерусалим, 2010. — С. 113-136.
41. Колода В.В. Проблемы градообразования в раннесредневековых контактных зонах (на примере лесостепного региона Северского Донца)// Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура: Мат. междунауч. конф., посвящ. 100-летию начала археологических исследований Гочевского археологического комплекса. — Курск, 2009. — С. 35-43.



РУСЫ И ХАЗАРЫ НА ВОЛГЕ В IX–X ВЕКАХ

Река Волга уже в середине первого тысячелетия являлась важнейшей торговой магистралью международного значения. А.Н. Кирпичников пишет: «Великий Волжский путь приобрёл выдающееся геополитическое, культурное, транспортно-торговое, международное и межгосударственное значение в эпоху раннего средневековья. Он способствовал контактам и общению славянских, финно-угорских, тюркских и других народов и племён Старого Света в их стремлении узнать друг друга, обогатиться благами человеческой цивилизации и коллективными достижениями в области экономики, техники и культуры. Великий Волжский путь послужил стимулом невиданного до тех пор прогресса евразийского общества, повлиял на ускорение социальных и хозяйственных процессов многих стран и регионов, способствовал созданию единого наднационального экономического пространства в значительной части Евразии. Функционирование его в VIII–XI веках решающим образом сказалося на возникновении нового для всей эпохи явления, которое можно назвать глобализацией мировой экономики» [1, с. 96–106]. По утверждению В.Б. Вилинбахова, уже «в V–VI веках эта территория находилась в постоянном и регулярном сношении с арабским миром», о чем свидетельствуют «клады, состоящие из одних сасанидских монет V–VI веков, найденные в землях булгар» [2, с. 132]. А «в последней четверти I тысячелетия н. э., – считает А.Н. Кирпичников, – значение Волжского пути возросло настолько, что он стал основной дорогой, соединившей Европу и Азию» [1, с. 96].

На этом торговом пути курсировали, главным образом, военно-торговые суда русов и корабли арабских и персидских купцов. На всем протяжении Волжского торгового пути возникали торгово-ремесленные центры, перераставшие в города. Едва ли не самый важный участок речной магистрали –

с выходом в Каспийское море – контролировал Хазарский каганат.

В связи с чрезвычайно тесными контактами хазар со средневековыми русами и славянами, о которых сохранилось немало свидетельств в древнерусских и зарубежных письменных источниках, отечественная историография акцентировала внимание главным образом на военных аспектах в отношениях Руси и Хазарии. Согласно главенствовавшей долгие годы в отечественной историографии концепции Б.А. Рыбакова, хазары были представлены жестокими кочевниками, паразитирующими на восточной торговле, угнетателями славянских народов и главной помехой на пути развития молодого Древнерусского государства [3; 4]. Хазарский каганат, как отмечают современные исследователи, традиционно «рассматривается как паразитическое и вредное государство, а его гибель под ударами дружин Святослава – как несомненное благо для народов Восточной Европы. Основной причиной возникновения отмеченной гипотезы можно назвать использование т.н. «имперского» критерия, когда любые исторические события на территории Восточной Европы рассматривались только с точки зрения блага или вреда для становления славянского государства – Киевской Руси, средневекового прообраза будущей великорусской империи. В рамках такого подхода история неславянских народов, населявших Восточную Европу, в т.ч. и хазар, игнорировалась или оценивалась однозначно» [5, с. 176].

Хазары

Информация о территории и границах Хазарского каганата содержится в средневековых письменных источниках: русских, арабских, византийских, персидских, армянских, грузинских и др., согласно которым каганат занимал Нижнюю Волгу, бассейн Дона и Северского Донца, предгорья Кавказа, Кубань, северное Приазовье и часть

Крыма. Наиболее подробные сведения о территории Хазарского каганата, ее границах и размерах содержатся в знаменитом письме хазарского царя Иосифа в Испанию к сановнику халифа Абдрахмана III, Хасдаи ибн Шафруту в середине X в. [6]. Особое внимание хазарский царь уделял реке Волге. В пространной редакции письма говорится: «Я живу у реки, по имени Итиль, в конце реки Г-р-гана. Начало (этой) реки обращено к востоку на протяжении 4 месяцев пути. У (этой) реки расположены многочисленные народы в селах и городах, некоторые в открытых местностях, а другие в укрепленных (стенами) городах. Вот их имена: Бур-т-с, Бул-г-р, С-вар, Арису, Ц-р-мис, В-н-н-тит, С-в-р, С-л-виюн. Каждый народ не поддается (точному) расследованию и им нет числа. Все они мне служат и платят дань. Оттуда граница поворачивает по пути к Хуварезму (доходя) до Г-р-гана. Все живущие по берегу (этого моря) на протяжении одного месяца пути, все платят мне дань». И далее: «Страна [наша] не получает много дождей, [но] изобилует реками и источниками, и из ее рек [ловится] очень много рыбы. Страна [наша] тучна, в ней очень много полей, лугов и..., которым нет числа; все они орошаются из [нашей] реки и от [нашей] реки получают растительность».

Царь писал о трех своих городах, расположенных на этой реке, в одном из которых располагалась его собственная резиденция [6, с. 103]. Из пространной редакции письма следует, как отмечал А.П. Новосельцев, что «практически вся Хазария связывается с бассейном Волги («страна (наша) тучна, в ней много лугов, полей... все они орошаются из (нашей) реки и от (нашей) реки получают растительность») [7, с. 174]. А.П. Новосельцев делает вывод, что «страны хазар расположены у реки, название которой есть в пространной редакции (Атиль), и это, кажется, указывает на то, что бассейн Волги (исключая ее верховья) был в X в. главной частью Хазарского государства» [7, с. 162–163]. Из слов царя Иосифа видно, что хазары хорошо осознавали значение Волги, как основы экономического благосостояния своей страны.

Что касается арабских и персидских источников, то в них содержится обильная, часто путаная, информация о Волге, приволжских народах и городах. Эти сведения они

получали в основном из сочинений предшественников и современных им географических трудов, а также непосредственно от путешественников и купцов, а иногда описывали то, что действительно видели своими глазами. Как верно заметил А.Н. Кирпичников, «восточные писатели сообщали, что арабские купцы дальше Булгара не ездили, довольствуясь богатым местным, во многом перекупным транзитным рынком» [1, с. 98]. Поэтому одними из наиболее достоверных в восточных источниках являются сведения о хазарских городах, которые были расположены на берегу реки Волги.

Так, автор географического труда «Книга путей и государств» Ибн Хордадбех (ок. 820 – ок. 890 гг.) сообщает: «Дорога между Джурджаном и Хамлиджем, городом хазар, а он [город] северный... От Джурджана до Хамлиджа, он же – на конце реки, которая течет из страны славян и впадает в море Джурджана, [так вот] если хороший ветер, 8 дней пути. А города хазар – Хамлидж, Баланджар и ал-Байда. Сказал ал-Бухтури: «Почет возрастал в Ираке к тем, кто оказывался в Хамлидже или Баланджаре» [8, с. 29–30]. Город Хамлидж, по мнению Ибн Хордадбега, располагался на «реке славян», как называли арабские географы Волгу [8, с. 31]. Арабский географ Ибн Русте (IX – первая треть X в.) в «Книге дорогих ценностей» в описании хазарских волжских городов утверждает, что «главным городом у них Сарашен, рядом с которым лежит другой город, по имени Хаб-Нела [9, с. 17], а также упоминает на Волге хазарский город Хазаран [8, с. 48].

По сведениям арабского путешественника и миссионера Ибн Фадлана в 921–922 гг. побывавшего на берегах Волги в качестве секретаря посольства халифа ал-Муктадира у болгарского хана Алмуша, «у царя хазар (есть) огромный город на реке Атиль. Он состоит из двух сторон, «концов», – в одной из этих двух сторон (живут) мусульмане, а в другой стороне – царь и его приближенные...» [10, с. 339]. Ал-Истахри ((849–934 гг.), Ибн Хаукаль (X в.) [8, с. 88], ал-Мукаддаси (946 – ок. 1000) [9, с. 44–45], а также анонимный автор географического сочинения «Худуд ал-алам» (ок. 982 г.) называют столицей город Атиль (Итиль), также расположенный на Волге [11, р. 161– 62]. Ибн Хаукаль знает город Хазаран, который, по словам геогра-

фа, есть «конечный пункт торговли русов». Географ XI века Гардизи («Зайн ал-ахбар») называет два больших волжских города – Саргыш и Хылыг [12, с. 57].

Из рассказа ал-Гарнати следует, что в середине XII столетия он 20 лет прожил на Волге в хазарском городе Саксин [8, с. 139–140].

На сегодняшний день единственный крупный археологический памятник Поволжья хазарского времени находится на Нижней Волге.

Самосдельское городище расположено в 36 км ниже Астрахани в дельте Волги – на берегу современного русла Волги. Археологическими исследованиями здесь были выявлены слои IX–X вв. Городище тянется вдоль старого русла Волги на 1 км [13, с. 44], общая площадь памятника составляет около 2 кв. км. Культурный слой достигает 3 м. Обнаружены остатки мощных стен и других построек из обожженного кирпича, кувшины салтово-маяцкой культуры [13, с. 46]. По мнению исследователей памятника Э.Д. Зиливинской и Д.В. Васильева, «в хазарское время Самосдельское городище было крупным городом, в котором находились резиденции кагана и бека», так как «из арабо-персидских источников известно, что в Хазарском каганате только правители могли владеть постройками из обожжённого кирпича» [13, с. 50–51]. На городище также найдены следы прямоугольных и круглых (юртообразных) жилищ. Самосдельское городище являлось крупным центром ремесленного производства. Здесь выплавляли железо и медь. Значительное развитие получило стеклоделие: на городище найдены стеклянные украшения – бусы, подвески, перстни, браслеты и обломки различных стеклянных сосудов. Было хорошо налажено керамическое производство – гончарное и лепное. Посуда, обнаруженная на городище, находит аналогии в керамике Волжской Болгарии X–XII вв. [13, с. 51]

По мнению исследователей, «пока ещё нельзя утверждать, что Самосдельское городище являлось остатками Итиля, ясно только, что в IX–X вв. здесь находился крупный город, который, возможно, являлся владением правителей Хазарии... Это пока единственный поселенческий памятник в Нижнем Поволжье, который непрерывно суще-

ствовал с IX по XV в. Возникнув в IX в., город был населён болгарами и переселившимися сюда с низовьев Сырдарьи огузами, которые несли военную службу у царей Хазарии» [13, с. 53–54].

В то же время, археологами Поволжья обнаружены захоронения, которые стали отождествлять с хазарскими. Памятники новинковского типа представляют собой курганно-грунтовые могильники, локализованные на сравнительно небольшой территории у южной подошвы Жигулёвских гор [14, с. 299]. Такие памятники обнаружены в Волгоградской области, под Саратовом, в Симбирском Заволжье [15, с. 140].

Русы

В исторической науке все упоминания средневековых источников о древних русах и славянах принято относить к истории Киевской Руси. Все сведения о хазарско-русских взаимоотношениях рассматриваются, как сообщения о внешнеполитических катаклизмах этого государства и его населения. Поэтому наибольшее значение в экономической и политической жизни Древней Руси придается реке Днепр и пути «из Варяг в Греки».

В «Повести временных лет» рассказывается о призвании варягов «из-за моря». Согласно легенде, сначала пришел в Новгород Рюрик, через некоторое время его дружинники Аскольд и Дир дошли до Киева, где стали править. С этого события историография начинает отчет истории Киевской Руси. Однако еще раньше Рюрик раздал своим верным соратникам города «Полотеск», Ростов и Белоозеро. Белоозеро находилось на водном пути с Балтики на Волгу, город Ростов располагался в Волго-Окском междуречье.

Б.А. Рыбаков иронизировал по поводу «призвания» варягов: «Призвание шведского конунга объяснялось, надо думать, тем, что варяги и без приглашения, но с оружием появлялись в этих северных местах. Призвание варяга было, очевидно, обусловлено принципом откупа «мира деля» [16, с. 66]. А.С. Кан пишет: «Грабительские набеги и захваты викингов имели место преимущественно на севере, по берегам Финского залива в районе Новгорода. Около 862 г. при

неясных обстоятельствах в Новгороде оказался викинг (варяг) легендарный Рюрик» [17, с. 115].

В VI–VII вв. восточную Балтику охватило колониционное движение норманнов. По данным археологических источников шведы и жители Готланда начали расселяться по всей Балтике на территории современных Латвии, Литвы и Эстонии и создавать там свои колонии [18, с. 22]. «С конца VIII в., – пишет А.С. Кан, – походы скандинавов становятся более активными. Начинаются набеги, экспедиции викингов, как они себя называли, или норманнов, данов, варягов, как их называли соседи. Скандинавские флотилии проникают в Каспийское, Черное, Средиземное и другие моря. Они грабят берега Ирландии и Франции, Балтики и Италии, Испании и Северной Африки. Варяжских купцов встречают на рынках Константинополя, Багдада, Хорезма, Бухары. Впоследствии, в XI в. потомки викингов, уже осевшие на новых землях – во Франции (Нормандия), совершили новые крупные завоевания в Британии и Южной Италии, а обосновавшиеся в Исландии и Гренландии норвежцы достигли в конце XI века берегов Северной Америки... Общие предпосылки для походов викингов действовали и в Швеции. Именно у шведских викингов оказались наиболее благоприятные условия для торговли с Востоком. Имеется множество данных об участии шведских викингов в набегах на Каролингскую империю, в завоевании Британии, в колонизации Исландии. Но главной ареной действий шведов была Балтика...» [17, с. 118–119].

На реке Волхов у выхода в Балтийское море на перекрестке двух торговых путей – Волжского («из варяг в арабы») и Днепровского («из варяг в греки») – не позднее первой половины 750-х гг. появилось скандинавское торгово-ремесленное поселение Ладога, ставшее, по выражению Е.Н. Носова, «портом-торжищем «при море» [19, с. 164–166]. Как считает А.Н. Кирпичников, «именно через Ладогу проходило основное караванное торговое движение и реэкспортировалось в страны Балтийского региона от трети до половины всех попавших на Русь в IX–X веках куфических монет» [20, с. 109]. В Ладоге в разные годы было обнаружено 4 клада куфического серебра IX – X вв.

и один – западноевропейских монет [21, с. 66]. Из Ладоги на Волгу вели три пути: Мариинская (Волхов – озеро Ильмень – Мста – Тверца – Волга), Тихвинская (Сясь – Тихвинка – Чагодошца – Молога – Волга) и Вышневолоцкая (Свирь – Вытегра – Ковжа – озеро Белое – Шексна – Волга) водные системы [21, с. 17–33].

Другим крупным торгово-ремесленным центром являлось Гнездово. По заключению Г.С. Лебедева, «Гнездово было близко к кругу европейских торговых поселений типа “вигов” [22, с. 62]. Традиционно считается, что Гнездово являлось крупным центром на пути «из варяг в греки», то есть относится только к Днепровскому торговому пути. Однако, по своему географическому положению Гнездово находится на развилке путей недалеко от Волги, и, можно предположить, что русы совсем не обязательно шли отсюда к Киеву, а, напротив, поднимались вверх по Днепру, потом волоком шли к реке Вазузе и по ней достигали Волги.

Таким образом, из Ладоги и Гнездова какая-то часть викингов шла в Новгород и Киев – о них мы знаем из древнерусских летописей. Другие несколькими потоками пробирались на Волгу – об их судьбе нам повествуют, главным образом, восточные письменные источники.

Так, арабские авторы пишут о трех областях проживания русов¹⁾. Например, тот же Ибн Хаукаль в «Книге путей и государств» сообщает: «И русов три группы. (Первая) группа, ближайшая к Булгару, и царь их в городе, называемом Куйаба, и он больше Булгара. И группа самая высшая (главная) из них, называют (ее) ас-Славийа, и царь их в городе Салав, (третья) группа их, называемая ал-Арсанийа, и царь их сидит в Арсе, городе их» [23, с. 316–317]. Б.Д. Греков в работе «Важнейшие черты политического строя Киевской Руси» аналогичные известия интерпретировал следующим образом: «Арабский географ аль-Джайхани... сообщает, что приблизительно в VIII–IX вв. существовали в нашей стране три славянских союза, у каждого из коих был свой «царь». Один такой союз с городом Куяба вел торговлю с сосед-

1) Русами восточные авторы называли скандинавов (см.: Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М., 1963. С. 147).

ними народами, допускал на свою территорию иноземных купцов, другой – «Славия» и третий – юго-западный, лежащий поблизости к «Хазару» воинственная «Артания», не допускающая в свою страну иноземцев и наложившая «дань на пограничные области из Рума» (т. е. Византии). Не трудно в этих трех организациях видеть Новгородскую землю («Славия»), Киевскую («Куяба») и какую-то юго-восточную на границе с Хазарским каганатом, которую мы условно можем обозначить как Приазовско - Черноморскую Русь» [24, с. 535]. Между тем еще в 20-х годах XX века П.П.Смирнов [25, с. 168–173], опираясь на те же источники и карту ал-Идриси, локализовал эти города на верхней Волге, отождествив Куябу с Балахной, Слaviю с Ярославлем, а Артанию с Ардатовым. Похожего мнения придерживалась и Г.Ф.Корзухина, считавшая, что «арабские географы были абсолютно не осведомлены о Днепре. В IX–X вв. никто из них не бывал в Киевской Руси и ничего о ней не писал. Отождествление Киева с Куябой арабских источников является сплошным недоразумением». По ее мнению, весь комплекс сведений, сообщаемый арабскими географами о так называемых трех центрах Руси, связан не с Поднепровьем, а с Поволжьем [26, с. 34]. О том, что все три группы русов располагались в Поволжье, доказывает в своих работах и Д.А. Мачинский [27, с. 3–23]. И.Г. Коновалова, тщательно проанализировавшая сочинение ал-Идриси, констатировала: «Совершенно очевидно, что ни Куяба, ни Кукийана²⁾ не ассоциировались у ал-Идриси с Киевом... Точно так же город Салав не имеет никакого отношения к Новгороду, известному ал-Идриси под его скандинавским наименованием Хольмгард...» [28, с. 151]. В 2010 году мною, на основе анализа сведений восточных авторов, были сделаны выводы о локализации всех трех древнерусских центров в Волго-Окском междуречье [29, с. 163 – 165].

Информация о городах, расположенных на Волге, как уже выше упоминалось, содержится и в древнерусских летописях:

«В лето 6370 (862 г.)... И прия власть Рюрик, и раздая мужем своим грады, оному Полотеск, оному Ростов, другому Белоозеро.

И по тем городом суть находници варязи, а перьвии насельници в Новегороде словене, в Полотьски кривичи, в Ростове меря, в Белоозере весь, в Муроме мурома; и теми всеми обладаше Рюрик [30, с. 18–19]. Из сообщения летописи можно сделать вывод, что названные города, а вернее, протогородские центры, к приходу викингов уже существовали на ключевых узлах Волжского пути, а пришедшие по реке русы активно включались в бурную жизнь протогородов.

Летописные известия, в свою очередь, подтверждают данные археологии.

Широкую известность получили археологические исследования сельских памятников VIII–X вв. Тимерево, Михайловское и Петровское, расположенных недалеко от современного Ярославля и имевших явно выраженный протогородской характер. Эти поселения рассматриваются как торговоремесленные и военно-административные центры на Волжском торговом пути. И.В. Дубов пишет: «Ярославское Поволжье в эпоху средневековья имело прямые и определенные связи со Скандинавией, средней Европой, Прибалтикой, Белозерьем, Хазарией, Булгаром, арабским Востоком и многими другими странами и землями. Менее изученными остаются контакты Северо-Восточной Руси с Южной Русью, и в частности с Киевом, хотя в наличии таковых не приходится сомневаться» [21, с. 103].

В районе Ростова Великого обнаружено несколько кладов, в том числе с восточными монетами начала IX в. Особое значение имеет Сарское городище, которое считается одним из ключевых центров на Волжском водном пути, имевшее тесные связи как со Скандинавией, так и со странами Востока [21, с. 127]. В городе Муроме на Оке также были обнаружены клады восточных монет X века. По мнению А.Н. Кирпичникова, «находки монет как раз обнаруживаются в местах проживания оседлого населения и, наоборот, в степных районах, где не отмечается прочной оседлости, клады обнаруживаются крайне редко» [20, с. 106–112]. Все рассмотренные протогорода являлись активными участниками международной торговли и имели выгодное географическое положение на Великом Волжском пути. «...Самым важным является тот факт, – пишет И.В. Дубов, – что Волжский путь на-

2) Ал-Идриси называет рассматриваемые области соответственно Кукийана, Салав и Арса.

чинает интенсивно использоваться уже с IX века, когда Ладога, Рюриково городище, Ростов Великий и другие центры, выявленные археологически в последнее время, играют ключевую роль в связях с Востоком и Скандинавским Севером» [21, с. 164].

Русы проникали на Волгу и с Белого моря – по Северной Двине [31, с. 147].

Взаимоотношения между хазарами и русами

Река Волга была трансевропейской торговой магистралью, которая соединяла Запад и Восток. По ней ходили, главным образом, военные и торговые суда русов. Поэтому арабские писатели называли Волгу «рекой русов» [8, с. 88]. Корабли викингов везли меха, тюлений жир, мед, рабов. Рынки рабов существовали в IX – X вв. на Западном побережье Швеции – в устье Ёта-эльв и на датском острове Самсё, между Ютландией и Зеландией. В Европу скандинавы доставляли пряности – вина, шелка, ювелирные изделия, наконец, деньги [17, с. 117]. «Богатство, приобретенное на Востоке, шло обратно в Швецию в форме серебра: в различных частях Скандинавии до сих пор было найдено около 85 000 арабских и около 500 византийских монет. Почти все они датируются IX – X веками», – пишет Жаклин Симпсон [18, с. 130]. Одной из главных статей торговли были рабы. Самый большой спрос на рабов в то время был у арабов Средиземноморья. В прежние времена в рабство продавали должников, преступников и пленников из Западной и Центральной Европы. Но после того, как эти территории стали христианскими, церковь запретила продажу христиан. Но от Прибалтики и до самого Каспийского моря обитало множество язычников, которых можно было провезти через христианские страны. Большая часть торговли рабами шла на Восток, но часть проходила через Хедебю и шла по старому пути работоторговцев в Марсель и оттуда к арабам Испании и Африки [18, с. 116–117]. О работоторговле русов рассказывают и восточные авторы. Так, Ибн Русте сообщает: «Они [русы] нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются и забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают» [8, с. 48]. Таким образом русы

получали огромную прибыль и были кровно заинтересованы в волжской торговле. Известный российский историк-востоковед И.Г. Коновалова справедливо полагает, что «освоение Волжско-Каспийского торгового пути неминуемо должно было поставить русов перед необходимостью налаживания взаимоотношений с Хазарией, которая благодаря своему географическому положению контролировала каспийский участок торговли, а также часть караванных путей между Восточной Европой, Средней Азией, Восточным Закавказьем и Ближним Востоком» [32, с. 112].

Как русы договаривались с хазарами и договаривались ли вообще?

Из летописи известно, что между хазарами и русами существовали какие-то договоренности, согласно которым были поделены территории для сбора дани. Летопись сообщает: «В лето 6367 (859 г.). Брали дань варяги из заморья с чуди и со словен, с мери и со всех кривичей. А хозары брали дань с полян и с севера и с вятичей...» [30, с. 21].

При чтении восточных источников создается впечатление, что русы более вольготно чувствовали себя в восточных странах, чем в Хазарии. Перед тем, как ступить на хазарскую землю, русы испрашивали разрешение хазарского царя. Об этом мы узнаем из рассказа ал-Масуди (896 – 956 гг.) о Каспийском походе русов: «Когда суда русов доплыли до хазарских войск, размещенных у входа в пролив, они снесли с хазарским царем [просьбу разрешения] пройти через его землю, спуститься вниз по его реке [Волге], войти в реку (канал, на котором стоит их столица?) и таким образом достичь Хазарского моря... Он разрешил им совершить это [беззаконие] и они вошли в пролив, достигли устья реки [Дона] и стали подниматься по этому рукаву, пока не добрались до Хазарской реки [Волги], по которой они спустились в город Атиль и, пройдя мимо него, достигли устья, где река впадает в Хазарское море, а оттуда [поплыли] в город Амоль (в Табаристане)» [31, с. 199]. Иначе русы ведут себя, попав в Каспийское море. Ибн Хордадбех так рассказывает о торговле русов: «Если говорить о купцах ар-Рус, то это одна из разновидностей (джинс) славян. Они доставляют заячьи шкурки, шкурки чёрных лисиц и

мечи из самых отдалённых [окраин страны] славян к Румийскому морю. Владелец (сахиб) ар-Рума взимает с них десятину (ушр). Если они отправляются по Танаису – реке славян, то проезжают мимо Хамлиджа, города Хазар. Их владелец(сахиб) также взимает с них десятину. Затем они отправляются по морю Джурджан и высаживаются на любом берегу. Окружность этого моря 500 фарсахов. Иногда они везут свои товары от Джурджана до Багдада на верблюдах. Переводчиками [для] них являются славянские слуги-евнухи (хадам). Они утверждают, что они – христиане и платят подушную подать (джизью) [33, с. 124].

По сведениям географа ал-Истахри, «источник дохода царя составляет взимание пошлин на заставах на сухих, морских и речных путях» [34, с. 43]. В IX–X вв. взимание «десятины» стало важнейшей статьёй доходов Хазарии. Поэтому хазары так же, как и русы, были заинтересованы в стабильном функционировании торгового пути и безопасности купеческих судов. «Четкая внутренняя система налогообложения населения, эксплуатация путем данничества подвластных племен, контроль транзитной торговли на западной части Большого шелкового пути и посредническая торговля между странами Запада и Востока (преимущественно рабами и мехами) стали источниками развитой экономики Хазарии, которая обеспечивала военное могущество каганату и делала его основным фактором этнополитической стабильности на юго-востоке Европы с начала VII до середины X в.», – пишут в статье «Вооружение и военное дело Хазарского каганата» А.В. Комар и О.В. Сухобоков [35].

В исторической науке существует мнение, что хазары стали щитом, заслонившим европейскую цивилизацию от арабской экспансии. В.Ф. Минорский писал: «Накануне мусульманской экспансии хазары были главной силой в Южной России и в Восточном Закавказье. Еще недостаточно осознано, какие усилия должны были затратить арабы, чтобы сокрушить мощь хазар... Им удалось это сделать лишь накануне падения Омаййядов» [31, с. 142]. Так же считала и С.А. Плетнева: «Хазария сыграла большую роль в истории восточно-европейских стран – она явилась щитом, заслонившим их от арабов,

щитом, выдержавшим атаки непобедимых арабских армий, возглавляемых полководцами, перед именами которых трепетали другие народы» [36, с. 40].

По мнению А.П. Новосельцева, основной причиной арабо-хазарских войн была борьба за контроль над торговыми путями и «вряд ли верно ставить вопрос об арабской угрозе, от которой, якобы, спасли Восточную Европу хазары» [37, с. 25].

Вообще, история арабо-хазарских войн закончилась оглушительным разгромом армии каганата в 735 году. Кагану пришлось перейти в ислам, а арабский полководец Мерван, который дошел до самой Волги, увел в Закавказье двадцать тысяч пленных «сакалиба».

Но вскоре Хазарский каганат стал одним из самых мощных государств тогдашнего мира. И, надо полагать, не только развитая экономика и царская гвардия обеспечивала военную мощь Хазарии. По-видимому, немаловажную роль в возвышении каганата сыграли русы и их оружие. И, вполне вероятно, что не столько внутренние катаклизмы в халифате способствовали завершению полуторавекового противостояния с хазарами, а сколько появление на Каспийском море викингов, которые стали наводить там свои «порядки». Искусные мореплаватели и отважные воины – русы – держали в постоянном напряжении и страхе прикаспийские страны, что позволяло хазарам удерживать прочные позиции в этом регионе (с тех пор Каспийское море прибрежные народы зовут Хазарским). Ведь недаром ал-Масуди утверждал, что «русы и славяне... являются войском царя и его слугами» [8, с. 114].

В письме хазарского царя Иосифа особо подчеркивается следующий момент: «Я охраняю устье реки и не пускаю русов, приходящих на кораблях, приходить морем, чтобы идти на исмаильтян, и [точно также] всех врагов [их] на суше приходить к «Воротам» [19, с. 83–84]. Как комментирует этот пассаж С.А. Плетнева, «Иосиф дипломатично не забыл в письме напомнить подданному мусульманского государя Хасдаю о том, что он, Иосиф, является постоянным защитником мусульман... Этой фразой Иосиф подчеркнул, что его царство играет заметную роль и в большой международной политике» [36, с. 10–11].

Одним из самых драматических эпизодов во взаимоотношениях хазар и русов является так называемый Каспийский поход. Русы, с разрешения хазарского царя, прошли на своих кораблях в Каспийское море, где стали бесчинствовать: «...И проливали русы кровь, и давали себе полную свободу в отношении женщин и детей, захватывали имущество, совершали набеги и жгли...». Русы дрались и с воинскими подразделениями, и убивали мирных людей. «Когда русы набрали добычи и им наскучили их приключения, они двинулись к устью Хазарской реки [Волги] и снеслись с хазарским царем, которому послали денег и добычи, как это было договорено между ними. Ларисийцы и другие мусульмане царства [узнали] о том, что натворили [руссы] и сказали царю: «Предоставь нам [расправиться] с этими людьми, которые напали на наших мусульманских братьев, пролили их кровь и полонили женщин и детей». Царь не мог им помешать, но послал предупредить русов, что мусульмане решили воевать с ними» [31, с. 200].

Из текста ал-Масуди следует, что против русов объединились мусульмане всего «царства»: «мусульман было 15 тысяч на конях и в [полном] снаряжении». Царь «послал предупредить русов, что мусульмане решили воевать с ними». Легендарные русы арабских и византийских источников трусами никогда не были. Вызов мусульман был, конечно же, принят. Согласно источнику, «мусульмане собрали войско и спустились вниз по реке, ища встречи с ними». Царь не мог им помешать, так как, по всей видимости, узнал о намерении мусульман сражаться в тот момент, когда объединенное войско уже выступило навстречу русам. Пешим русам пришлось сражаться с конным противником и это предопределило исход схватки. Уцелевшие русы «на своих судах пошли к той стороне, которая ведет к стране Буртас. Они бросили свои суда и двинулись по суше». Русы устремились вверх по Волге, пробиваясь через заслоны враждебных им буртасов и болгар. Они направились в сторону «страны Буртас» с целью достичь своих форпостов на Волго-Окском междуречье. Из рассказа Масуди следует, что эти русы возвращались из «Андалуса, Рима, Константинополя», куда они ездили по торговым делам. Возможно, русы и в Каспийское море направлялись

якобы с торговыми целями. Поэтому хазары после некоторых формальностей и пропустили их в Каспий. Однако русы ал-Масуди в Каспийском море повели себя неадекватно. Вероломное нападение русов на прикаспийские города ставило Хазарию, являвшейся центром международной торговли, в трудное положение: были нарушены экономические связи с восточными странами, в политическом отношении Хазария представляла перед сопредельными державами страной-агрессором. Кроме того, мусульманами Атиля было воспринято как личное оскорбление массовое уничтожение единоверцев русами-язычниками. Все это вызвало радикальные меры со стороны хазар и истребление участников кровавой псевдоторговой экспедиции русов. По мнению современных исследователей, «хазарский бек, обещавший русам свободный проход, не смог воспрепятствовать нападению не столько из-за коварности или жадности, сколько именно под давлением мусульманско-христианской части Атиля. Б.Н. Заходер справедливо обратил внимание на ремарку ал-Масуди: «если бы соединились мусульмане и те, кто здесь из христиан, не стало бы у царя над ними могущества». Действительно, в ситуации, когда хазарские войска были разбросаны на огромной территории, сам бек не мог не считаться с присутствием в Атиле 15 тысяч вооружённых людей, способных в любой момент прийти на помощь против врага или же самим оказаться врагами» [35]...

И.Г. Коновалова считает, что «в 912–913 гг. хазарам было выгодно пропустить русов на Каспий, ибо своими действиями они ослабляли противников Хазарии. О том, что действия русов в значительной степени совпадали с интересами хазар, косвенно свидетельствуют ширванские и дербентские хроники, которые молчат о походе русов, но много говорят о борьбе с хазарами в первые два десятилетия X в» [32, с. 112].

В 965 г. Хазарский каганат подвергся нападению войска киевского князя Святослава. Согласно летописи, «Иде Святослав на козары, слышавше же козары изиидоша противу с князем своимъ Каганомъ и съступишася биитися и бывше бране, одоле Святославъ козаремъ и градъ ихъ Белу Вежу взя. И ясы победы и касогъ» [30, с. 47]. Повидимому, об этом же событии сообщает и

Ибн Хаукаль: «Булгар – город небольшой... и опустошили его русы, и пришли в Хазаран, Самандар и Итиль в году 358...» [38, с. 91–94]. Принято считать, что после разрушительного похода Святослава, Хазарский каганат прекратил свое существование.

Известный российский археолог, ученица М.А. Артамонова, посвятившая всю свою жизнь поискам хазарских древностей и восстановлению истории каганата, С.А. Плетнева поход Святослава называла

«разорительно-завоевательным» и считала, что «гибель сильного и развитого экономически и культурно государства не дала ничего положительного ни одному из окружающих его и плативших ему дань народов и соседних государств», а, напротив, когда «железный хазарский щит рухнул», на восточноевропейские страны, в том числе и Русь, хлынули, неся с собой новые испытания и беды, «кочевнические орды печенегов, а затем и половцев» [39, с. 24].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кирпичников А.Н. Формирование Великого Волжского пути// Восточный свет. – 2005. – № 3.
2. Вилинбахов В. Б. Балтийско-Волжский путь// Советская археология. – 1963. – № 3.
3. Рыбаков Б. А. Русь и Хазария (К исторической географии Хазарии)// Сб. ст. Академику Б.Д. Грекову ко дню семидесятилетия. – М., 1952
4. Рыбаков Б. А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси// Советская археология. – 1953. – Т. XVIII.
5. Михеев В.К., Тортика А.А. Евреи и иудаизм в Хазарском каганате: к вопросу о формулировке научной концепции Хазарской истории.// Хазары/ Евреи и славяне. – Иерусалим-М., 2005. – Т.16.
6. Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. – Л., 1932.
7. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990.
8. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Восточные источники. – М., 2009. – Т. 3.
9. Хвольсон Д.А. Известия о Хозарах, Буртасах, Болгарах, Мадырах, Славянах и Руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даства, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея. – СПб., 1869.
10. Книга Ахмеда Ибн Фадлана// Артур Кестлер. Тринадцатое колено..СПб., Евразия, 2006.
11. Hudud al-Alam. The Regions of the World. A Persian Geography 372 A.H. – 982 A.D./Tr. and expl. by V.Minorsky. – London, 1937.
12. Бартольд В.В. Сочинения. – М., 1975. – Т. VIII.
13. Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В. Городище в дельте Волги// Восточная коллекция. – 2006. – № 2.
14. Лифанов Н.А. Систематика погребально-поминальной обрядности новинковского населения// II Городцовские чтения. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию деятельности В.А.Городцова в ГИМ. Апрель, 2003. – М., 2005.
15. Лифанов Н.А. О культурной принадлежности населения Средневожской лесостепи раннехазарского времени// Материалы научно-практической конференции «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Казань, 7-11 декабря 2009 г. Тезисы докладов. – Казань, 2009.
16. Рыбаков Б.А. Мир истории. – М., 1984.
17. Кан А.С. История скандинавских стран. – М., 1980.
18. Симпсон Ж. Викинги. Быт, религия, культура. – М., 2005.
19. Носов Е.Н. Раннегородские центры Поволжья: проблемы возникновения и соотношения// XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тез. док. – М.-Петрозаводск, 1997.
20. Кирпичников А.Н. Формирование Великого Волжского пути// Восточный свет. – 2005. – № 4,
21. Дубов И.В. Великий волжский путь. – Л., 1989.
22. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. – Л., 1985.

23. Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI-IX вв.// Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. – М., 2000.
24. Греков Б. Д. Краткий очерк политической истории Киевского государства// Киевская Русь. – М., 1994.
25. Смірнов П. П. Волзький шлях і стародавні руси. Нариси з руської історії VI-IX вв. – Київ, 1928.
26. Корзухина Г.Ф. Русские клады. – М., 1954.
27. Мачинский Д.А. Ростово –Суздальская Русь в X в. и «три группы Руси» восточных авторов // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока / Под ред. А.Д.Столяра. – Сыктывкар, 1985.
28. Коновалова И. Г.. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. – М., 1999.
29. Усманов Э.М. Локализация древнерусских центров в средневековых восточных источниках// Древность и средневековье: вопросы истории и историографии / Материалы I Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Омск, 2010.
30. Повесть временных лет. – М.-Л., 1950. – Ч. 1.
31. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X-XI веков. – М., 1963.
32. Коновалова И.Г. Походы русов на Каспий и русско-хазарские отношения// Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т.Пашуто. – М., 1999.
33. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран/ Пер. с араб., коммент., исслед., указатели и карты Н. Велихановой. – Баку, 1986.
34. Караулов Н.Л. Сведения арабских географов IX-X вв. по Р.Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане// Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1908. – Вып.38.
35. Комар А.В., Сухобоков О.В. Вооружение и военное дело Хазарского каганата// Восточноевропейский археологический журнал, № 2(3), март-апрель 2000. – http://archaeology.kiev.ua/journal/020300/komar_sukhobokov.htm
36. Плетнева С.А. Хазары. – М., 1986.
37. Новосельцев А.П. Хазария в системе международных отношений. VII-IX вв.// ВИ. – 1987. – № 2.
38. Калинина Т. М. Сведения Ибн Хаукала о походах Руси времен Святослава //Древнейшие государства на территории СССР, 1975 г. – М., 1976.
39. Плетнева С.А. Хазары и Хазарский каганат.// Хазары/ Евреи и славяне. – Иерусалим-М., Гешарим, 2005. – Т.16.



ТРИ ПРОБЛЕМЫ В ИСТОРИИ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА

Установить точную дату открытия первых археологических находок и целых памятников Хазарского каганата весьма сложно. Любая будет достаточно условна и оспариваема. Во всяком случае, археологические поиски руин Саркела начинались задолго до открытия Верхне-Салтовского могильника и раскопок Маяцкого городища. Тем не менее, предложенное инициаторами сборника «110-летие» является хорошим поводом для подведения некоторых итогов в хазароведческих исследованиях. Разумеется, итоги эти всегда будут предварительными, промежуточными.

Прошедший более чем столетний срок оказался слишком незначительным для того, чтобы увидеть в перспективе возможность более или менее определённого решения хотя бы некоторых основных вопросов хазарской=салтово-маяцкой археологии.

Ни один археологический памятник салтово-маяцкой культуры не исследован к нашему времени в полной мере. Это касается городищ, поселений и могильников, но особенно их сочетаний, археологических комплексов (поселение+могильник; городище+поселение+могильник). Особенно плохая ситуация с исследованиями поселений. Мало того, сам ареал культуры обследован неравномерно.

Дискуссионность большинства вопросов салтово-маяцкой археологии является следствием недостаточности базы источников, а не только субъективных толкований. Надо иметь в виду, что в спорах и дискуссиях, подчас очень ожесточённых, ошибаться могут обе стороны.

Наконец, надо заглянуть в будущее, близкое и отдалённое, хотя бы на ближайшее столетие. Впереди раскопки десятков, а потом и сотен поселений и тысяч погребений. Новая громадная информация в значительной мере перевернёт существующие весьма ещё шаткие представления о салтово-маяцкой культуре и истории каганата.

Но несомненный будущий прорыв в хазароведении базируется на наших скромных по масштабам раскопках и строящихся на их результатах выводах и гипотезах. В этом плане я предлагаю для обсуждения собственное видение состояния некоторых актуальных проблем хазароведения, в том числе салтово-маяцкой археологии, как его составляющей¹⁾.

1. Кочевание или переселение?

Как ни парадоксально, при множестве работ с упоминанием кочевничества в Хазарском каганате, именно стадия кочевничества в нём исследована весьма поверхностно, без достаточного изучения археологических памятников, относимых к «кочевьям».

Сегодня становится всё очевиднее, что каганат изначально не был кочевым «степным государством». Основной массив его населения от Среднего Дона до его низовий, включая бассейн Северского Донца, был оседлым, по крайней мере, с середины VIII в. Сезонное кочевание имело место только в степях левобережья Нижнего Дона; именно здесь нет городищ, по крайней мере, о них сегодня не известно. Семикаракорская крепость, как и Саркел, поставлена непосредственно в долине Дона, а не в глубине левобережной степи.

Если для степей левобережья Нижнего Дона и восточнее, вплоть до Нижней Волги, вопрос о кочевничестве можно ставить хотя бы в силу отсутствия развитой сети поселений, то в лесостепи о кочевании говорить не приходится. И в целом, *существовало ли здесь кочевание как постоянная форма хозяйства, начиная с момента появления Хазарского каганата, а в археологическом аспекте – салтово-маяцкой культуры?*

1) Публикуется с некоторыми изменениями один из разделов моей книги «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.-Иерусалим: Мосты культуры – Гешарим», 2011.

Подготовлено по Программе ОИФН РАН «Аланы, хазары и Русь: этнокультурные взаимосвязи народов Восточной Европы в раннем Средневековье».

Нет городищ в степях среднего течения Северского Донца, но здесь множество поселений. К.И. Красильников объясняет это невооружённостью местного, преимущественно болгарского населения, находившегося, по его мнению, под контролем и в состоянии экономической эксплуатации со стороны хазар. Отсюда лишение болгар права на строительство крепостей и личное оружие. Район, по его данным, густо заселён, причём, помимо собственно долговременных поселений, автор обнаруживает здесь *стойбища* без культурного слоя и кочевья с культурным слоем. Первый этап оседания реконструируется им как переход от кочевого уклада (*стойбища*) к полукочевому (кочевья). Полная же оседлость маркируется появлением поселений (*селищ*). Часть же поселений возникает на месте кочевий. Но мне не совсем ясно, как удаётся в процессе раскопок достоверно проследить трансформацию кочевья в поселение [1].

В значительной степени на построения К.И. Красильникова оказала влияние классификация поселений, предложенная ещё С.А. Плетнёвой, но им несколько видоизменённая. С.А. Плетнёва не разделяла «*стойбища*» и «кочевья». *Стойбища* (равно летовки и зимовища) для неё синоним кочевий, как и ещё один термин – «стоянки» [2, с. 13-15]. Исследовательница на очень скудном материале выделила более ранние большие *стойбища* куренного типа, с находками фрагментов амфор VI – VII вв. и котлов с внутренними ушками, и более поздние VIII – IX вв. аильного типа, с «салтово-маяцкой керамикой». Но котлы с внутренними ушками – это тоже салтово-маяцкие формы керамики, а формирование самой культуры в VI – VII вв. исследовательница впоследствии категорически отрицала. Попутно замечу, что расхожее мнение о том, что лепные котлы всегда более ранние, ошибочно: они сосуществуют со сформованными на ручном круте вплоть до конца салтово-маяцкой культуры. Что же касается выделения ею *стойбищ* куренного типа, то куренным она назвала и расположение нескольких юртообразных жилищ на Правобережном Цимлянском городище, датированном никак не ранее конца VIII – начала IX вв. По её прежней классификации поздние типы расположения жилищ должны быть аильные. Она писала: «Аильные

зимовища были по существу переходной формой от становищ-кочевий к поселениям оседлых земледельцев» [2, с. 19]. Впрочем, неясность для С.А. Плетнёвой решения проблемы выделения кочевий просматривается и в неустойчивости терминологии – кочевья, *стойбища*, стоянки, становища.

Разумеется, мы не можем с позиций сегодняшнего дня безоговорочно критиковать известного учёного за отмеченные несоответствия и противоречия, ведь С.А. Плетнёва шла тогда, более 50-ти лет назад, ещё «неизведанными тропами». Но возможность подразделять куренной и аильные способы размещения наземных жилищ на основе сборов или небольших разведочных раскопок вызывает сомнение. В самой постановке вопроса просматривается схематизм в трактовке развития салтово-маяцкой культуры.

Вот на что надо в первую очередь обратить внимание: в числе описанных С.А. Плетнёвой, были и *поселения* с тем же набором находок, в частности у с. Натальевка и особенно с. Обрыв (на северном берегу Таганрогского залива Азовского моря), судя по разнообразию представленной на последнем керамики [2, с. 16]²⁾. В ходе разведок на небольших речках, впадающих в Таганрогский залив, я обнаружил и настоящие поселения, обитатели которых могли периодически спускаться со стадами или для рыбной ловли к Таганрогскому заливу, оставляя после себя рассеянные по побережью черепки и кости от мяса домашних животных. Путь занимал день-два.

Среди тех местонахождений побережья залива, которые С.А. Плетнёва называла

2) Материалы сборов С.А. Плетнёвой не сохранились. Проверить даты амфор сегодня не представляется возможным, а соответственно и даты открытых ею у Таганрогского залива памятников. Весьма вероятно, что среди фрагментов амфор были датированные VI-VII вв.

В 1970-1974 гг. я прошёл по маршруту С.А. Плетнёвой, а также по речкам Сухой и Мокрый Еланчики и Сарматка, впадающим в Таганрогский залив (Отчёты в научных архивах Института археологии РАН и Таганрогского краеведческого музея. Все сборы полностью сохраняются в фондах этого музея). Ситуация здесь не столь проста, как она описана С.А. Плетнёвой; хронологию надо уточнять. Что касается упоминаемых ею каменных цоколей на местонахождении у с. Натальевка, то это могли быть развалы жилищ эпохи поздней бронзы. Остатки каменных строений этого времени, перекрытые небольшим салтово-маяцким слоем, были мною открыты на р. Сарматка у с. Отрадное [3].

«стойбищами», а ряд нынешних археологов называют подобные вновь открытые «кочевьями», большинство может быть также, и прежде всего, следами: перемещений пастухов, передвижения военных отрядов, постоянных мест дойки, временных ограждений для крупного рогатого скота и лошадей, временных овчарен, мест постоянных водопоев, и т.д. Разбитую посуду и остатки трапез оставляли у полей и огородов земледельцы (почему это не учитывается?), а на побережье рыбаки. В ходе археологических разведок следы всего перечисленного могут быть приняты за «кочевья». Они и неотличимы от действительных кочевий, т.е. следов передвижения собственно кочевников.

С другой стороны на однодневном бивуаке военного отряда в 50 -100 и более человек, а особенно многодневном, могло остаться достаточное количество битой посуды, выброшенной тары (амфор) и костей животных для того, чтобы она воспринималась при внешнем осмотре как поселение, а места кострищ могут быть приняты за следы плохо сохранившихся очагов или зольники. Мало того, здесь же могли остаться следы походной кузницы, инструменты мастеров-кожевников (ремонт упряжи) и иных.

Разбросанные по степям следы временного пребывания оседлого населения оставались на протяжении последующих веков вплоть до сегодняшнего дня. Типичный образец: археологизирующиеся на наших глазах полевые станы XIX-XX вв., места базирования колхозных бригад в период посева и уборки урожая. Все они со временем превращаются в «кочевья». Приходится учитывать и тот фактор, что скопление «кочевий», т.е. рассеянных немногочисленных культурных остатков, могут быть указанием на нахождение вблизи неоткрытого, незамеченного поселения, а найденное «кочевье» при тщательном обследовании и пробных раскопках окажется поселением с культурным слоем.

Совершенно очевидно, что предпринимаемый поиск кочевий, необходимо учитывать общую ситуацию в данной археологической культуре, в определённом её регионе, в данном социуме на конкретном отрезке времени.

Один из самых последних примеров разноречия в определении типа памятника: по-

селение или стойбище - местонахождение Манучкина балка IV к востоку от г. Таганрога. Первый раскопщик памятника А.В.Шеф характеризовал его как поселение, что другой, М.А. Бакушев, позднее специально отметил.

Сам М.А. Бакушев, вскрыв на памятнике площадь в 1400 кв. м. перемешанного слоя, в котором обнаружил около ста фрагментов амфор, несколько фрагментов лепных сосудов и полуразрушенный очажок из камней пришел к иному, нежели Шеф, заключению на основании преобладания амфор и небольшого числа лепной керамики – местонахождение, «по всей видимости», является по С.А. Плетнёвой стойбищем второго типа. Он пишет: «Стойбища второго типа базировались на аильной системе ведения хозяйства и были переходной формой от становищ-кочевий к оседлым поселениям. Они датируются С.А. Плетнёвой VIII –IX вв.» [4]. Комментировать ситуацию с типологической принадлежностью пункта «Манучкина балка IV» нет смысла³⁾. В данном случае, как и в подобных, имеет место прямое наложение старой схемы на археологический материал.

* * *

В последние годы я прихожу к убеждению, что в истории Хазарского каганата не было как такового отдельного исторического этапа кочевничества. Правильнее говорить о *переселении* и быстром освоении новой территории с последующим сооружением укреплений в форме валов-рвов, а

3) Отмечу следующее обстоятельство. Подавляющее большинство текущих открытий местонахождений салтово-маяцкой культуры в её южных регионах, в частности в Ростовской области, происходит в ходе т.н. «спасательных» экспедиций раскопщиками, не имеющими определённой специализации. К их выводам в предварительных публикациях надо подходить с особой осторожностью. К сожалению, до полных публикаций у большинства из них руки не доходят, т.к. зачистка территорий для строителей (суть «спасательных» раскопок) поставлена на поток. Надо обращать внимание и на следующее. Цифры вскрытых квадратных метров, как бы велики и впечатляющи они не были, сплошь и рядом относятся не к площади самого местонахождения, его культурного слоя, а к общему объёму выполненных экспедицией работ. В неё могут входить и «пустые участки», особенно если раскопки ведутся траншейным способом вдоль будущих трубопроводов, дорог и пр. Настоящие границы местонахождения при этом не устанавливаются.

затем белокаменных и кирпичных крепостей. Заимствуя термин из истории венгров, я бы назвал это «обретением родины». Как и для венгров, поиск прежней старой родины хазар не завершён, а, точнее, практически и не начинался. Новую родину обрели и праболгары Аспаруха (Испериха) на Нижнем Дунае, где они, не без влияния славян и византийской агрокультуры, быстро перешли к оседлости.

Если же ставить вопрос лишь о кратковременном периоде кочевания после переселения на новую территорию, то его завершение в полной мере зафиксировано на Правобережном Цимлянском городище, причем в самой ярко выраженной форме сочетания примитивных юртообразных жилищ с самой совершенной в каганате белокаменной фортификацией, не уступающей фортификации Саркела. Создается впечатление, что очень небольшая группа кочевников была приглашена (поселена) в уже построенную крепость в качестве гарнизона.

И, разумеется, нет оснований предполагать, что аланы, переселившиеся с Северного Кавказа в верховья Северского Донца и на Средний Дон, прошли на новых местах пусть даже короткий этап кочевания. В лесостепи юртообразные жилища правобережно-цимлянского типа, точнее напоминающие их, встречаются эпизодически [например: 5, с. 255] и никак не могут служить доказательством процесса массового перехода от неустановленного здесь кочевания к оседлости. Попытки решить эту проблему предпринимает В.В. Колода (см. в частности: [6]. Не имею возможности разбирать здесь его построения (мне они не представляются убедительными из-за преувеличения «теории» над недостаточной базой археологических источников, на которых она строится).

Вопрос о кочевничестве и его продолжительности в каганате требует в целом коренного пересмотра. Решить его можно одним путём – в ходе тщательных и неспешных археологических исследований. Один пример. В 1965 году С.А. Плетнёва проводила разведку около Семикаракорского городища и далее выше по течению р. Сал [2 с. 14, карта]. Никаких салтово-маяцких памятников в окрестностях городища обнаружено не было. В последние годы вокруг городища в низовьях р. Сал краевед С.Ф. Токаренко в

результате упорных пеших разведок выявил более 20-ти местонахождений. Как далеко их сеть простирается выше по течению уходящего в степи донского левобережья Сала предстоит ещё выяснять.

* * *

Сложнее обстоит дело с Великой Болгарией в Приазовье и на Нижнем Дону. Поселенческие праболгарские памятники, будь то кочевья или стационарные поселения дохазарского времени, практически не изучены. Кроме того надо иметь в виду, что праболгары застали на месте старое позднеарматское оседлое население, которое далеко не всё было втянуто в Великое переселение народов. В целом же археология Старой Великой Болгарии – тема, требующая отдельного рассмотрения.

Предложенные выше соображения – пока ещё даже не гипотеза, но подходы к её формированию. Необходимы дополнительные археологические данные.

2. Экономика каганата и проблема города

Мы пришли к тому, что Хазарский каганат возникает как осёдлое образование условно раннего государственного типа с рыхлой структурой, минуя стадию длительного кочевания с её специфической экономикой, но к концу своей истории, создав самодостаточную экономическую основу и вполне развитую для своего времени и географического положения материальную культуру, так и не образует поселения высшего типа – города.

На первый взгляд, каганат имел достаточно предпосылок для возникновения городов. Это собственная сырьевая база для развития ремёсел. В первую очередь следует назвать центр чёрной металлургии в районе Ютановского городища в Белгородской области. В районе Донбасса фиксируется добыча меди, а часть её с другими цветными металлами поступала с Кавказа. Чёрная металлургия обеспечивала сырьём и инструментарием разнообразные ремёсла, не в последнюю очередь оружейников. Подчёркнём высокий уровень гончарного ремесла. В VIII–IX вв., когда соседнее славянство довольствовалось лепной посудой, в каганате

повсеместно бытовали прочные горшки, сошедшие с ручного круга.

Нет сомнений в самообеспеченности населения каганата зерном разных культур и продукцией скотоводства. Стоит отметить, что встречающиеся изредка высказывания о зависимости каганата от поступления зерна из славянских земель ничем не подтверждены. Дань, поступавшая от соседних полузависимых народов, в немалой степени от славян, подпитывала экономику и благополучие каганата [ср.: 7], но решающего значения это иметь не могло. Повсеместно встречающиеся в поселениях и городищах земледельческие орудия это подтверждают. Для земледельцев изготовлялся полный набор сельхозорудий, включая наральники. Нет сомнений, что сельское хозяйство каганата было бы в состоянии обеспечить население всем необходимым.

О хозяйстве каганата написано достаточно, и нет в данном случае необходимости прибегать к ссылкам на отдельные публикации; упомяну книги В.К. Михеева [8], В.В. Колоды [9] и его же с С.А. Горбаненко [10]. В связи с хозяйством, особенно сельским, отмечу вполне благоприятные климатические и географические условия (ср. с зонами пустынь или полупустынь, таёжных лесов, высокогорий). Неблагоприятными для земледелия были только некоторые юго-восточные территории (современной Калмыкии, Астраханской области). Даже климатические изменения в сторону аридности вряд ли могли серьёзно отразиться на производительности сельского хозяйства Хазарского каганата при густой речной сети.

Есть предпосылки, которые также включаются в список необходимых для возникновения города. Я имею в виду уровень культуры, среди разных проявлений которой, важнейшей является письменность. Письменность в каганате была. Памятники рунического письма, пусть немногочисленные, обнаружены на всей территории каганата. Безусловно, руническая письменность не самая совершенная (ср. с греческой, латинской, арабской), допускающая разночтения у современных специалистов, но надо полагать, обеспечивавшая потребности каганата. Как известно, при дворе каганов со времени обращения, появляется письменность на иврите, который, как мы знаем, использовался

для внешних сношений (еврейско-хазарская переписка).

В наличии было ещё одно важнейшее условие: каганат принимает официальную общегосударственную (в перспективе) религию; одновременно это и важнейшее политическое решение, хотя, вероятно, не лучшее⁴⁾.

Итак. Достаточно высокое во всех отношениях развитие не привело с неизбежностью к возникновению городов, хотя вроде бы все предпосылки для возникновения «хазарских городов» были налицо. В чём причина? Мой вывод может показаться парадоксальным, но иного я пока не нахожу. *Полнота ресурсов, обеспеченность продуктами ремесла и сельского хозяйства в сочетании с хорошими природными условиями привели к обратному эффекту – Хазарский каганат останавливается на достигнутом уровне, удовлетворявшем потребности не слишком стратифицированного общества. Выпуск собственной монеты развития не получил и скорее имел декларативные цели, надо полагать преобладал натуральный обмен, чему соответствует практика полюбья кагана (и бека?) и его окружения.*

Были нужны дополнительные стимулы в сфере надстройки, политические, подтолкнувшие бы к активизации денежных отношений и внутреннего товарооборота, что в свою очередь создало бы условия для сдвигов в ремёслах, за которыми и могло последовать превращение некоторых крупных поселений в города, да и в целом общие преобразования в стране. Какие же стимулы были необходимы? Требовались централизация государства и подавление самостоятельности вождей. Усиление роли центральной власти, подчинение ей местной знати (часто в форме приведения к присяге на верность) – это переживала и Западная Европа в «хазарское время», а особенно с X в. и позднее.

Не способствовало экономическому и политическому развитию каганата и состояние ближайших соседей, находившихся на безусловно более низком уровне, более слабых во всех отношениях – славяне, народы Поволжья и Сев. Кавказа. И это также не

4) Отступая от темы. Я не считаю, что выбор иудаизма был неизбежен и единственно возможным. По крайней мере выбор христианства в реальности не мог удалённому от Византии каганату грозить политической зависимостью и той борьбой, которая не прекращаясь шла между Болгарией и Византией.

стимулировало к внутренним преобразованиям, укреплению войска, сдвигам в военном деле [11].

Наконец, для целенаправленного осуществления преобразований необходимо было появление во главе каганата «сильной личности». Судя по ослаблению каганата к X в. такая не выдвинулась. Подавляющее большинство событий в истории каганата письменные источники не сохранили. О внутренней ситуации в каганате нам почти ничего не известно. Относительно легко было разгромлено восстание т.н. кабаров. Но в целом, мелкие политические коллизии в Хазарии не затронули экономические основы. Борьба за власть, религиозные столкновения по существу вряд ли приводили к значительным переделам земель, но территориальные споры могли возникать между местными вождями постоянно. Не может не привлечь внимание появление в среднем течении Северского Донца группы мусульманского населения. Если это и вызвало какие-то столкновения, то ограниченного масштаба.

К исчезновению Хазарского кагана с исторической арены исподволь вели многие причины, не в последнюю очередь заставившая на одном уровне экономика и архаическая структура власти. Ведущая роль в выяснении этих причин принадлежит исследованию поселений в купе с уточнением хронологии в рамках X–XI вв. Одна из насущных задач – установить демографическую ситуацию последних десятилетий существования Хазарии, её тенденции.

Целесообразно пересмотреть чрезмерно преувеличиваемое историками значение похода (или двух) Святослава. На мой взгляд, сам поход стал возможен лишь в условиях необратимого процесса ослабления каганата. В иных обстоятельствах Святослав не был бы в состоянии воевать на «два фронта», на хазарском (волго-донском) и болгарском (нижне-дунайском).

* * *

Чего же в целом не хватает для решения проблем стадийного уровня Хазарского каганата, включая и вопрос о городе? На сегодня разработана политическая история каганата (оставим в стороне бесплодные

дискуссии по частным вопросам). Наступило время создания **экономической истории**. Какой бы невероятно сложной не казалась поставленная задача, без её решения не обойтись. Для начала же надо наладить методику отбора источников и работы с ними. Не подходит к ним с заранее установленными критериями – важнейшее требование. А источники остаются прежними: постоянно пополняемые археологические. Экономическая информация, большей частью косвенная, содержится и в письменных источниках, но на открытие новых рассчитывать особенно не приходится. Говоря о создании экономической истории, я, конечно, помню о достижениях нумизматов.

3. О государственности

Какова была государственная структура Хазарского каганата, уровень её централизации – это проблема, требующая для своего разрешения не один год исследований, не в последнюю очередь археологических в связи с вопросом – была ли материальная салтово-маяцкая культура государственной культурой Хазарского каганата. В этом я в настоящее время стою близко к позиции С.А.Плетнёвой, если держаться в пределах археологического источниковедения. Да, археологическая культура каганата может быть признана «государственной», т.к. основные её проявления, в самую первую очередь керамика, получили распространение буквально на всей *территории* каганата. Специфический поясной набор, горшки и котлы с внутренними ушками с характерным орнаментом, линейно-волнистым, встречаются от Кубани до Среднего Дона. К этому выводу я прихожу не первым. «Локальное разнообразие не заслоняет определённого единства салтово-маяцкой культуры, которое обнаруживает строительная техника, массовый бытовой инвентарь, в том числе характерная керамика, амулеты и т.п. ... Существенно, что ареал салтово-маяцкой культуры совпадает с той территорией Хазарского государства, которую описал хазарский царь Иосиф в письме сановнику кордовского Халифата Хасдаю б. Шапруту» [12, с. 298]. Нивелирующая роль салтово-маяцкой культуры признана В.Е. Флёровой [13]. Эта культура была материальной культурой как праболгарско-

го, так и аланского компонентов населения каганата, притом, что они сохранили специфику погребальной обрядности, как и носители подкурганного обряда и обряда кремации. Открытия последних лет показали, что лесостепной вариант культуры, до недавнего времени воспринимавшийся исключительно как аланский с господством катакомбных погребений, таковым уже не является. Рядом с катакомбными могильниками открываются новые, типично ямные. Это означает, что материальная культура в значительной степени стала надэтнической, «государственной». Да, всё это так, но с одной существенной оговоркой: если термин «государство» приравнять к термину «страна» – *территория* с определённым населением и другими характеризующими её признаками. Иными словами, территория Хазарского каганата суть территория салтово-маяцкой культуры.

Если говорить о *государстве* «Хазарский каганат» и его структуре, то мы должны будем рассматривать совершенно иные категории – институты власти, её формы и полномочия в центре и на местах, степень централизации или, наоборот, слабости таковой. Для Хазарского каганата мы не знаем важнейшего признака становления государства, каковым является вытеснение обычного права юридическими нормами, фиксированными в *правовых документах*, поначалу в самых примитивных, таких как «салические правды». Нет намёков и на существование «судебников» – документов, отражающих социальную стратификацию общества, как правило, в видах наказаний, штрафов, компенсаций имущественного или физического ущерба. Данных о бытовании в каганате подобных ранних правовых документов нет.

Сегодня мы мало продвинулись в определении сущности «государства» Хазарский каганат со времени попыток С.А. Плетнёвой⁵⁾. Выше я отметил разноречивость в её определениях кочевий. Те же затруднения вызвали у неё и характеристики структур Хазарского, равно и иных рассмотренных ею каганатов: «рыхлые государственные объединения», «объединения государственного типа» (вто-

рая стадия кочевания), «государственные степные образования» (обобщающая формулировка), «крупные объединения государственного типа, не успевшие стать государствами», Хазарский каганат = «федерация»; для праболгар на Нижнем Дунае – первоначально «полукочевое государство» (Плетнёва С.А. 1982. [14, с. 43, 49, 122, 131, 109, 105]. Необходимо ли делать выбор непременно на нынешней стадии изучения истории и материальной культуры Хазарского каганата, сегодня и сейчас? С уверенностью можно отбросить характеристику общественной структуры ниже-дунайских праболгар.

* * *

В завершение ещё о перспективах расширения знаний о Хазарском каганате, имея в виду, что находки новых документов, равных по информативности еврейско-хазарской переписке, почти исключены. Непрерывный прогресс в изучении материальной культуры несомненен. Что касается *истории* каганата и его социально-экономических характеристик, то их в сколь либо удовлетворяющих объёмах восстановить не удастся *никогда*. Всегда будут преобладать белые пятна, лакуны и провалы. С одной стороны, недостаток источников делает естественным и вполне понятным появление ошибок в выводах по частным вопросам, но и открывает простор для построения всевозможных широких «реконструкций», которые якобы восполняют отсутствие объективной информации, чуть ли не хазарских хроник и летописей. Увы, как бы тщательно не разрабатывались «реконструкции» они по сути своей таковыми и останутся. Реконструкция не подменяет источник, как бы фундирована она не была.

С другой стороны, нехватка источников должна предостерегать от излишне смелых реконструкций, от использования т.н. косвенных доказательств и доводов. Реконструкция не может быть имплантирована в историческое повествование. Надо ли полностью отбросить попытки реконструкций и создание гипотез? Разумеется, нет, но они лишь инструмент научного исследования и не более.

С этой позиции я рассматриваю и некоторые собственные выводы и предположения, изложенные в настоящей статье.

5) Тема «государственность» салтово-маяцкой культуры периодически всплывает на страницах разных изданий, но преимущественно в русле обсуждения существующих точек зрения (напр.: 15, с. 274).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Красильников К.И., Красильникова Л.И. Идентифицирующие признаки населения степного Подонцовья в структуре Хазарского каганата// Хазары: миф и история. – М.-Иерусалим, 2010.
2. Плетнёва С.А. От кочевий к городам. – М., 1967.
3. Ильюков Л.С., Флёров В.С. Поселение позднебронзового века в Северо-Восточном Приазовье// Очерки древней этнической и экономической истории Нижнего Дона. Межвузовский сборник научных трудов. – Ростов-на-Дону, 1980.
4. Бакушев М.А. Многослойный археологический памятник «Манучкина балка IV»// Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2007-2008 гг. – Азов, 2010. – Вып. 24.
5. Иванов А.А. Крымский археологический комплекс: исследования 2006-2009 гг.// Хазары: миф и история. – М.-Иерусалим, 2010.
6. Колода В.В. Новые материалы к проблеме оседания средневековых кочевников: критерии выделения и подходы к решению (на примере исследования городища Мохнач)// Хазарский альманах. – Харьков, 2005. – Т. 4.
7. Петрухин В.Я. Хазарская дань и славяне: к истории тюрко-славянских отношений// Тюркологический сборник. 2003-2004. Тюркские народы в древности и средневековье. – М., 2005.
8. Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. – Харьков, 1985.
9. Колода В.В. Черная металлургия Днепро-Донского междуречья во второй половине I тыс. н.э. – Харьков, 1999.
10. Колода В.В., Горбаненко С.А. Сельское хозяйство носителей салтово-маяцкой культуры в лесостепной зоне. – Киев, 2010.
11. Аладжов Ж. За общественото начало в устройството на прабългарската войска// Проблеми на прабългарската история и култура. – Шумен, 1997. – Т. 3.
12. Петрухин В.Я. Хазарский каганат и его соседи// История татар. Народы степной Евразии в древности. – Казань, 2002. – Том I.
13. Флёрова В.Е. Подкурганские погребения восточноевропейских степей и пути сложения культуры Хазарии// Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. – Донецк, 2001. – Т. 2.
14. Плетнёва С.А. Кочевники Средневековья. – М., 1982.
15. Моця А.П. Население Хазарского каганата в Юго-Восточном Крыму// Судейский сборник. – Киев–Судак, 2004.

